

ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3 (54) 2024

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (54) 2024

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (54) 2024

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 3 (54) 2024

Anastasija I. Gruzdeva. Syntax and semantics of the -š verbal reciprocals in Terek Kumyk	7
Uldanay Jumabay. The formal and semantic asymmetry of negation in Kazakh subordinate clauses	28
Mikhail M. Kolodyzhny. Tonological rules of nominal compounds in Middle Japanese.....	47
Uliana P. Strizhak. Agentivity of Japanese resultatives: implicit actor and state semantics.....	84

PERSONALIA

Natalia V. Kondratieva, Olga B. Strelkova. Scientia potentia est: In memory of professor V. K. Kel'makov (1942—2023).....	108
Style sheet	116

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (54) 2024

А. И. Груздева. Синтаксис и семантика глагольного реципрока на <i>-ш</i> в терском диалекте кумыкского языка.....	7
У. Жумабай. Формальная и семантическая асимметрия отрицания в придаточных предложениях в казахском языке	28
М. М. Колодяжный. Тонологические законы среднеяпонских именных композитов	47
У. П. Стрижак. Агентивность японских результативных конструкций: скрытый деятель и семантика состояния	84

ПЕРСОНАЛИИ

Н. В. Кондратьева, О. Б. Стрелкова. Scientia potentia est: памяти профессора В. К. Кельмакова (1942—2023).....	108
Требования к оформлению статей.....	116

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь

Н. А. Кошелюк

(к.ф.н., Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН, Гамбургский университет), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Гамбургский университет)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary

Natalia Koshelyuk

(Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; University of Hamburg), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbееv (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (University of Hamburg), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Aknulla Bashkir State Pedagogical University), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Синтаксис и семантика глагольного реципрока на *-ш* в терском диалекте кумыкского языка

Груздева Анастасия Ильинична,
Институт языкознания РАН (Москва), Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
gruzdevaai@my.msu.ru

В работе даётся характеристика показателю реципрока *-ш* в терском диалекте кумыкского языка. Материалом послужили данные, собранные в ходе экспедиций в с. Предгорное Республики Северная Осетия — Алания в августе 2022 и 2023 гг.

В грамматике [Гаджихмедов и др. 2014], описывающей литературный кумыкский язык, который основан на диалектах Дагестана, суффикс *-ш* рассматривается в качестве показателя так называемого взаимно-совместного залога. В изучаемом идиоме этот аффикс, в отличие от многих других тюркских языков, на данный момент непродуктивен. В ходе элицитации удалось выявить только несколько лексикализованных дериватов с этим суффиксом, часть из них утратили производящие основы и не употребляются без *-ш*. Большинство *-ш*-дериватов имеют реципрокальную семантику, у очень ограниченного числа возможны социативные интерпретации. Также встретились депациентив, ассистив и дериваты с совсем не композиционной семантикой.

В синтаксическом плане реципрокальные *-ш*-дериваты сочетаются с множественным субъектом, который может быть выражен именной группой во множественном числе, сочетанием номинативного участника с комитативным или сочинением именных групп с помощью союза *да* 'и'. В статье рассмотрены свойства комитативного участника в таких клаузах. Как показывают тесты, приемлемы две конфигурации: комитативный участник может входить как в именную группу номинативного участника, так и в глагольную группу. Однако при порядке составляющих «комитативная ИГ + номинативная ИГ» комитативный участник зависит от глагола и не образует составляющую с номинативным участником.

Ключевые слова: реципрок, социатив, актантные деривации, залог, кумыкский язык

SYNTAX AND SEMANTICS OF THE *-š* VERBAL RECIPROCALLS IN TEREK KUMYK

Anastasija I. Gruzdeva,
Institute of Linguistics, RAS (Moscow), Lomonosov Moscow State University;
gruzdevaai@my.msu.ru

This paper addresses syntax and semantics of the reciprocal marker *-š* in the Terek dialect of Kumyk, a Turkic language of the Kipchak group. The study is based on data collected by the author during the expedition to the village Predgornoje in the Republic of North Ossetia — Alania in August 2022, 2023.

In the grammar [Gadžiahmedov et al. 2014] describing Standard Kumyk, which is based on Dagestan dialects, the suffix *-š* is regarded as a marker of the so called “mutual-collective voice”. In this paper, I look into possible meanings of the suffix *-š* using several base verbs, and I propose a different classification in line with modern typological terminology conventions.

In the idiom in question, unlike in many other Turkic languages, this affix is currently unproductive. During elicitation, only few lexicalized derivatives turned out to be possible, some of them have lost their base verbs and are not used without the suffix. Most *-š*-derivates (but not all of them) have reciprocal semantics, sociative interpretations are possible in a very limited number of derivatives in Terek Kumyk. I also came across depatientive and assistive interpretations, as well as derivatives whose semantics does not seem to be compositional at all.

Syntactically, *-š*-derivates combine with a plural subject, which can be realized either via plural NP, combination of a nominative argument with a comitative argument, or NP coordination with help of *da* ‘and’. This study addresses the syntactic position of the comitative argument in such clauses. As my tests show, two configurations are possible: the comitative NP can be contained in either the nominative NP or the VP. However, the “comitative NP + nominative NP” word order only allows for the comitative argument to be included in the VP.

Keywords: reciprocal, sociative, valency-changing operations, voice, Kumyk

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 22-18-00285 «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование», реализуемого в МГУ им. М. В. Ломоносова.

1. Введение¹

Настоящая статья посвящена показателю реципрока *-и* в терском диалекте кумыкского языка, который относится к западнокыпчакской подгруппе карлукско-кыпчакской группы тюркских языков. Работа преследует две основные цели: во-первых, проверить набор *-и*-дериватов с разной семантикой на материале конкретного идиома и сделать выводы о возможных значениях аффикса; во-вторых, определить синтаксическую структуру клауз с такими дериватами, а именно синтаксическую позицию комитативного участника.

Реципроку в кумыкском языке посвящена статья [Гаджихмедов 2021]. Суффикс *-и* рассматривается в рамках грамматических описаний кумыкского языка [Гаджихмедов и др. 2014: 277—279; Гаджихмедов 2000: 152—157; 2022: 277—287], а также в трудах по сравнительно-исторической тюркологии, см. [Тенишев (ред.) 1988: 309—324]. Существует и ряд работ об особенностях диалектов кумыкского языка, например [Гаджиева 2006; Дыбо, Кочакаева 2019] о кайтакском диалекте, [Гусейнов 2021] о терском диалекте и др. Впрочем, полисемия суффикса *-и* в терском диалекте кумыкского не анализировалась подробно в предшествующей литературе; исследования, посвящённые свойствам актантов в клаузах с глагольным реципроком, также немногочисленны. Несмотря на то что актантные преобразования, связанные с реципроком, комитативом и другими близкими актантными деривациями, часто становятся предметом изучения, исследователи довольно редко заходят на один шаг глубже, чтобы выяснить, каковы субъектные и объектные свойства актантов при производном глаголе, образуют ли они сочинительную или подчинительную конструкцию. Настоящая статья призвана по крайней мере частично восполнить эти лакуны. Цель работы — охарактеризовать маркер реципрока для данного диалекта, проверить описанный ранее набор употреблений на материале этого идиома, сделать выводы о семантике показателя и проанализировать синтаксическую структуру реципрокальных клауз с актантами в комитативе, а также структурные различия таких конструкций при разном порядке слов. Совмещение в одной модели реципрока разных моделей управления (симметричных и несимметричных) — типологически довольно распространённый феномен, поэтому полученные данные и выводы будут полезны в качестве свидетельства этой фреквенталии.

Основной материал для статьи был собран в ходе экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в с. Предгорное Республики Северная Осетия — Алания в августе 2022 и 2023 гг. Опрошенные носители кумыкского языка — семь педагогов местной школы разного возраста, студентка и две ученицы старших классов, активно использующие терский кумыкский в повседневном общении. Главным методом сбора данных послужила элицитация кумыкских предложений с русских стимулов, а также предъявление предложений на кумыкском языке для оценки их приемлемости. Каждый пример был получен от нескольких информантов. Балкарские данные, приводимые иногда для типологической перспективы, были собраны таким же методом в с. Верхняя Балкария Кабардино-Балкарской республики в августе 2021 г.

2. Общие сведения о суффиксе

Суффикс *-и* в изучаемом идиоме в настоящее время непродуктивен. В ходе элицитации удалось выявить только несколько лексикализованных дериватов с этим аффиксом. Большинство (но не все) из них имеют реципрокальную семантику. Так, в (1) можно наблюдать пример прототипической реципрокальной деривации: (1a) — базовый пример исходной диатезы глагола *урмакъ* ‘бить’, которая включает в себя Агенса в номинативе и Пациенса в дативе. В (1b.1) мы видим двух сочинённых номинативных участников, каждый из которых играет одновременно и роль Агенса, и роль Пациенса. (1b.2) — тоже пример реципрокальной деривации, но роль первого участника играют Алим и Керим совместно, в то время как второй участник (их соперник) остаётся фонологически не выраженным.

(1) а. *Алим Керим-ге ур-ду.*
Алим.NOM Керим-DAT бить-PST
‘Алим ударил Керима’.

б. *Алим=де Керим=де ур-уи-ду-лар.*
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD бить-REC-PST-3PL
1. ‘Алим и Керим подрались/поругались (друг с другом)’.
2. ‘Алим и Керим (вместе) подрались с кем-то ещё’.

¹ Автор благодарит С. Г. Татевосова за чуткое руководство, поддержку и научное вдохновение, а также информантов-переводчиков из с. Предгорное, которые работали с экспедициями в 2022 и 2023 гг., за их долготерпение, гостеприимство, дружбу и продуктивную работу.

При дериватах на *-и* возможно и так называемое комитативное сочинение:

- (2) *Алим Керим-мнен² ур-уш-ду-лар.*
 Алим.NOM Керим-COM бить-REC-PST-3PL
 1. ‘Алим и Керим подрались / поругались (друг с другом)’.
 2. ‘Алим и Керим (вместе) подрались с кем-то ещё’.

В реципрокальных клаузах с суффиксом *-и* также можно сочинить больше двух участников — как номинативных (3), так и комитативных (4):

- (3) *Алим=не³ Керим=не Хабиб=не ур-уш-ду-лар.*
 Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD Хабиб.NOM=ADD бить-REC-PST-3PL
 ‘Алим, Керим и Хабиб подрались/поругались (все между собой)’.
- (4) *Алим Керим-мнен=не Хабиб-мнен=не ур-уш-ду.*
 Алим.NOM Керим-COM=ADD Хабиб-COM=ADD бить-REC-PST
 ‘Алим подрался с Керимом и Хабибом’.

3. Семантика суффикса *-и* в терском кумыкском

*-и*⁴ — общетюркский суффикс, кодирующий на синхронном уровне в первую очередь реципрок, или взаимный залог. Вместе с тем ему свойственна полисемия, преимущественно социативно-реципрокальная (взаимно-совместный залог) [Nedjalkov 2006: 10—11, 17], встречающаяся, например, в киргизском и якутском языках. Ещё одно типологически частотное значение суффикса *-и* — ассистив, которое наблюдается в том числе в тувинском и татарском [Nedjalkov 2006: 11; Привознов 2014]. К более редким значениям общетюркского суффикса относятся депациентив (в татарском [Nedjalkov 2006: 18]), компетитив (в балкарском [Nedjalkov 2002: 61—65; Груздева 2024]), антикаузатив (в якутском, киргизском, татарском [Nedjalkov 2006: 36—37]), множественность (в киргизском, узбекском, казахском [ibid.: 29]) и ещё несколько непродуктивных значений. Мнения касательно семантического инварианта аффикса *-и* разнятся: по В. П. Недялкову, первично значение реципрока [Nedjalkov 2006: 20], в [Gandon 2018] современная полисемия суффикса диахронически сводится к множественной собирательности (plural collective marker).

В целом суффикс *-и* в кумыкском обнаруживает существенно меньшую продуктивность, чем в других тюркских языках (в частности, в близкородственном карачаево-балкарском, примеры дериватов см. в [Груздева 2022; Gruzdeva, Paramonova 2023]), и встречается в ограниченном количестве дериватов, зачастую лексикализованных. Приведём несколько примеров *-и*-дериватов, возможных в балкарском, но не в кумыкском (даже при добавлении реципрокального местоимения, подробнее о нём см. п. 4):

- (5) кумыкский
- а. *Алим Фатима-гъа къара-ды.*
 Алим.NOM Фатима-DAT смотреть-PST
 ‘Алим посмотрел на Фатиму’.
- б. **Алим=де Фатима=да (бир-бир-и-не) къара-и-ды-лар.*
 Алим.NOM=ADD Фатима.NOM=ADD один-один-3-DAT смотреть-REC-PST-3PL
- с. **Алим Фатима-мнан (бир-бир-и-не) къара-и-ды-лар.*
 Алим.NOM Фатима-COM один-один-3-DAT смотреть-REC-PST-3PL

² В литературном кумыкском для выражения комитативного значения на именной группе используется послелог *булан* ‘с’ (см. примеры таких реципрокальных клауз в [Гаджихмедов 2000: 152; 2021; 2022: 278]), но в терском кумыкском эта лексема потеряла автономность, претерпела фонетические изменения, превратившись в *-мнан/ -мнен*, и гармонирует со словоформой, к которой присоединяется.

³ В терском диалекте кумыкского языка распространена прогрессивная ассимиляция согласных с носовыми согласными. Сочинительный союз *да* в рассматриваемом идиоме, не обладая полноценной автономностью, выступает в качестве клитики и подвергается сингармонизму и иногда ассимиляции; в результате возможны алломорфы *да, де, на и не*.

⁴ Другие варианты фонологического выражения суффикса — «*-s/-h* в якутском, *-š/-z/-č* в хакасском, *-š/-ž/-č* в тувинском и *-š/-š* в чувашском» ([Nedjalkov 2006: 3], перевод мой. — А. Г.).

- (6) балкарский
- а. *Керим Аминат-ха къара-ды.*
Керим.NOM Аминат-DAT смотреть-PST
‘Керим посмотрел на Аминат’.
- б. *Керим бла⁵ Аминат къара-ш-ды-ла.*
Керим.NOM и Аминат.NOM смотреть-REC-PST-3PL
1. ‘Керим и Аминат засмотрелись/посмотрели (на кого-то)’.
2. ‘Керим и Аминат играли в гляделки’.
3. ‘Керим и Аминат переглянулись, посмотрели друг на друга’.
- (7) кумыкский
- а. *Алим Керим-ге хабар айт-ды.*
Алим.NOM Керим-DAT рассказ.ACC говорить-PST
‘Алим рассказал Кериму историю’.
- б. **Алим=де Керим=де хабар айт-ыш-ды-лар.*
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD рассказ.ACC говорить-REC-PST-3PL
- с. **Алим Керим-мнен хабар айт-ыш-ды-лар.*
Алим.NOM Керим-COM рассказ.ACC говорить-REC-PST-3PL
- (8) балкарский
- ата-сы бла заш-ы хапар айт-ыш-ды-ла.*
отец-3.NOM и мальчик-3.NOM рассказ.ACC говорить-REC-PST-3PL
1. ‘Отец с сыном поговорили’.
2. ‘Отец с сыном рассказали друг другу новости’.
3. ‘Отец и сын соревновались в рассказывании историй’.
4. ‘Отец и сын рассказывали истории (кому-то ещё)’.

В грамматике [Гаджихмедов и др. 2014: 277—279], описывающей литературный кумыкский язык, который основан на диалектах Дагестана, суффикс *-ш* рассматривается в качестве показателя так называемого взаимно-совместного залога. Авторы грамматики различают у *-ш*-derivатов значения взаимности, совместности, «взаимно-совместное» и «совместно-возвратное» значения. В дальнейшем для классификации залоговых и актантно-derivационных значений суффикса в терском кумыкском (см., например, посвящённый реципрокальным показателям сборник [Nedjalkov 2007a]) я буду использовать общепринятые в современной мировой типологической науке термины, в частности «реципрок» для взаимного залога и «социатив» — для совместного.

В отличие, например, от балкарского языка, предложения типа (1b) и (2) в кумыкском не допускают социативных и каких-либо иных интерпретаций (таких как компетитивные (9.2)), кроме реципрокальной, в том числе при добавлении дативного участника, который препятствует реципрокализации, занимая одну из валентностей предиката, — в таком случае предложение становится просто неграмматичным (10), (11).

- (9) *Алим=не Керим=не Хабиб=не ур-уш-ду-лар.*
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD Хабиб.NOM=ADD бить-REC-PST-3PL
1. ‘Алим, Керим и Хабиб подрались/поругались (все между собой)’.
2. * ‘Алим, Керим и Хабиб соревновались в борьбе’.
- (10) **Алим=де Керим=де мишик-ге ур-уш-ду-лар⁶.*
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD кошка-DAT бить-REC-PST-3PL
Ожид.: ‘Алим и Керим (вместе) ударили кошку’.
- (11) **Алим Керим-мнен мишик-ге ур-уш-ду-лар.*
Алим.NOM Керим-COM кошка-DAT бить-REC-PST-3PL
Ожид.: ‘Алим с Керимом (вместе) ударили кошку’.

⁵ Тюркский аддитивный союз *да* в балкарском тоже присутствует [Баскаков (ред.) 1976: 301], но на сегодняшний день я располагаю данными только с аддитивным союзом *бла*; в статье [Nedjalkov 2002], посвящённой караево-балкарским реципрокам, также приводятся предложения лишь с этим союзом (где вообще имеет место множественный субъект, выраженный двумя именными группами).

⁶ Для некоторых носителей предложение приемлемо в значении ‘Алим и Керим поругали кошку’. О некомпозиционном значении ‘ругать’ деривата *урушмакъ* см. ниже.

Аналогично глаголы *гёрмек* ‘видеть’, *оьпмек* ‘целовать’, *сюзмек* ‘бодать’ образуют реципрокальные дериваты (12b), (13c, d), (14c, d, e.1), но не социативные (12c), (13e), (14g). Интересно, что *-и*-дериват от *сюзмек*, помимо реципрока, может иметь и депациентивное значение (14e.2, f): при такой актантной деривации из диатезы глагола также удаляется дополнение, но приводит это к значению некоторого свойства Агенса (депациентив зафиксирован и у суффикса *-и* в мишарском диалекте родственного татарского языка [Привознов 2014: 835]; данное преобразование диатезы в литературе ещё называют объектным имперсоналом [Плунгян 2011: 217]).

- (12) а. *Алим Керим-ни гёр-ди.*
Алим.NOM Керим-ACC видеть-PST
‘Алим увидел Керима’.
- б. *Алим Керим-мнен гёр-иш⁷-ди-лер.*
Алим.NOM Керим-COM видеть-REC-PST-3PL
‘Алим и Керим увиделись’.
- с. *Алим Керим-мнен Фатима-ны гёр-дю-лер / *гёр-иш-ди-лер.*
Алим.NOM Керим-COM Фатима-ACC видеть-PST-3PL видеть-REC-PST-3PL
‘Алим с Керимом увидели Фатиму’.
- (13) а. *Керим Фатима-ны оьп-дю.*
Керим.NOM Фатима-ACC целовать-PST
‘Керим поцеловал Фатиму’.
- б. *яш-лар ана-сы-н оьп-дю-лер.*
ребёнок-PL.NOM мать-3-ACC целовать-REC-PST-3PL
‘Дети поцеловали мать’.
- с. *Фатима Керим-мнен оьб-юш-дю-лер.*
Фатима.NOM Керим-COM целовать-REC-PST-3PL
‘Фатима с Керимом поцеловались’.
- д. *яш-лар ана-сы-мнан оьб-юш-дю-лер.*
ребёнок-PL.NOM мать-3-COM целовать-REC-PST-3PL
‘Дети поцеловались с матерью’.
- е. **яш-лар мама-сы-н оьб-юш-дю-лер.*
ребёнок-PL.NOM мама-3-ACC целовать-REC-PST-3PL
Ожид.: ‘Дети (вместе) поцеловали маму’.
- (14) а. *тана Керим-ни сюз-ди.*
бык.NOM Керим-ACC бодать-PST
‘Бык забодал Керима’.
- б. *тана-лар Керим-ни сюз-дю-лер.*
бык-PL.NOM Керим-ACC бодать-PST-3PL
‘Быки забодали Керима’.
- с. *тана-лар сюз-юш-дю-лер.*
бык-PL.NOM бодать-REC-PST-3PL
‘Быки пободались между собой (бодали друг друга)’.
- д. *тана бузав-мнан сюз-юш-дю-лер.*
бык.NOM телёнок-COM бодать-REC-PST-3PL
‘Бык и телёнок пободались между собой (бодали друг друга)’.
- е. *тана-лар сюз-юш-е-лер.*
бык-PL.NOM бодать-REC-IPFV-3PL
1. ‘Быки бодаются между собой (бодают друг друга)’.
2. ‘Быки бодаются (вообще бодливые)’.
- ф. *тана сюз-юш-е.*
бык.NOM бодать-REC-IPFV
‘Бык бодается (вообще)’.
- г. **тана-лар Керим-ни сюз-юш-дю-лер.*
бык-PL.NOM Керим-ACC бодать-REC-PST-3PL
Ожид.: ‘Быки (вместе) забодали Керима’.

⁷ Гармония по огубленности в кумыкском языке факультативна, поэтому в одном и том же деривате можно встретить суффикс в вариантах *-иш* (12b) и *-юш* (20b).

Прагматически естественно, что *-и*-дериваты от глаголов, обозначающих прототипически реципрокальные действия ((1), (13), (22), (26), (28)), будут иметь прежде всего реципрокальное значение: это самая логичная, а потому первая интерпретация в таких случаях. Сила данного прагматического эффекта может делать остальные потенциальные интерпретации менее или вообще не приемлемыми. От глаголов, не обозначающих прототипически реципрокальные действия, образовать социативные, дистрибутивные или компетитивные⁸ (по аналогии с балкарским; см. скалярный анализ компетитива в [Gruzdeva, Ragamonova 2023: 26]) дериваты на *-и* в кумыкском обычно тоже не представляется возможным:

- (15) а. *яш-лар ат-ыл-ды(-лар)*.
ребёнок-PL.NOM бросать-PASS-PST(-3PL)
'Дети прыгнули'.
б. **яш-лар ат-ыл-ыш-ды-лар*.
ребёнок-PL.NOM бросать-PASS-REC-PST(-3PL)
Ожид.: 'Дети прыгнули (все вместе / по очереди / соревнуясь)'.
- (16) а. *Алим=не Керим=не чорпа аша-ды-лар*.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD суп.ACC есть-PST-3PL
'Алим и Керим съели суп'.
б. **Алим=не Керим=не чорпа аша-и-ды-лар*.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD суп.ACC есть-REC-PST-3PL
Ожид.: 'Алим и Керим съели суп (вместе / соревнуясь)'.
- (17) а. *Керим кёп чуду-лар эт-ди / бишир-ди*.
Керим.NOM много пирог-PL.ACC делать-PST печь-PST
'Керим приготовил/испёк много пирогов'.
б. **Керим (Алим-мнен) кёп чуду-лар эт-иш-ди / бишир-иш-ди*.
Керим.NOM Алим-COM много пирог-PL.ACC делать-REC-PST печь-REC-PST
Ожид.: 'Керим (с Алимом) приготовил/испёк много пирогов'.

Ср. возможные значения суффикса *-и* в балкарском (помимо реципрока): (18.1), (19.2) — компетитивные интерпретации, (18.2), (19.1) — социативные интерпретации, (18.3) — дистрибутивная интерпретация дериватов на *-и*.

- (18) *Хабиб бла Керим алма-лар-ы-н аша-и-ды-ла*.
Хабиб.NOM и Керим.NOM яблоко-PL-3-ACC есть-REC-PST-3PL
1. 'Хабиб и Керим, соревнуясь, ели яблоки'.
2. 'Хабиб и Керим (вместе) ели яблоки'.
3. 'Хабиб и Керим по очереди ели яблоки'.
- (19) *Алим бла Керим шорпа бишир-иш-ди-ле*.
Алим.NOM и Керим.NOM суп.ACC варить-REC-PST-PL
1. 'Алим и Керим сварили много супа'.
2. 'Алим и Керим соревновались в варении супа'.

Ниже приведены некоторые реципрокальные дериваты на *-и*, допустимые для терского диалекта кумыкского языка (мои данные здесь подтверждают данные литературного кумыкского в [Гаджихмедов и др. 2014: 277—279]). Для деривата от глагола *атмакъ* 'бросать' возможно и социативное значение, т. е. семантика совместного действия (21b.2, с.2, е.2).

- (20) а. *Алим Хабиб-ни гёр-дю*.
Алим.NOM Хабиб-ACC видеть-PST
'Алим увидел Хабиба'.

⁸ В [Гаджихмедов 2000: 156; 2021: 67; 2022: 281] в качестве примеров компетитивных свойств суффикса *-и* упоминаются две словоформы: *эришмеге* 'спорить' и *ярыш* 'соревнование'. Производящая основа первой из них не засвидетельствована в [Кумыкский словарь 2018] (не находим **эр(и)мек*), поэтому сложно делать выводы о том, какую семантику здесь привносит формант *-и*. Последняя же, судя по всему, содержит омонимичный рассматриваемому суффиксу номинализатор *-и*, который выполняет принципиально иные синтаксические и семантические функции.

b. *Алим=де Хабиб =де гёр-юш-дю-лер.*

Алим.NOM=ADD Хабиб.NOM=ADD видеть-REC-PST-3PL

1. 'Алим и Хабиб увиделись, встретились (друг с другом)'.
2. * 'Алим и Хабиб увидели друг друга'.

c. *Алим Керим-мнен гёр-иш-ди-лер.*

Алим.NOM Керим-COM видеть-REC-PST-3PL

'Алим и Керим увиделись'.

(21) a. *Алим Керим-ге ястыкъ ат-ды.*

Алим.NOM Керим-DAT подушка.ACC бросать-PST

'Алим в Керима кинул подушку'.

b. *Алим Керим-мнен (таш-лар / таш-ла-ны) ат-ыш-ды-лар.*

Алим.NOM Керим-COM камень-PL.ACC камень-PL-ACC бросать-REC-PST-3PL

1. 'Алим с Керимом кидались камнями (друг в друга)'.
2. 'Алим с Керимом кидались камнями (просто вместе)'.

c. *Алим=де Керим=де ат-ыш-ды-лар.*

Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD бросать-REC-PST-3PL

1. 'Алим с Керимом кидались камнями (друг в друга)'.
2. 'Алим с Керимом кидались камнями (просто вместе)'.

d. *Алим=де Керим=де ястыкъ-мнан ат-ыш-ды-лар.*

Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD подушка-COM бросать-REC-PST-3PL

'Алим и Керим перекидывались подушкой'.

e. *Алим=де Керим=де ястыкъ-ла-ны ат-ыш-ды-лар.*

Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD подушка-PL-ACC бросать-REC-PST-3PL

1. 'Алим и Керим кидались подушками (друг в друга)'.
2. 'Алим и Керим кидались подушками (просто вместе)'.

(22) a. *Алим Керим-ни къучакъла-ды.*

Алим.NOM Керим-ACC обнимать-PST

'Алим обнял Керима'.

b. *Алим=де Керим=де къучакъла-и-ды-лар.*

Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD обнимать-REC-PST-PL

'Алим и Керим обнялись'.

c. *Алим Керим-мнен къучакъла-и-ды-лар.*

Алим.NOM Керим-COM обнимать-REC-PST-PL

'Алим с Керимом обнялись'.

Многие *-и*-дериваты в кумыкском имеют некомпозиционную семантику, т. е. их значение складывается только лишь из значений производящей основы и суффикса *-и*, а содержит ещё и дополнительные семантические компоненты. Так, в (20b) реципрокальный дериват от глагола *гёрмек* 'видеть' не может иметь буквальную вторую интерпретацию, состоящую из значения производящей основы и реципрока ('видеть друг друга'). Возможна только первая интерпретация, включающая в себя дополнительный семантический компонент, подразумевающий встречу. Ещё один пример некомпозиционности — глагол *таламакъ*, который в зависимости от контекста выступает в значениях 'кусать' (23b) и 'набрасываться' (23a). При добавлении же суффикса *-и* получаем дериват со значением 'беситься' (23c): вероятно, здесь имеет место элемент социативной семантики, но в любом случае связь с производящим глаголом по меньшей мере неочевидна, к тому же, в отличие от стандартного социатива, дериват *таламакъ* теряет валентность прямого дополнения (23c). Кроме того, при добавлении суффикса *-и* дериват перестаёт семантически сочетаться с субъектом *комарлар* 'комары' (23d), несмотря на то что исходный глагол с ним сочетается:

(23) a. *яш-лар кямпет-ле-ни тала-ды-лар.*

ребёнок-PL.NOM конфета-PL-ACC кусать, набрасываться-PST-3PL

'Дети накинудились и быстро съели конфеты'.

b. *комар-лар тала-ды.*

комар-PL.NOM кусать, набрасываться-PST

'Комары кусали'.

- с. *яш-лар* (**кямнет-ле-ни*) *тала-ш-ды-лар*.
ребёнок-PL.NOM конфета-PL-ACC кусать, набрасываться-REC-PST-3PL
'Дети шумели, бегали, прыгали, бесились, паясничали'.
d. *комар-лар тала-ш-ды-лар*.
комар-PL.NOM кусать, набрасываться-REC-PST-PL
'Комары бесились'.

В (24b) мы видим *-ш-*дериват с несомненно реципрокальной семантикой, тем не менее его значение не может складываться исключительно из семантики исходного глагола *гелмек* 'приходить' и идеи взаимности (24b.2), присутствует ещё и некомпозиционный элемент:

- (24) а. *Алим тюкен-нге гел-ди*.
Алим.NOM магазин-DAT приходить-PST
'Алим пришёл в магазин'.
b. *Фатима=да Керим=де (бир-бир-и-мнен) гел-ши-ди-лер*.
Фатима.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-COM приходить-REC-PST-3PL
1. 'Фатима и Керим подошли друг другу (поладили друг с другом)'.
2. * 'Фатима и Керим пришли друг к другу'.

Семантика *-ш-*деривата от глагола *ярамакъ* 'подходить, годиться, угождать' тоже не вполне композициональна: как показано в (25b), он не имеет значения 'подходить друг другу', которое прямо соответствовало бы значению производящей основы:

- (25) а. *этик-лер магъа яра-ды-лар*.
сапог-PL.NOM я.DAT подходить-PST-3PL
'Сапоги мне подошли'.
b. *Мустафа Фатима-мнан яра-ш-ды-лар*.
Мустафа.NOM Фатима-COM подходить-REC-PST-3PL
'Мустафа с Фатимой помирились/поладили/*подошли друг другу'.

Реципрокальный дериват от *хабарламак* 'разговаривать' может иметь как композициональное ('разговаривать друг с другом'), так и некомпозициональное значение ('договариваться друг с другом'):

- (26) а. *Алим Керим-мнен хабарла-ды*.
Алим.NOM Керим-COM разговаривать-PST
'Алим поговорил с Керимом'.
b. *Алим Керим-мнен хабарла-ш-ды-(лар)*.
Алим.NOM Керим-COM разговаривать-REC-PST-3PL
'Алим с Керимом договорились/поговорили'.
с. *Алим=де Керим=де хабарла-ш-ды-(лар)*.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD разговаривать-REC-PST-3PL
'Алим с Керимом договорились/поговорили'.
d. *Алим Керим-мнен хабарла-ш-ды эртен ёлукъ-магъа*.
Алим.NOM Керим-COM разговаривать-REC-PST-3PL утром встречаться-INF
'Алим с Керимом договорились встретиться утром'.

У рассмотренного выше реципрокального деривата *урушмакъ* 'драться, ругаться' одно из реципрокальных значений некомпозиционально ('ругаться'), кроме того, этот дериват может выражать некомпозициональное значение 'ругать', отсутствующее у исходного глагола (пример (27), см. также [Гаджихамедов 2000: 153—154; 2021: 65—66; 2022: 279—280]): в результате лексикализации в нём утратился собственно реципрокальный компонент, множественность субъекта оказалась необязательной.

- (27) а. *Алим Керим-ге ур-уш-ду*.
Алим.NOM Керим-DAT бить-REC-PST
'Алим поругал Керима'.
b. *Алим Керим-ге ур-ду*.
Алим.NOM Керим-DAT бить-PST
1. 'Алим ударил Керима'.
2. * 'Алим поругал Керима'.

Реципрокальный дериват от *сёйлемек* ‘говорить’ в терском кумыкском, по интуиции по крайней мере одной из опрошенных носительниц (старшего возраста), приобретает дополнительный негативный оценочный компонент, означая ‘ругаться (друг с другом)’ (в отличие от данных литературного кумыкского [Гаджихамедов и др. 2014: 277; Гаджихамедов 2000: 153; 2022: 279], где указана только нейтральная некомпозициональная интерпретация: «*сёйле*- “говорить” — *сёйлеи*- “договариваться”») (28b.1, с.1). Для двух других носительниц — старшего и школьного возраста — таких коннотаций у деривата не обнаруживается. Композициональное значение ‘поговорить друг с другом’ (28b.2, с.2) и некомпозициональное значение ‘договариваться’ (28d) у деривата *сёйлеимек* тоже возможны.

- (28) а. *Алим Керим-мнен сёйле-ди-(лер)*.
Алим.NOM Керим-COM говорить-PST-3PL
‘Алим с Керимом поговорил(и)’.
- б. *Алим Керим-мнен сёйле-и-ди-лер*.
Алим.NOM Керим-COM говорить-REC-PST-3PL
1. %‘Алим и Керим поругались, повздорили’.
2. ‘Алим и Керим поговорили’.
- с. *Алим=де Керим=де сёйле-и-ди-(лер)*.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD говорить-REC-PST-3PL
1. %‘Алим и Керим поругались, повздорили’.
2. ‘Алим и Керим переговорили, обсудили что-то’.
- д. *Алим Керим-мнен сёйле-и-ди эртен ёлукъ-магъа*.
Алим.NOM Керим-COM говорить-REC-PST утром встречаться-INF
‘Алим договорился с Керимом встретиться утром’.

-и-дериват от глагола *болмакъ* ‘быть’ обладает совсем не композициональной и к тому же не реципрокальной (29с.2), а ассистивной семантикой, т. е. значением помощи (ассистивное значение регулярно у *-и*-дериватов в мишарском татарском [Привознов 2014: 833]), которое, впрочем, ни у каких других *-и*-дериватов в кумыкском не выявлено⁹:

- (29) а. *ёл генг бол-ды*.
дорога.NOM широкий быть-PST
1. ‘Дорога стала шире’.
2. ‘Дорога стала широкой’.
- б. *Алим Керим-ге бол-уи-ду*.
Алим.NOM Керим-DAT быть-REC-PST
‘Алим помог Кериму’.
- с. *Алим=де Керим=де бол-уи-ду-лар*.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD быть-REC-PST-3PL
1. ‘Алим и Керим помогли (кому-то, неполное)’.
2. * ‘Алим и Керим друг другу помогли’.

Такая лексикализация *-и*-деривата встречается не только в кумыкском языке, но и, например, в балкарском, и упоминается в [Тенишев (ред.) 1988: 322]. Ассистивная семантика могла развиваться из социативной: ‘быть вместе’ > ‘поддерживать, помогать’ (ср. рус. *быть рядом*).

-и-дериват от *тартмакъ* ‘тянуть’ может иметь разные некомпозициональные значения социативно-го или реципрокального толка (30b), однако композициональная социативная семантика, к примеру, при этом невозможна (30с):

- (30) а. *Алим эшик-ни тарт-ды*.
Алим.NOM дверь-ACC тянуть-PST
‘Алим потянул дверь’.
- б. *Алим=де Керим=де тарт-ыи-ды-лар*.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD тянуть-REC-PST-3PL
1. ‘Алим и Керим игрались, соревновались, тягались’.
2. ‘Алим и Керим подрались, поругались’.

⁹ В [Гаджихамедов 2000: 155; 2021: 66; 2022: 280] ассистивная семантика суффикса предполагается также у деривата *кёмеклеимек* ‘оказывать помощь друг другу’, однако на самом деле значение помощи — часть лексической семантики корня этого слова (*кёмек* ‘помощь’ [Кумыкский словарь 2018]), а суффикс *-и* ожидаемо привносит лишь реципрокальность (‘друг другу’).

- с. *Алим=де Керим=де эшик-ни тарт-ыш-ды-лар.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD дверь-ACC тянуть-REC-PST-3PL
Ожид.: ‘Алим и Керим (вместе) потянули дверь’.

Вследствие сильной лексикализации производность некоторых *-иш*-дериватов вовсе перестаёт проявляться в семантике. Пример (31) взят из [Гаджихмедов 2021: 67] и признан приемлемым носителями терского диалекта. В нём мы не наблюдаем ни реципрока, ни социатива, ни какой бы то ни было другой семантики из спектра глагольной множественности, свойственной суффиксу *-иш* в тюркских языках. Глаголы *етмек* и производный от него *етишимек* не различаются значениями:

- (31) узакъ къал-ма-й оьз-ю де ет-иш-ер.
долго оставаться-NEG-IPFV сам-3 ADD добираться-REC-FUT
‘Не задерживаясь, (он(а)) сам(а) доберётся’.

То же применимо и к примеру (32) [там же: 67], проверенному с носителями терского кумыкского: лексикализованный дериват *ойлашмакъ* практически не отличается по значению от исходного глагола *ойламакъ*:

- (32) ол къашкъарал-гъынча ат-ны аша-т-а тур-ма ойла-иш-ды.
тот вечереть-PREC.CONV лошадь-ACC есть-CAUS-IPFV стоять-INF думать-REC-PST
‘Пока не стемнело, он решил покормить лошадь’.

В [Кумыкский словарь 2018] указано два значения для деривата *ойлашмакъ*: социативное ‘думать всем вместе’ и идентичное значению производящего глагола *ойламакъ*.

Н. Э. Гаджихмедов предлагает интерпретировать значение суффикса в этих двух примерах как «взаимно-возвратное»: «действие, при котором субъект является действующим лицом и объектом того же действия» [Гаджихмедов 2021: 67]. Однако в (31) и (32) нет оснований постулировать рефлексив: в первом предложении не подразумевается, что субъект доберётся сам до себя, а во втором единственная объектная валентность предиката *ойлашды* заполнена сентенциальным актантом.

Производящие основы для некоторых глаголов, содержащих в себе формант *-иш*, судя по всему, были утрачены. Глагол *ювукълашмакъ* может иметь как реципрокальную (33b, с.1), так и нерестиципрокальную диатезу (33a, с.2). Глагол *ювукъламакъ* без форманта *-иш* опрошенным носителям терского кумыкского незнаком (33d).

- (33) а. Алим Керим-ге ювукъла-иш-ды.
Алим.NOM Керим-DAT приближаться-PST
‘Алим подошёл поближе, приблизился к Кериму’.
- б. Алим Керим-мнен ювукълаш-ды-лар.
Алим.NOM Керим-COM приближаться-PST-3PL
1. ‘Алим с Керимом приблизились друг к другу’.
2. ‘Алим с Керимом сблизилась, подружились’.
- с. Алим=де Керим=де ювукълаш-ды-лар.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD приближаться-PST-3PL
1. ‘Алим и Керим приблизились друг к другу’.
2. ‘Алим и Керим приблизились к чему-то (вместе идут)’.
- д. *Алим Керим-ге ювукъла-ды.
Алим.NOM Керим-DAT ?-PST

По словам всех участников опроса, без форманта *-иш* не используется и глагол *къыймакъ* (34), несмотря на то что в [Кумыкский словарь 2018] он (либо омонимичный) есть и означает ‘резать’. Какой бы ни была производящая основа для деривата *къыйышмакъ* ‘подходить друг другу’ — *къыймакъ* ‘резать’ или омонимичный глагол с другим значением, — в терском диалекте кумыкского языка она не сохранилась.

- (34) а. Мустафа Фатима-мнан къый-ыш-а-лар.
Мустафа.NOM Фатима-COM резать-REC-IPFV-3PL
‘Мустафа с Фатимой подходят друг другу’.
- б. *Мустафа Фатима-ны / Фатима-гъа къый-а.
Мустафа.NOM Фатима-ACC Фатима-DAT резать-IPFV

Итак, согласно представленным данным, суффикс *-иш* в кумыкском языке не продуктивен и не регулярен, а *-иш*-дериваты в значительной степени лексикализованы, хоть в их семантике и наблюдаются ос-

татки типичной для реципрокальных показателей (в тюркских языках и не только) полисемии из сферы значений глагольной множественности [Шлуинский 2005: 183—187; Nedjalkov 2006; 2007b]. Терский и литературный варианты в этом отношении не обнаруживают существенных различий. Наиболее последовательно в кумыкских *-и*-дериватах встречается значение реципрока, более спорадически — значения социатива, депациентива и ассистива. В некоторых дериватах лексикализация оказывается настолько сильна, что реципрокальная (или иная свойственная суффиксу) семантика теряется, вплоть до совпадения значения деривата со значением производящего глагола.

4. Сочетание с именным реципроком

Помимо глагольного показателя реципрока, в кумыкском есть и именной — местоимение *бир-бири* ‘друг друга, один другого’ (упоминаются также варианты *бири-бири*, *бири-бириси*) [Гаджихмедов 2021: 67, 69], образованное от числительного *бир* ‘один’. Аналитический реципрок в кумыкском продуктивнее синтетического и не имеет таких ограничений на сочетаемость с предикатами: если глагольный суффикс *-и* отмечается только в ограниченном количестве словарных форм, зачастую лексикализованных и не всегда реципрокальных (как показано выше), то реципрокальное местоимение может встречаться с любыми предикатами, прагматически допускающими взаимность действия или состояния.

Грамматичность сочетания двух видов реципрокальных показателей, направленных на одну мишень¹⁰, в кумыкском варьируется от деривата к деривату. Среди глаголов, не допускающих двойного реципрока, в первую очередь выделяются лексемы, которые обозначают прототипически взаимные действия, такие как *овлмек* ‘целовать’ (35) и *къучакъламакъ* ‘обнимать’ (36) (примеры без реципрокального местоимения см. в (13с, d) и (22b, c) соответственно). Невозможно сочетать лексический реципрок (реципрокальное местоимение) и с дериватами от глаголов *гёрмек* ‘видеть’ (37) и *ярамакъ* ‘подходить, годиться’ (38). Все глаголы, запрещающие такое сочетание, кроме последнего, — переходные, и именно позиция прямого объекта становится в них мишенью реципрокализации.

- (35) а. *Фатима Керим-мнен бир-бир-и-н оьп-дю-лер.*
Фатима.NOM Керим-COM один-один-3-ACC целовать-REC-PST-3PL
‘Фатима с Керимом друг друга поцеловали’.
- б. **Фатима Керим-мнен бир-бир-и-н оьб-юш-дю-лер.*
Фатима.NOM Керим-COM один-один-3-ACC целовать-REC-PST-3PL
Ожид.: ‘Фатима с Керимом друг друга поцеловали’.
- с. **Фатима=да Керим=де бир-бир-и-н оьб-иш-ди-лер.*
Фатима.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-ACC целовать-REC-PST-3PL
Ожид.: ‘Фатима и Керим поцеловались’.
- (36) а. *Алим=де Керим=де бир-бир-и-н къучакъла-ды(-лар).*
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-ACC обнимать-PST(-3PL)
‘Алим и Керим обняли друг друга’.
- б. **Алим=де Керим=де бир-бир-и-н къучакъла-ш-ды(-лар).*
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-ACC обнимать-PST(-3PL)
Ожид.: ‘Алим и Керим обняли друг друга, обнялись’.
- с. **Алим Керим-мнен бир-бир-и-н къучакъла-ш-ды(-лар).*
Алим.NOM Керим-COM один-один-3-ACC обнимать-PST(-3PL)
Ожид.: ‘Алим и Керим обняли друг друга, обнялись’.
- (37) а. *Алим=де Керим=де бир-бир-и-н гёр-ди(-лер).*
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-ACC видеть-PST-3PL
1. ‘Алим и Керим увидели друг друга’.
2. * ‘Алим и Керим увиделись’.

¹⁰ То есть здесь речь не идёт о конструкциях с реципрокальным местоимением в комитативе, которое, не будучи актантом (в отличие от аккузативной и дативной форм *бир-бир-и-н* и *бир-бир-и-не* в примерах далее), может свободно адъюнгироваться практически к любому предикату в прагматических рамках разумного и потому ничего не сообщает нам о синтаксических свойствах предиката:

- і. *Фатима=да Керим=де (бир-бир-и-мнен) оьб-юш-дю-лер.*
Фатима.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-COM целовать-REC-PST-3PL
‘Фатима и Керим поцеловались (друг с другом)’.

- b. *Алим=де Керим=де бир-бир-и-н гёр-иш-ди-лер.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-ACC видеть-REC-PST-3PL
Ожид.: ‘Алим и Керим увидели друг друга / увиделись’.
- c. *Алим Керим-мнен бир-бир-и-н гёр-иш-ди-лер.
Алим.NOM Керим-COM один-один-3-ACC видеть-REC-PST-3PL
Ожид.: ‘Алим и Керим увидели друг друга / увиделись’.

- (38) a. Алим Фатима-мнан бир-бир-и-не яра-ды-(лар).
Алим.NOM Фатима-COM один-один-3-DAT годиться-PST-3PL
‘Алим и Фатима подошли друг другу’.
- b. *Алим Фатима-мнан бир-бир-и-не яра-и-ды-(лар).
Алим.NOM Фатима-COM один-один-3-DAT годиться-REC-PST-3PL
Ожид.: ‘Алим и Керим помирились / подошли друг другу’.

Однако для некоторых кумыкских глаголов такое сочетание возможно (как, например, в бурятском [Nedjalkov et al. 2007: 1327—1331; Груздева 2020: 74—75; Gruzdeva 2022: 120]). В первую очередь это касается *-иш*-дериватов с нереципрокальными значениями: ассистивного *болушмакъ* (39), социативного¹¹ *атышмакъ* (40) и *урушмакъ* в его нереципрокальном значении ‘ругать’ (41) (реципрокальные значения в сочетании с реципрокальным местоимением недопустимы (41c.2, d.2)). Здесь значение реципрока просто суммируется со значением деривата. Допустимо, впрочем, и сочетание реципрокального местоимения с некоторыми реципрокальными *-иш*-дериватами: от таких глаголов, как *гелмек* ‘приходить’ (42), *сэйлемек* ‘говорить’ (43) и *кыймакъ* ‘резать?’ (не использующегося в современном терском кумыкском) (44).

- (39) Алим=де Керим=де бир-бир-и-не бол-уш-ду-лар.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD камень-PL быть-REC-PST-3PL
‘Алим и Керим помогли друг другу’.
- (40) a. Алим=де Керим=де таш-ла бир-бир-и-не ат-ды-лар.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD камень-PL один-один-3-DAT бросать-REC-PST-3PL
‘Алим и Керим кидали друг в друга камни’.
- b. Алим=де Керим=де бир-бир-и-не ат-ыш-ды-лар.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-DAT бросать-REC-PST-3PL
‘Алим и Керим кидались друг в друга камнями’.
- c. Алим=де Керим=де бир-бир-и-не ястыкъ-ла-ны ат-ыш-ды-лар.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-DAT подушка-PL-ACC бросать-REC-PST-3PL
‘Алим и Керим кидались друг в друга подушками’.
- (41) a. Алим=де Керим=де бир-бир-и-не ур-ду-лар.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-DAT бить-PST-3PL
‘Алим и Керим друг друга ударили’.
- b. Алим Керим-мнен бир-бир-и-не ур-ду-лар.
Алим.NOM Керим-COM один-один-3-DAT бить-PST-3PL
‘Алим с Керимом друг друга ударили’.
- c. Алим=де Керим=де бир-бир-и-не ур-уш-ду-лар.
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-DAT бить-REC-PST-3PL
1. ‘Алим и Керим поругали друг друга, поругались’.
2. * ‘Алим и Керим ударили друг друга, подрались’.
- d. Алим Керим-мнен бир-бир-и-не ур-уш-ду-лар.
Алим.NOM Керим-COM один-один-3-DAT бить-REC-PST-3PL
1. ‘Алим и Керим поругали друг друга, поругались’.
2. * ‘Алим и Керим ударили друг друга, подрались’.
- (42) a. Фатима Керим-мнен бир-бир-и-не гел-ди-лер.
Фатима.NOM Керим-COM один-один-3-DAT приходить-PST-3PL
‘Фатима и Керим пришли друг к другу (в гости)’.
- b. Фатима Керим-мнен бир-бир-и-не гел-иш-ди-лер.
Фатима.NOM Керим-COM один-один-3-DAT приходить-REC-PST-3PL
‘Фатима и Керим подошли друг другу по характеру (поладили)’.

¹¹ У этого деривата есть и реципрокальное значение, но важно, что оно не единственное.

- (43) а. *Алим Керим-мнен сёйле-ди(-лер).*
Алим.NOM Керим-COM говорить-PST(-3PL)
'Алим с Керимом поговорил(и)'.
б. *Алим Керим-мнен бир-бир-и-не сёйле-и-ди(-лер).*
Алим.NOM Керим-COM один-один-3-DAT говорить-REC-PST(-3PL)
'Алим и Керим поговорили (по телефону)'.
(44) а. *Мустафа Фатима-мнан бир-бир-и-не къый-ыш-а-лар.*
Алим.NOM Фатима-COM один-один-3-DAT резать-REC-IPFV-3PL
'Мустафа с Фатимой подходят друг другу'.
б. *Фатима=да Керим=де бир-бир-и-не къый-ыш-ды-лар.*
Фатима.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-DAT говорить-REC-PST-3PL
'Фатима и Керим подошли друг другу (характером)'.

Сочетаемость дериватов от глаголов *хабарламакъ* 'разговаривать' (45), *сюзлек* 'бодать' (46) и *ювукълашмакъ* 'приближаться' (47) с лексическим реципроком оценивалась опрошенными по-разному: *хабарлашмакъ* сочетается с реципрокальным местоимением в идиолекте одной носительницы старшего возраста и не сочетается в идиолекте другой носительницы из той же возрастной группы; *ювукълашмакъ* обнаруживает такую же статистику; сочетание *сюзюшмек* с именным реципроком оказалось приемлемо для двух носительниц старшего школьного возраста и одной носительницы среднего возраста и недопустимо для двух носительниц старшего и молодого возраста. Примечательно, что два деривата могут иметь не только реципрокальное значение: у *сюзюшмек* возможна депациентивная семантика (14e.2, f), у *ювукълашмакъ* — социативная (33c.2).

- (45) *Алим Керим-мнен бир-бир-и-не хабарла-и-ды.*
Алим.NOM Фатима-COM один-один-3-DAT разговаривать-REC-PST
'Алим с Керимом поговорили (по телефону)'.
(46) *тана-лар бир-бир-и-не сюз-юш-дю-лер.*
бык-PL.NOM один-один-3-DAT бодать-REC-PST-PL
'Быки бодались между собой, бодали друг друга'.
(47) *Алим=де Керим=де бир-бир-и-не ювукълаш-ды-лар.*
Алим.NOM=ADD Керим.NOM=ADD один-один-3-DAT приближаться-PST-3PL
'Алим и Керим приблизились друг к другу'.

У всех дериватов, сочетающихся с реципрокальным местоимением (хотя бы по интуиции некоторых носителей), реципрокализация направлена на позицию дативного объекта, в отличие от дериватов, реципрокализирующих прямое дополнение.

5. Множественный субъект при глагольном реципроке

Множественный субъект при глагольном реципроке может быть оформлен как сочетанием номинативного участника с комитативным (48), так и сочинением именных групп с помощью союза *да* 'и' (49):

- (48) *Фатима Керим-мнен гел-иш-ди-лер.*
Фатима.NOM Керим-COM приходить-REC-PST-3PL
'Фатима и Керим подошли друг другу (поладили)'.
(49) *Фатима=да Керим=де гел-иш-ди-лер.*
Фатима.NOM=ADD Керим.NOM=ADD приходить-REC-PST-3PL
'Фатима и Керим подошли друг другу (поладили)'.

Существует также одиночный сочинительный союз *ва* (50), но в терском диалекте он малоупотребим:

- (50) *Алим ва Керим ур-уш-ду-лар.*
Алим.NOM и Керим.NOM бить-REC-PST-3PL
'Алим и Керим поругались/подрались'.

Свойства комитативного участника в кумыкских реципрокальных клаузах до настоящего момента не были подробно исследованы: во всяком случае, мне не известно ни об одной работе, касающейся этого вопроса на материале кумыкского или других близкородственных языков. Существуют две логические

возможности: комитативный участник может входить либо в одну именную группу (далее — ИГ) с номинативным (рис. 1), либо в глагольную группу (далее — ГГ; рис. 2) или содержащую её составляющую (рис. 3). Несколько стандартных тестов на составляющие приводят нас к выводу о том, что комитативная ИГ, следующая за номинативной (далее — NOM COM), может зависеть как от номинативной ИГ, так и от глагола/ГГ. При обратном порядке участников (комитатив + номинатив, далее — COM NOM), однако, возможна лишь одна синтаксическая конфигурация, при которой комитативная ИГ является адьюнктом ГГ (или содержащей её составляющей).

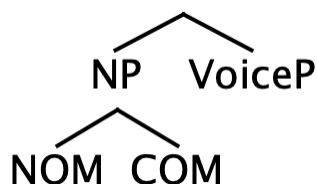

Рис. 1. Комитативный участник в составе ИГ

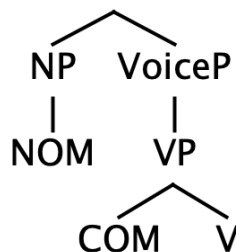

Рис. 2. Комитативный участник в составе ГГ

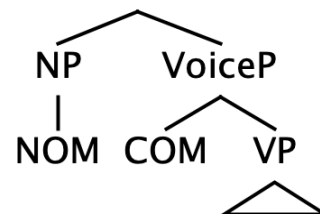

Рис. 3. Комитативный участник в составляющей, содержащей ГГ

Согласование. Согласование предиката с субъектом в качестве теста на выделение составляющих используется, например, в [Vassilieva, Larson 2005: 104—105] для русского языка. Рассмотрим случаи согласования по 1-му и 3-му лицу по отдельности.

В кумыкском множественный субъект, выраженный комбинацией номинативного и комитативного участников, сочетается с *-ш*-предикатами 3-го лица как с показателем множественного числа 3-го лица *-лАр*, так и без него (51). Поскольку показатель множественного числа в глаголах 3-го лица факультативен (см. (15а), (37а), [Гаджихамедов и др. 2014: 286—287]), тест работает только в одну сторону: если аффикс *-лАр* на деривате допустим, это означает, что комитативный участник может входить в ИГ с номинативным; приемлемость же употребления *-ш*-деривата 3-го лица без показателя множественного числа ни о чём не говорит. Пример (51) демонстрирует, что при порядке NOM COM номинативный и комитативный участники могут образовывать одну составляющую, представляющую собой множественный субъект, с которым возможно глагольное согласование по числу:

- (51) *Мустафа Заур-мнан ур-уш-ду-(лар).*
 Мустафа.NOM Заур-COM бить-REC-PST-3PL
 ‘Мустафа с Зауром подрались/поругались’.

Перемена мест участников приемлема, но влечёт за собой изменение информационной структуры¹², а именно фокус на одном из участников:

- (52) а. *Заур-мнан [Мустафа]_F ур-уш-ду-(*лар).*
 Заур-COM Мустафа.NOM бить-REC-PST-3PL
 ‘С Зауром (именно) Мустафа подрался/поругался’.
 б. *[Заур-мнан]_F Мустафа ур-уш-ду-(*лар).*
 Заур-COM Мустафа.NOM бить-REC-PST-3PL
 ‘(Именно) с Зауром Мустафа подрался/поругался’.

Интересно, что согласование предиката по множественному числу для большинства носителей при таком порядке невозможно. Это указывает на то, что комитативный участник в таких предложениях может быть только адьюнктом глагола и не входит в ИГ с номинативным участником.

Аналогичная картина наблюдается и в русском языке: в случае, когда комитативная предложная группа следует за номинативной ИГ, предикат может согласовываться как с номинативной ИГ в единственном числе, так и с множественным субъектом (53); при обратном же порядке участников согласование по множественному числу оказывается неприемлемым (54):

- (53) *Катя с Настей поругалась/поругались.*

- (54) *С Настей Катя поругалась/ *поругались.*

¹² Вопросы информационной структуры и распределения условий употребления конструкции с порядками NOM COM и COM NOM не рассматриваются в рамках этого исследования и требуют дальнейшего изучения.

Маркеры лица и числа на предикатах 1-го и 2-го лица в кумыкском языке, напротив, обязательны. Примеры с такими предикатами в единственном числе показывают, что комитативный участник может быть и адьюнктом глагола, ср.:

(55) *Мен Расул-мнан ур-уш-ду-м.*
я.NOM Расул-COM бить-REC-PST-1SG
'Я подрался/поссорился с Расулом'.

(56) *Расул-мнан мен ур-уш-ду-м.*
Расул-COM я.NOM бить-REC-PST-1SG
'Я подрался/поссорился с Расулом'.

Аналогичные предложения с согласованием по множественному числу оказываются неграмматичны, но это не является аргументом против вхождения комитативного участника в ИГ, поскольку связано с другой особенностью кумыкского языка: как и в русском, в нём используются специальные конструкции с множественным местоимением (Plural Pronoun Construction [Schwartz 1988], или Inclusive Pronominal [Lichtenberk 2002]). Это значит, что множественный субъект, состоящий из говорящего и Расула (и только из них двоих), должен выражаться сочетанием местоимения 1-го лица множественного числа и ИГ *Расул* в комитативе:

(57) *Быз Расул-мнан ур-уш-ду-къ.*
мы.NOM Расул-COM бить-REC-PST-1PL
'Мы с Расулом¹³ подрались/поссорились'.

(58) **Мен Расул-мнан ур-уш-ду-къ.*
я.NOM Расул-COM бить-REC-PST-1PL
Ожид.: 'Я подрался/поссорился с Расулом'.

Ср. в русском:

(59) *Мы с Лизой поругались.*

(60) ??*Я с Лизой поругались.*

Тест на согласование по 1-му лицу тоже работает лишь в одну (но противоположную) сторону: показатель множественного числа на предикате в (57) может быть результатом согласования как со сложным субъектом, состоящим из двух ИГ, так и с единичным местоимением множественного числа *быз*.

Сочинение. Тест на сочинение *-и*-derivata с производным глаголом (упоминается, в частности, в [Митренина и др. 2012: 30—31]) показывает, что при порядке NOM COM возможны обе синтаксические конфигурации: 1) комитативный участник в ИГ с номинативным (61a); 2) комитативный участник в ГГ или содержащей её составляющей (61b):

(61) а. *Мустафа Заур-мнан ур-уш-ду-лар да гет-ди-лер.*
Мустафа.NOM Заур-COM бить-REC-PST-3PL и уходить-PST-3PL
'Мустафа с Зауром подрались и ушли'.
б. *Мустафа Заур-мнан ур-уш-ду да гет-ди.*
Мустафа.NOM Заур-COM бить-REC-PST и уходить-PST
'Мустафа с Зауром подрался / поругался и ушёл'.

В (61a) показательным является согласование по множественному числу, а в случае (61b) в своих выводах я опираюсь в первую очередь на возможную интерпретацию, в которой предикаты переводятся русскими глаголами единственного числа, однозначно относящимися только к номинативному участнику (Мустафе).

При порядке COM NOM ситуация другая: аналогичное предложение с предикатами во множественном числе оказывается невозможным (62a).

(62) а. **Заур-мнан Мустафа ур-уш-ду-лар да гет-ди-лер.*
Заур-COM Мустафа.NOM бить-REC-PST-3PL и уходить-PST-3PL
Ожид.: 'Мустафа с Зауром поругались и ушли'.

¹³ В зависимости от контекста может иметься в виду 'я и Расул' либо 'мы и Расул'.

- b. *Заур-мнан* [Мустафа]_F *ур-уш-ду да гет-ди.*
 Заур-COM Мустафа.NOM *бить-REC-PST* и *уходить-PST*
 ‘С Зауром именно Мустафа поругался и ушёл’.

Выделение фокусными частицами *янгыз* ‘только; один’¹⁴ и *бир* ‘один’. Семантическая сфера действия частиц в качестве критерия составляющей рассматривается в [Тестелец 2001: 132—133] на русском примере. Вопреки [Гаджихмедов и др. 2014: 388], где постулируется препозиция *янгыз* по отношению к фокусируемой им ИГ, мои данные показывают, что эта частица может включать в свою сферу действия как предшествующую ей составляющую (66.2), так и следующую за частицей (66.3—4).

Цель теста с фокусным элементом — выделить им номинативного участника с комитативным и/или глагольную (либо залоговую, содержащую глагольную) группу, включающую комитативного участника. Тест оказался довольно проблематичным, поскольку у носителей часто возникали сложности с такими интерпретациями, в которых фокусная частица включает в свою сферу действия не одно слово, а группу. Однако те примеры, где такая широкая сфера действия была возможна, показывают, что одну составляющую могут образовывать и комитативный участник с номинативным — (63), (64), и комитативный участник с глаголом — (66.4), (67.2). При этом предложение, в котором фокусная частица выделяет комплекс из комитативной и номинативной ИГ с порядком COM NOM, менее приемлемо (см. (65)), чем предложения с порядком слов NOM COM.

- (63) *янгыз Мустафа Заур-мнан гёр-юш-дю-лер.*
 один Мустафа.NOM Заур-COM *видеть-REC-PST-3PL*
 ‘Только [Мустафа с Зауром]_F увиделись, встретились (и больше никто ни с кем не увиделся)’.
- (64) *бир Мустафа Заур-мнан ур-уш-ду-лар.*
 один Мустафа.NOM Заур-COM *бить-REC-PST-3PL*
 ‘Только [Мустафа с Зауром]_F подрался (и больше никто ни с кем не дрался)’.
- (65) ?*янгыз Заур-мнан Мустафа гёр-юш-дю-лер.*
 один Заур-COM Мустафа.NOM *видеть-REC-PST-3PL*
 ‘Только [Мустафа с Зауром]_F увиделись, встретились (и больше никто ни с кем не увиделся)’.
- (66) *Мустафа янгыз Заур-мнан ур-уш-ду.*
 Мустафа.NOM один Заур-COM *бить-REC-PST*
 1. ‘Мустафа один с Зауром подрался / поругался’.
 2. ‘Только [Мустафа]_F с Зауром поругался (а больше с ним никто не ругался)’.
 3. ‘Мустафа только [с Зауром]_F поругался (и больше ни с кем)’.
 4. ‘Мустафа только [подрался с Зауром]_F (а больше ничего не делал)’.
- (67) *Мустафа бир Заур-мнан ур-уш-ду.*
 Мустафа.NOM один Заур-COM *бить-REC-PST*
 1. ‘Мустафа только [с Зауром]_F поругался (и больше ни с кем)’.
 2. ‘Мустафа только [подрался с Зауром]_F (а больше ничего ни с кем не делал)’.

Автономность (fragment answers). Как известно, составляющие могут быть автономны в ответах на специальные вопросы [Тестелец 2001: 135; Митренина и др. 2012: 32; Carnie 2013: 98; Osborne 2018: 3]. В кумыкском и сочетание номинативного участника с комитативным (в любой последовательности) (68), и ИГ с комитативным участником (69) могут употребляться автономно в ответе на частный вопрос:

- (68) — *Ким(-лер) ур-уш-ду-(*лар)?*
 кто-PL *бить-REC-PST-3PL*
 ‘Кто подрался/поругался?’
 — *Мустафа Заур-мнан / %Заур-мнан Мустафа.*
 Мустафа.NOM Заур-COM Заур-COM Мустафа.NOM
 ‘Мустафа с Зауром’.

¹⁴ *Янгыз* также может выступать в роли прилагательного ‘одинокий, один’ или наречия ‘одинокое’; *бир* в своём прямом значении представляет собой числительное.

- (69) — *Мустафа не эт-ди?*
 Мустафа.NOM что делать-PST
 ‘Что сделал Мустафа?’
 — *Заур-мнан ур-уш-ду.*
 Заур-COM бить-REC-PST
 ‘Поругался / подрался с Зауром’.

Эти примеры свидетельствуют в пользу того, что опять же возможны обе конструкции: комитативный участник может входить либо в ИГ, либо в ГГ (или содержащую её группу). При порядке слов COM NOM, впрочем, не все носители одобряют примеры с комитативным участником в составе ИГ.

Связывание. В этом тесте в качестве критерия выделения составляющей используется способность субъекта быть антецедентом для связывания анафора *овз* ‘сам, свой’. Аналогичный тест на материале русского языка был использован в [Vassilieva, Larson 2005: 108]. В [Гаджихмедов и др. 2014: 244] *овз* называют местоимением-существительным: оно изменяется по падежам и числам, а также несёт на себе поссессивный аффикс, соответствующий лицу антецедента. Как показано в (70), антецедентом для этого местоимения может быть как номинативный участник (70a), так и совокупность номинативного с комитативным (70b):

- (70) а. *Мустафа Заур-мнан ур-уш-ду овз-ю-ню уьй-не.*
 Мустафа.NOM Заур-COM бить-REC-PST сам-3SG-GEN дом-LOC
 1. ‘Мустафа с Зауром подрался в своём доме (в доме Мустафы)’.
 2. * ‘Мустафа с Зауром подрались в своём доме (в их общем доме)’.
 б. *Мустафа Заур-мнан ур-уш-ду овз-ле-ни уьй-не.*
 Мустафа.NOM Заур-COM бить-REC-PST сам-3PL-GEN дом-LOC
 ‘Мустафа с Зауром подрался в их (общем) доме’.

То же касается предложений с последовательностью COM NOM:

- (71) а. *Заур-мнан Мустафа ур-уш-ду овз-ю-ню уьй-не.*
 Заур-COM Мустафа.NOM бить-REC-PST сам-3SG-GEN дом-LOC
 ‘С Зауром Мустафа подрался в своём доме (в доме Мустафы)’.
 б. *Заур-мнан Мустафа ур-уш-ду овз-ле-ни уьй-не.*
 Заур-COM Мустафа.NOM бить-REC-PST сам-3PL-GEN дом-LOC
 ‘С Зауром Мустафа подрались в своём доме (их общем)’.

Впрочем, учитывая, что этот (предположительно) анафор — не прилагательное и однозначно задаёт свою референцию в первую очередь благодаря показателям числа, а не за счёт синтаксического связывания (в отличие, например, от русского *свой*), есть сомнения в надёжности данного теста на материале кумыкского языка.

Разрыв составляющей. Этот критерий основывается на предположении, что составляющие, как правило, нельзя «разорвать» (этот тест рассматривается, в частности, в [Osborne 2018]). При попытке вставить между номинативным и комитативным участниками наречие *туне* ‘вчера’ отсутствие согласования по числу предпочтительнее, чем предикат во множественном числе:

- (72) а. *Мустафа туне Заур-мнан ур-уш-ду-^(?)лар).*
 Мустафа.NOM вчера Заур-COM бить-REC-PST-3PL
 ‘Вчера Мустафа подрался с Зауром’.
 б. *Заур-мнан туне Мустафа ур-уш-ду-^(?)лар).*
 Заур-COM вчера Мустафа.NOM бить-REC-PST-3PL
 ‘Вчера с Зауром Мустафа подрался’.

Это также свидетельствует в пользу возможности обеих конструкций.

6. Заключение

Суффикс *-и* в кумыкском языке непродуктивен: он содержится в ограниченном наборе лексикализованных дериватов, зачастую с некомпозициональной семантикой. В основном эти дериваты имеют реципрокальное значение, спорадически встречаются депациентив, некомпозициональные социатив и ассистив. Дериваты, имеющие нереципрокальное или не только реципрокальное значение, зачастую до-

пускают сочетание с реципрокальным местоимением в рамках одной клаузы. Сочетаемость с лексическим реципроком также коррелирует с диатезой исходного глагола: реципрокальное местоимение не может заполнять позицию прямого объекта, но допустимо в позиции дативного объекта. Множественный субъект при дериватах на *-и* в терском диалекте может быть выражен сочетанием номинативного участника с комитативным и с помощью аддитивной частицы (союза) *да*. В конструкциях с ИГ в комитативе приемлемы две конфигурации: комитативный участник может входить в ИГ номинативного участника, а может в ГГ либо в составляющую, содержащую ГГ (например, функциональную проекцию залога). Однако при порядке COM NOM комитативный участник, судя по всему, зависит от глагола и не образует составляющую с номинативным участником.

Сокращения

1 — 1-е лицо	IPFV — имперфектив
3 — 3-е лицо глагола или посессивного показателя	LOC — локатив
ACC — аккузатив	NEG — отрицание
ADD — аддитивная частица	NOM — номинатив
CAUS — каузатив	PASS — пассив
COM — комитатив	PL — множественное число
DAT — датив	PREC.CONV — деепричастие предшествования
FUT — будущее время	PST — прошедшее время
GEN — генитив	REC — реципрок
INF — инфинитив	SG — единственное число

Литература

- Баскаков (ред.) 1976 — *И. А. Баскаков* (ред.). Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1976.
- Гаджихмедов 2000 — *Н. Э. Гаджихмедов*. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала: Юпитер, 2000.
- Гаджихмедов 2021 — *Н. Э. Гаджихмедов*. Кумыкский реципрок // Тенденции развития лексики и грамматики карачаево-балкарского языка: Сборник научных статей. К 70-летию Махти Зейтуновича Улакова. Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 2021. С. 64—72.
- Гаджихмедов 2022 — *Н. Э. Гаджихмедов*. Кумыкский глагол: функционально-семантическое исследование. Махачкала: Алеф, 2022.
- Гаджихмедов и др. 2014 — *А. З. Абдуллаева, Н. Э. Гаджихмедов, К. С. Кадыраджиев, И. А. Керимов, Н. Х. Ольмесов, Д. М. Хангишиев*. Современный кумыкский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014.
- Гаджиева 2006 — *М. А. Гаджиева*. Фонетические и морфологические особенности отемшского говора кумыкского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала: Дагестанский гос. ун-т, 2006.
- Груздева 2020 — *А. И. Груздева*. О значениях суффикса *-лса-* в бурятском языке (на основе баргузинского диалекта) // *П. О. Рыкин, В. В. Баранова, А. В. Мазарчук* (отв. ред.). Монгольские языки и письменная культура монгольских народов: Материалы Второй Международной конференции по монгольскому языкознанию. Элиста, 18—21 мая 2016 г. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 71—84.
- Груздева 2022 — *А. И. Груздева*. Позиции реципрокализации в клаузах с суффиксом *-и* в балкарском языке // *И. А. Хомченкова* (ред.). Малые языки в большой лингвистике. Вып. 4. М.: Буки-Веди, 2022. С. 71—82.
- Груздева 2024 — *А. И. Груздева*. Семантический инвариант глагольного суффикса *-š* в балкарском языке // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 2024, 3. С. 124—135.
- Гусейнов 2021 — *Г.-Р. А.-К. Гусейнов*. Фонетические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в сравнительно-историческом и ареальном контексте // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2021, 3 (112). С. 18—24.
- Дыбо, Кочакаева 2019 — *А. В. Дыбо, З. К. Кочакаева*. Экспериментальные данные по фонетике заднеязычных согласных кайтакского диалекта кумыкского языка // Российская тюркология. 2019, 3—4. С. 34—50.
- Кумыкский словарь 2018 — *З. Агамов*. Кумыкский словарь (1.6). [Мобильное приложение]. 2018 (дата обращения: 03.02.2023).
- Митренина и др. 2012 — *О. В. Митренина, Е. Е. Романова, Н. А. Слюсарь*. Введение в генеративную грамматику. М.: URSS, 2012.

- Плунгян 2011 — *В. А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Привознов 2014 — *Д. К. Привознов*. Семантика глагольного показателя *-š* в мишарском диалекте татарского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2014. Т. 10, № 1. С. 832—837.
- Тенишев (ред.) 1988 — *Э. П. Тенишев* (отв. ред.). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988.
- Тестелец 2001 — *Я. Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Шлуинский 2005 — *А. Б. Шлуинский*. Типология предикатной множественности (Количественные аспектуальные значения). Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005.
- Carnie 2013 — *A. Carnie*. *Syntax: A Generative Introduction*. 3rd ed. Chichester: John Wiley & Sons, 2013.
- Gandon 2018 — *O. Gandon*. The verbal reciprocal suffix in Turkic languages and the development of its different values // *The Rouen meeting: Studies on Turkic structures and language contacts*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. P. 29—43.
- Gruzdeva 2022 — *A. Gruzdeva*. Semantics of the sociative suffix *-lsa* in Barguzin Buryat // *Dr. Ö. Özçelik, A. Kennedy Kent* (eds.). *Proceedings of the 4th Conference on Central Asian Languages and Linguistics (ConCALL-4)*. Vol. 4. USA: Center for Languages of the Central Asian Region Bloomington, 2022. P. 119—129.
- Gruzdeva, Paramonova 2023 — *A. Gruzdeva, D. Paramonova*. On meanings of the reciprocal suffix *-š-* in Balkar // *S. K. Lee, S. Asinari, S. Lazakovits* (eds.). *Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic*. Vol. 7. United States: Linguistic Society of America, 2023. P. 24—31.
- Lichtenberk 2002 — *F. Lichtenberk*. Inclusive Pronominals // *Oceanic Linguistics*. 2002, 39. P. 1—32.
- Nedjalkov 2002 — *V. P. Nedjalkov*. Karachay-Balkar reciprocals // *Turkic languages*. 2002. Vol. 6, № 1. P. 19—80.
- Nedjalkov 2006 — *V. P. Nedjalkov*. Reciprocal constructions of Turkic languages in the typological perspective // *Turkic Languages*. 2006. Vol. 10, № 1. P. 3—46.
- Nedjalkov 2007a — *V. P. Nedjalkov* (ed.). *Reciprocal constructions*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2007.
- Nedjalkov 2007b — *V. P. Nedjalkov*. Polysemy of reciprocal markers // *Typological Studies in Language*. 2007. Vol. 71, № 1. P. 231—333.
- Nedjalkov et al. 2007 — *V. P. Nedjalkov, E. K. Skribnik, E. A. Kuzmenkov, N. S. Yakhontova*. Reciprocal, sociative, comitative, and assistive constructions in Buryat and Khalkha-Mongol // *Typological Studies in Language*. 2007. Vol. 71, № 3. P. 1281—1348.
- Osborne 2018 — *T. J. Osborne*. Tests for constituents: What they really reveal about the nature of syntactic structure // *Language under Discussion*. 2018. Vol. 5, № 1. P. 1—41.
- Schwartz 1988 — *L. Schwartz*. Asymmetric Feature Distribution in Pronominal Coordinations // *M. Barlow, J. Greenberg* (eds.). *Agreement in Natural Language: Approaches, Theories, and Descriptions*. CSLI, Stanford, 1988. P. 237—249.
- Vassilieva, Larson 2005 — *M. Vassilieva, R. K. Larson*. The semantics of the plural pronoun construction // *Natural Language Semantics*. 2005. Vol. 13, № 2. P. 101—124.

References

- Baskakov (red.) 1976 — *I. A. Baskakov* (red.). *Grammatika karachaevo-balkarskogo yazyka*. Nalchik: Ehl'brus, 1976. {*I. A. Baskakov* (ed.). *Karachay-Balkar grammar*. Nalchik: Ehl'brus, 1976.}
- Carnie 2013 — *A. Carnie*. *Syntax: A Generative Introduction*. 3rd ed. Chichester: John Wiley & Sons, 2013.
- Dybo, Kochakayeva 2019 — *A. V. Dybo, Z. K. Kochakayeva*. Eksperimental'nye dannye po fonetike zadneyazychnykh soglasnykh kaitakskogo dialekta kumykskogo yazyka. In: *Rossiiskaya tyurkologiya*. 2019, 3—4. S. 34—50. {*A. V. Dybo, Z. K. Kochakayeva*. The experimental data on phonetics of the gutturals in the Kaytak dialect of the Kumyk language. In: *Russian Turcology*. 2019, 3—4. P. 34—50.}
- Gadziakhmedov 2000 — *N. E. Gadziakhmedov*. Slovoizmenitel'nye kategorii imeni i glagola v kumykskom yazyke (sravnitel'no s drugimi tyurkskimi yazykami). Makhachkala: Yupiter, 2000. {*N. E. Gadziakhmedov*. Inflectional categories of a name and verb in the Kumyk language (compared with other Turkic languages). Makhachkala: Yupiter, 2000.}
- Gadziakhmedov 2021 — *N. E. Gadziakhmedov*. Kumykskii retsiprok. In: *Tendentsii razvitiya leksiki i grammatiki karachaevo-balkarskogo yazyka: Sbornik nauchnykh statei. K 70-letiyu Makhti Zeitunovicha Ulakova*. Nalchik: Institut gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2021. S. 64—72. {*N. E. Gadziakhmedov*. Kumyk reciprocal. In: *Vocabulary and grammar development tendencies in Karachay-Balkar: Collection of scholarly articles. In honour of Makhti Zeitunovich Ulakov's 70th birth anniversary*. Nalchik: Institut gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2021. P. 64—72.}
- Gadziakhmedov 2022 — *N. E. Gadziakhmedov*. Kumykskii glagol: funktsional'no-semanticheskoe issledovanie. Makhachkala: Alef, 2022. {*N. E. Gadziakhmedov*. Kumyk verb: functional-semantic research. Makhachkala: Alef, 2022.}

Gadziakhmedov i dr. 2014 — A. Z. Abdullayeva, N. E. Gadziakhmedov, K. S. Kadyradjiev, I. A. Kerimov, N. H. Olmesov, D. M. Hankishiev. *Sovremenniy kumykskii yazyk*. Makhachkala: IYALI DNC RAN, 2014. {A. Z. Abdullayeva, N. E. Gadziakhmedov, K. S. Kadyradjiev, I. A. Kerimov, N. H. Olmesov, D. M. Hankishiev. *Modern Kumyk language*. Makhachkala: IYALI DNC RAN, 2014.}

Gadzhieva 2006 — M. A. Gadzhieva. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti otemishskogo govora kumykskogo yazyka*. Dis. ... kand. filol. nauk. Makhachkala: Dagestanskii gosudarstvennyj universitet, 2006. {M. A. Gadzhieva. *Phonetical and morphological features of Otemish Kumyk*. PhD thesis. Makhachkala: Dagestanskii gosudarstvennyj universitet, 2006.}

Gandon 2018 — O. Gandon. The verbal reciprocal suffix in Turkic languages and the development of its different values. In: *The Rouen meeting: Studies on Turkic structures and language contacts*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. P. 29—43.

Gruzdeva 2020 — A. I. Gruzdeva. O znacheniyakh suffiksa *-lsa-* v buryatskom yazyke (na osnove barguzinskogo dialekta). In: P. O. Rykin, V. V. Baranova, A. V. Mazarchuk (otv. red.). *Mongol'skie yazyki i pis'mennaya kul'tura mongol'skikh narodov: Materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi konferentsii po mongol'skomu yazykoznaniiyu*. Ehlista, 18—21 maya 2016 g. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2020. S. 71—84. {A. I. Gruzdeva. On the meanings of the Buryat suffix *-lsa-* (based on the Barguzin dialect). In: P. O. Rykin, V. V. Baranova, A. V. Mazarchuk (eds.). *Mongolic languages and written culture of Mongolian peoples: Proceedings of the Second International conference on Mongolic linguistics*. Elista, May 18—21, 2016. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. P. 71—84.}

Gruzdeva 2022 — A. Gruzdeva. Semantics of the sociative suffix *-lsa* in Barguzin Buryat. In: Dr. Ö. Özçelik, A. Kennedy Kent (eds.). *Proceedings of the 4th Conference on Central Asian Languages and Linguistics (ConCALL-4)*. Vol. 4. USA: Center for Languages of the Central Asian Region Bloomington, 2022. P. 119—129.

Gruzdeva 2022 — A. I. Gruzdeva. Pozitsii retsiprokalizatsii v klauzakh s suffiksom *-sh* v balkarskom yazyke. In: I. A. Khomchenkova (red.). *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike*. Vyp. 4. Moskva: Buki-Vedi, 2022. S. 71—82. {A. I. Gruzdeva. Positions of reciprocalization in clauses with the suffix *-š* in Balkar. In: I. A. Khomchenkova (ed.). *Minor languages in general linguistics*. Issue 4. Moscow: Buki-Vedi, 2022. P. 71—82.}

Gruzdeva 2024 — A. I. Gruzdeva. Semanticheskii invariant glagol'nogo suffiksa *-š* v balkarskom yazyke. In: *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 9. Filologiya*. 2024, 3. S. 124—135. {A. I. Gruzdeva. Semantic invariant of the verbal suffix *-š* in Balkar. In: *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*. 2024, 3. P. 124—135.}

Gruzdeva, Paramonova 2023 — A. Gruzdeva, D. Paramonova. On meanings of the reciprocal suffix *-š-* in Balkar. In: S. K. Lee, S. Asinari, S. Lazakovits (eds.). *Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic*. Vol. 7. United States: Linguistic Society of America, 2023. P. 24—31.

Guseinov 2021 — G.-R. A.-K. Guseinov. Foneticheskie osobennosti kizlyarskogo govora terskogo dialekta kumykskogo yazyka v sravnitel'no-istoricheskom i areal'nom kontekste. In: *Vestnik CHGPU im. I. Ya. Yakovleva*. 2021, 3 (112). S. 18—24. {G.-R. A.-K. Guseinov. Phonetic features of the Kizlyar subdialect of the Terek dialect of the Kumyk language in the comparative-historical and areal context. In: *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2021, 3 (112). P. 18—24.}

Kumykskii slovar' 2018 — Z. Agamov. *Kumykskii slovar' (1.6)* [Kumyk dictionary]. [Mobile application]. 2018 (accessed 3 February 2023).

Lichtenberk 2002 — F. Lichtenberk. Inclusive Pronominals. In: *Oceanic Linguistics*. 2002, 39. P. 1—32.

Mitrenina i dr. 2012 — O. V. Mitrenina, E. E. Romanova, N. A. Slyusar'. *Vvedenie v generativnuyu grammatiku*. Moskva: URSS, 2012. {O. V. Mitrenina, E. E. Romanova, N. A. Slyusar'. *An introduction to the generative grammar*. Moscow: URSS, 2012.}

Nedjalkov 2002 — V. P. Nedjalkov. Karachay-Balkar reciprocals. In: *Turkic languages*. 2002. Vol. 6, № 1. P. 19—80.

Nedjalkov 2006 — V. P. Nedjalkov. Reciprocal constructions of Turkic languages in the typological perspective. In: *Turkic Languages*. 2006. Vol. 10, № 1. P. 3—46.

Nedjalkov 2007a — V. P. Nedjalkov (ed.). *Reciprocal constructions*. Vol. 3. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2007.

Nedjalkov 2007b — V. P. Nedjalkov. Polysemy of reciprocal markers. In: *Typological Studies in Language*. 2007. Vol. 71, № 1. P. 231—333.

Nedjalkov et al. 2007 — V. P. Nedjalkov, E. K. Skribnik, E. A. Kuzmenkov, N. S. Yakhontova. Reciprocal, sociative, comitative, and assistive constructions in Buryat and Khalkha-Mongol. In: *Typological Studies in Language*. 2007. Vol. 71, № 3. P. 1281—1348.

Osborne 2018 — T. J. Osborne. Tests for constituents: What they really reveal about the nature of syntactic structure. In: *Language under Discussion*. 2018. Vol. 5, № 1. P. 1—41.

Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira*. Moskva: RGGU, 2011. {V. A. Plungyan. *An introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems in languages of the world*. Moscow: RGGU, 2011.}

Privoznov 2014 — D. K. Privoznov. Semantika glagol'nogo pokazatelya *-š* v misharskom dialekte tatarskogo yazyka. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvicheskikh issledovaniy*. 2014. T. 10, № 1. S. 832—837. {D. K. Pri-

voznov. Semantics of a derivational morpheme *-š* in the Mishar dialect of Tatar. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2014. Vol. 10, № 1. P. 832—837.}

Schwartz 1988 — L. Schwartz. Asymmetric Feature Distribution in Pronominal Coordinations. In: M. Barlow, J. Greenberg (eds.). *Agreement in Natural Language: Approaches, Theories, and Descriptions*. CSLI, Stanford, 1988. P. 237—249.

Shluinskij 2005 — A. B. Shluinskij. *Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti (Kolichestvennye aspektual'nye znacheniya)*. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva: MGU im M. V. Lomonosova, 2005. {A. B. Shluinskij. *Typology of predicate plurality (Quantity aspectual meanings)*. PhD thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2005.}

Tenishev (red.) 1988 — Eh. R. Tenishev (red.), *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya*. Moskva: Nauka, 1988. {Eh. R. Tenishev (ed.). *Comparative-historical grammar of Turkic languages. Morphology*. Moscow: Nauka, 1988.}

Testelets 2001 — Ya. G. Testelets. *Vvedenie v obshchii sintaksis*. Moskva: RGGU, 2001. {Ya. G. Testelets. *Introduction to general syntax*. Moscow: RGGU, 2001.}

Vassilieva, Larson 2005 — M. Vassilieva, R. K. Larson. The semantics of the plural pronoun construction. In: *Natural Language Semantics*. 2005. Vol. 13, № 2. P. 101—124.

The formal and semantic asymmetry of negation in Kazakh subordinate clauses

Uldanay Jumabay, Nazarbayev University (Astana); wulidanayi.jumabay@nu.edu.kz

This paper aims to investigate the negation in subordinate clauses in Kazakh, exclusively focusing on the implications of structural and semantic asymmetries therein. In Kazakh, negative forms of predicates in subordinate clauses share certain properties with main clauses. For instance, the verbal predicate can be negated with the bound suffix *-MA*, and the nominal predicate is negated by the negative particle *emes* ‘not’ or existential negation *жоқ* ‘non-existent’. Nevertheless, negation can vary across subordination, producing formal and semantic asymmetries. On the one hand, an affirmative and its negative equivalent can generate a structural asymmetry lacking one-to-one correspondence: e.g., the converb suffixes *-(I)p* and *-A//-y* have the same negative form, *-MAy*. On the other, an affirmative and its negative counterpart can express two different meanings, e.g. subordinate clauses based on the aorist marker *-(A)r* and its negative pair *-MAs* signal two different attitudes of the speaker towards a proposition. Moreover, negation in adverbial clauses is a rather intricate and extremely ambiguous phenomenon, since a negative converbal form in an adverbial clause can express several adverbial relations. The current study initially tests the formal and semantic asymmetry of negation in Kazakh subordinate clauses.

Keywords: Negation, asymmetry, semantic, structure, subordinate clauses, Kazakh

ФОРМАЛЬНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ ОТРИЦАНИЯ В ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Жумабай Улданай, Назарбаев Университет (Астана); wulidanayi.jumabay@nu.edu.kz

Цель данной статьи — исследовать отрицание в сложноподчиненных предложениях в казахском языке, сосредоточившись исключительно на последствиях структурной и семантической асимметрии. В казахском языке отрицательные формы предикатов в придаточной части предложения обладают определенными свойствами, присущими главной части. Например, глагольное сказуемое может отрицаться с помощью связанного суффикса *-MA*, а именное сказуемое — посредством отрицательной частицы *emes* ‘не’ или экзистенциальным отрицанием *жоқ* ‘несуществующий’. Тем не менее отрицание может варьироваться в придаточной части, что приводит к формальной и семантической асимметрии. С одной стороны, утвердительное предложение и его отрицательный эквивалент могут порождать структурную асимметрию, не имеющую прямого соответствия: например, суффиксы конвербов *-(I)p* и *-A//-y* имеют одну и ту же отрицательную форму *-MAy*. С другой стороны, утвердительная и отрицательная формы могут выражать два разных значения: например, придаточные части, построенные на основе маркера аориста *-(A)r* и его отрицательной пары *-MAs*, сигнализируют о двух разных отношениях говорящего к предложению. Кроме того, отрицание в обстоятельном придаточном предложении представляет собой довольно сложное и крайне неоднозначное явление, поскольку отрицательная конвербальная форма в обстоятельном придаточном предложении может выражать несколько взаимоотношений между обстоятельствами в нем. В данном исследовании первоначально проверяется формальная и семантическая асимметрия отрицания в придаточных частях предложения казахского языка.

Ключевые слова: отрицание, асимметрия, семантика, структура, подчиненные грамматические основы, казахский язык

The formal asymmetries in subordination are as follows:

- The lack of one-to-one constructional and paradigmatic correspondence between the affirmative construction and its negative counterpart;
- The lack of corresponding affirmative constructions;
- The lack of corresponding negative constructions; and
- The absence or presence of a negation marker in a given non-finite form in different dependent adverbial relations.

Such a lack of formal symmetry can be found in all types of subordinations, such as relative clauses, complement clauses, and adverbial clauses, since some non-finite forms participate in the formation of dependent predicates of all these subordination types. For example, the affirmative aorist marker *-(A)r* and its negative counterpart *-MAs* are encountered in the dependent predicates of relative clauses, complement clauses, and adverbial clauses. It is noteworthy that certain formal asymmetries are not restricted to dependent predicates but are also found with predicates in simple declarative verbal sentences, as certain verb forms such as *-(A)r* and *-MAs* can be used both as finite and non-finite forms. There are some cases, however, where the same verb form that appears in both the dependent and independent predicate position may be symmetric in independent and asymmetric in dependent predicates, e.g. the converb *-(I)p* used in the analytical construction *-(I)p edi*.

Negation in a simple declarative sentence significantly differs from negation in clause combining constructions in many respects, although they share some properties. For example, all declarative sentences can be negated, whereas certain dependent clauses are not capable of taking negation in Kazakh. Examining negation in simple main sentences and in complex ones, I pursue a three-fold goal: firstly, to examine the formal asymmetry of an affirmative and its negative counterpart; secondly, to investigate the semantic asymmetry in subordination of which the affirmative and its negative counterpart indicate different meanings, specifically focusing on the dependent predicates of adverbial clauses; and thirdly, to describe grammatical complexity and ambiguity in adverbial clauses in terms of symmetries and asymmetries of negation, and to test the structural and semantic correlation between dependent and independent clauses.

The analysis will be based on written and spoken data collected from Kazakh varieties in Kazakhstan and China (see [Jumabay 2022]). All examples are given in a Turcological transcription based on [Johanson, Csató 2022]. The following abbreviations are used in notations of the morphophonemic suffix alternations:

- A = *a, e*
- D = *d, t*
- G = *g, γ, k, q*
- I = *i, ĭ*
- K = *k, q*
- M = *m, b, p*

The paper is organized as follows: the formal asymmetry in subordination is examined in Section 2. Section 3 describes the semantic asymmetry in subordinate clauses. The grammatical complexity and ambiguity of negative constructions are the focus of Section 4. Section 5 concludes.

2. Formal asymmetry

2.1. The absence of one-to-one correspondence between affirmative and negative paradigms

A Kazakh negative subordinate clause has the same structure as its equivalent positive clause with the addition of a negative suffix. However, this is not always the case, and negation patterns can vary across subordinate clauses. Throughout subordination, two different paradigmatic and constructional asymmetries are encountered. Within paradigmatic asymmetry, one-to-one correspondence between the affirmative and negative forms is not obtained. Particularly, regardless of whether the corresponding affirmative converb is *-A//-y* or *-(I)p*, negation is marked with the same negative form, *-MAy*. In constructional asymmetry, structural differences in the formation of affirmatives and negatives are shown in the case of the positive aorist *-(A)r* and its negative counterpart, *-MAs*, which contains a final voiceless sibilant in addition to the negation *-MA*.

2.1.1. The affirmative converbs *-A//-y* and *-(I)p* and their negative *-MAy*

Apart from their use in auxiliary verb constructions, the converbs in *-A//-y* and *-(I)p* can be employed as the predicates of adverbial clauses, functionally corresponding to Indo-European adverbial subordinators. Both forms have the identical negative converbal form *-MAy*. Within adverbial relations, the dependent predicates

built with these three converbal forms express various meanings, and each of them is able to indicate several adverbial relations. This is shown in (7a), (7b), and (7c), where the dependent predicates based on *-A//y*, *-(I)p* and *-MAy* imply distinguishable meanings, or are ambiguous between two to three different meanings. These semantic asymmetries will be discussed in more detail in Section 3.1.

- (7) a. *Oylan-a söyle-di.* (questionnaire)²
 think-CONV speak-PST3
 temporal simultaneity: ‘S/he spoke while thinking.’
- b. *Oylan-ïp söyle-di.* (questionnaire)
 think-CONV speak-PST3
 i. coordination: ‘S/he thought and spoke.’
 ii. temporal anteriority: ‘S/he spoke after thinking.’
 iii. concomitance³: ‘Having thought, s/he spoke.’
- c. *Oylan-bay söyle-di.* (questionnaire)
 think-NEG.CONV speak-PST3
 i. temporal posteriority: ‘S/he spoke before thinking.’
 ii. negative concomitance: ‘Without having thought, s/he spoke.’

Although the negation of the converb *-(I)p* shows a paradigmatical asymmetry in the non-finite predicate position, it is noteworthy that the converb marker *-(I)p*, in certain finite predicate positions, can be negated with the bound morpheme *-MA*, manifesting formal symmetry. More precisely, the independent predicate consisting of a main verb that takes converb *-(I)p* plus the past tense marked copular verb *edi* should be negated with the bound morpheme *-MA*, which attaches to the stem of the main verb (see [Geng 1989: 147; Mamanov 2014: 92]). Compare the example in (8a) with that of (8b).

- (8) a. *Oyla-p e-di-m.* [Geng 1989: 147]
 think-CONV COP-PST-1SG
 ‘I have thought about it.’
- b. *Oyla-ma-p e-di-m.* [ibid.]
 think-NEG-CONV COP-PST-1SG
 ‘I haven’t thought about it.’

2.1.2. The affirmative aorist *-(A)r* and the negative aorist *-MAz*

Like in most other Turkic languages, in Kazakh, the affirmative aorist⁴ marker *-(A)r* and its negative counterpart *-MAz*⁵ are structurally asymmetric (about the distribution and paradigms of aorist markers in historical

² All Kazakh examples are taken from the author’s own data, unless noted otherwise.

³ According to [Kortmann 1995: 89], the adverbial concomitance clause indicates that the propositions described in the main clause and the concomitance clause stand side by side, and there is no specific signal of the relation between the main clause and the concomitance clause, and therefore the interpretation of this relation is inferred from the pragmatic and linguistic context. In temporal anteriority relation, however, the proposition in the subordinate clause simply precedes the proposition in the main clause.

⁴ The term *aorist* is derived from the Greek ἀόριστος ‘indefinite’, and it is recognized to indicate the liminal category in the past tense, which is opposed to *imperfect* (cf. [Timberlake 2007: 293]). Although it is somewhat misleading to use the term *aorist* for the Kazakh *-(A)r*, this traditional term is retained in the current paper, since its thematic base is indefinite in another sense. Johanson [Johanson 2021: 627] states that the aorist marker as a morphological element exists in all Turkic languages except Chuvash, and it expresses general statements and habitual or modal meanings. Moreover, this term is strongly anchored in Turcological literature, (e.g. [Menges 1994; Lewis 2000; Erdal 2004; Abish 2016; Muhamedowa 2016; Johanson 2021; Johanson, Csátó 2022]); the alternative terms “potential future” (e.g. [Dmitriev 1948]), “indefinite/ aorist future” (e.g. [Geng 1989]), “assumptive future” (e.g. [KG 2002; Mamanov 2014]) are used in the Turcological studies as well.

⁵ Diachronically, the Modern Kazakh negative aorist suffix *-MAz* corresponds to the Old Turkic negative one *-MAz*. There is a formal alternation between the sounds /z/ and /r/. Namely, /z/ occurs at the end of a stem while /r/ precedes a vowel, as in Ottoman *yaldiz* ‘star’ vs. Old Turkic *yaltri-* ‘to glimmer’, *yaviz* ‘bad’ vs. *yavri-* ‘to be/come weak’ (cf. [Menges 1994: 145; Erdal 2004: 84]). As a result, /r/ can be primary and /z/ is secondary. The alternation between /r/ and /z/ can be applied to the negative aorist *-MAz* and its affirmative *-r*, where the affirmative *-r* is shifted to /z/ after the negation *-MA*. However, synchronically, the alternation between /r/ and /z/ is not productive anymore neither in the word formation nor in the morphology, and thus, I deal with them as asymmetrical phenomenon.

and modern Turkic languages see Johanson [Johanson 2021: 627—637]). In addition to occurring in the finite predicative position, they can build the dependent predicates of all subordinate clauses. Compare the dependent predicates of relative clauses marked by *-(A)r* and *-MAs* in the examples (9a) and (9b).

- (9) a. *Bar-ar žer, bas-ar taw-ım qal-ma-dı.* [Abish 2016: 67]
 go-AOR place step-AOR mountain-POSS1SG remain-NEG-PST3
 ‘I did not have any place to go or any mountain to climb.’
 b. *Öt-pes pišaq qol kes-er.* (Kazakh proverb)
 pass-NEG.AOR knife hand cut-AOR3
 ‘A blunt knife may cut your hand.’
 Lit.: ‘A knife which does not pierce through may cut your hand.’

2.2. The absence of negation

Within clause combining, subordinate predicates tend to display fewer verbal properties. For instance, the tense, aspect, mood, and person-number agreement marking are commonly absent, so that these semantic categories are expressed by the main predicates. According to Johanson [Johanson 2002: 88], verb stems in Turkic languages can be marked by suffixes of: actionality > voice > possibility > negation > aspect > mood > tense > interrogation > person-number agreement. Verbs can take these suffixes according to a hierarchy ranking, so that the verbal predicates of independent clauses are able to take all of these suffixes. The verbal predicates of dependent clauses, on the other hand, are easily followed by the innermost verbal properties of actionality, voice, possibility, negation and potentiality aspect. Verbal properties such as mood, tense, interrogation, and verbal personal markers cannot be expressed in most dependent predicates. Consequently, the more the dependent predicates exhibit such verbal features, the lower the manifestation of nominalization⁶ is. In other words, if a dependent predicate can distinguish aspect values, it displays less nominalization than a dependent predicate that lacks this category. For example, relative and complement clauses based on the past participle suffix *-GAn* and the future participle suffix *-AtIn// -ytIn* are able to take independent actionality, voice, possibility, and the negation *-MA*. On top of that, these two forms inherently distinguish the aspect semantics of perfect and prospective aspects, respectively.

- (10) a. *Bar-ma-γan adam* (questionnaire)
 go-NEG-PTCP.PST person
 ‘a person who hasn’t gone/did not go.’
 b. *Bar-ma-ytın adam* (questionnaire)
 go-NEG-PTCP.FUT person
 ‘a person who won’t go.’

In these expressions, the dependent predicates of the relative clauses, *barmayan* and *barmaytın*, are inflected with the negation *-MA*, while the past participle in *-GAn* and future participle in *-AtIn// -ytIn* express the relative time at which the propositions did not happen, or will not happen as “past” (i.e. preceding the temporal reference point) respective “future” (following it). Apparently, these two relative clause types exhibit more verbal properties than those in (11a) and (12a).

Nevertheless, as Horn states, there is “a constraint against negation in non-finite embedded clauses” [Horn 1978: 191], so that some subordinate structures restrict distribution of independent negation that is determined by the nominalization degree of subordinate clauses (also see [Givón 1978; Lehmann 1988; Bond 2011]). In Kazakh, a strongly nominalized subordinate clause disallows some verbal inflections, including negation. In particular, the purpose clauses and complement clauses based on the non-finite forms *-MAK* and *-(I)s*, respectively, do not allow independent negations. See:

- (11) a. *Žür-is-i-n üdet-e tüs-ti.* [Jumabay, Nevskaya 2024: 99]
 move-VN-POSS3-ACC increase-CONV FALL.AUX-PST3
 ‘S/he was slightly speeding up his/her walking.’
 (12) a. *Kempir-im ekew-imiz olar-γa üy sat-ıp*
 wife-POSS1SG two.together-POSS1PL they-DAT house buy-CONV

⁶ Note that the term nominalization is used to refer to a type of non-finite verb form as it is found in most of the literature. Following [Givón 2001: 24], in this paper, however, nominalization is used as a grammatical process by which a finite verbal clause, a complement clause or a subject-less verb phrase, is converted into a noun phrase.

al-ıp ber-mek bol-ıp aqıldas-ti-q. [KZ CNR: 10.06.2020]⁷
 TAKE.AUX-CONV GIVE.AUX-VN COP-CONV discuss-PST-1PL
 ‘My wife and I decided to buy them a house.’

In these examples, inserting the negation *-MA* between *žür-* ‘move’ and the verbal noun *-(I)s* in (5), or between *ber-* ‘give’ and *-MAK* in (6), would render the expressions ungrammatical, as shown in (11b) and (12b).

- (11) b. *⁸*Žür-me-s-i-n üdet-e tüs-ti.*
 move-NEG-VN-POSS3-ACC increase-CONV FALL.AUX-PST3
- (12) b. **Kempir-im ekew-imiz olar-ya üy sat-ıp*
 wife-POSS1SG two.together-POSS1PL they-DAT house buy-CONV
al-ıp ber-me-mek bol-ıp aqıldas-ti-q.
 TAKE.AUX-CONV GIVE.AUX-NEG-VN COP-CONV discuss-PST-1PL

Subordinate clauses based on *-MAK* and *-(I)s* therefore manifest fewer syntactic features, as a result of their high degree of nominalization/desententialization (see [Jumabay, Nevskaya 2024]). It is noteworthy that the verbal noun marker *-MAK* need to be negated with the negative particle *emes* ‘not’, when it occurs in the dependent predicate position (see [Mamanov 2014: 109]).

If it is necessary to negate such subordinate clauses, these two forms should be replaced by the verbal noun *-Uw* that allows for independent negation. In the following example, the dependent predicate of the negative purpose clause *qalmaw üşin*, ‘in order to not remain,’ takes the bound negation *-MA*, the verbal noun *-Uw*, and postposition *üşin*, ‘for’.

- (13) *Žawın-da qal-ma-w üşin oqlşatır al-ıp al-dı-m.* (questionnaire)
 rain-LOC stay-NEG-VN for umbrella take-CONV take-PST-1SG
 ‘I took an umbrella lest it rains.’
 Lit.: ‘It took an umbrella in order to not to stay in the rain.’

2.3. The absence of the affirmative

As [Thompson, Longacre 1985: 260] state, many languages have a special morpheme for expressing a negative conditional relation, such as the English *unless* and Chinese *chúfēi* (除非). Likewise, Kazakh has a unique negative converb, *-MAyInšA*, to express a negative conditional relation. The etymology of this suffix is unknown. According to Johanson [Johanson 2021: 754], most modern Turkic languages use the converb form *-mAyIn* and *-mAy* to negate the converbs *-(I)p* and *-A//y*, of which *-mAyIn* and *-mAy* correspond to the Old Turkic negative converb *-mAyIn* or *-mAyin*, which is probably the negation of the Old Turkic converb marker *-IyIn*⁹. He further states that the Old Turkic negative form *-mAyIn* is extended to *-mAyInčA* containing equative marker *-čA*, which exists in most modern Turkic languages, e.g. Tater *-mIyčA*, Bashkir *-mAyInšA*, Kazakh *-MAyInšA*. More intriguingly, the modern Kazakh negative converb *-MAyInšA* has no affirmative counterpart and is not paradigmatically equivalent to any affirmative converb, so it should be treated as an isolated converb strictly denoting a special type of negation. See:

- (14) *Sen bar-mayınša ol kel-me-y-di.* [Zhang 2004: 348]
 you go-NEG.CONV s/he come-NEG-PRES-3
 ‘S/he wouldn’t come unless you go.’

Analyzing the converb suffix in *-GANšA* that contains the participle *-GAN* and the equative marker *-šA* as the affirmative counterpart of *-MAyInšA* is probably inappropriate, since their morphological components differ greatly, and they are not paradigmatically or structurally equivalent. However, the origin of the negative form *-MAyInšA* is still unclear, and in certain linguistic contexts, the converbs *-MAyInšA* and *-GANšA* are functionally equivalent¹⁰. The semantics of these two suffixes will be discussed in Section 3.2 in detail.

⁷ This example is taken from Kazakh radio of China National Radio (CNR). CNR is the national radio network of China that broadcasts in some minority languages including Kazakh. Link to source: <http://www.kazakcnr.com>

⁸ The asterisk * sign is used for an ungrammatical form.

⁹ The converb *-IyIn* is found in East Old Turkic, e.g. *bul-u-yin* ‘being’, *käl-iyin* ‘coming’ (cf. [Johanson 2021: 752]).

¹⁰ A similar situation is found in other Turkic languages. For example, [Baranova, Mishchenko 2022: 409] state that Bashkir has a special negative form *-majənsa*, which is a rough functional equivalent of the Kazakh *-MAyInšA*, and it is not paradigmatically or formally equivalent to any affirmative form either. They further claim that Bashkir *-majənsa* should be treated as “an independent converb marker expressing the absence of secondary action” [ibid.].

It should be specified that using the negative converb *-MAyInšA* in the dependent predicate is not the only way to express a negative conditional semantic structure. Dependent predicates taking the bound morpheme *-MA* and the conditional converb *-sA* can also express a negative conditional meaning, which functionally corresponds to the English adverbial subordinator *if...not*. See:

- (15) *Sen birge bar-ma-sa-ŋ men de bar-ma-y-mīn.* (questionnaire)
 you together go-NEG-COND-2SG I too go-NEG-PRES-1SG
 ‘I am not going if you do not go with me (= unless you go with me).’

2.4. The presence or absence of negation in a given non-finite form

Due to the multi-functionality of certain converbs, they can express more than one adverbial relation. For example, the conditional converb *-sA* can express temporal and conditional relations. Similarly, the converb *-GAI* can be found in the dependent predicates of temporal clauses in the sense of ‘since’, and purpose clauses. Interestingly, the dependent predicates of purpose clauses built with *-GAI* disallow independent negation, and thus the scope of the negation is restricted to the main clause, cf. (16a). However, in temporal clauses marked by *-GAI*, the subordinate predicates typically allow for independent negation in *-MA*. See (16b):

- (16) a. *Biz üyren-geli kel-me-di-k.* (questionnaire)
 we learn-CONV come-NEG-PST-1PL
 ‘We did not come to study.’
 b. *Biz köris-pe-geli köp žil bol-di.* (questionnaire)
 we see-NEG-CONV many year COP-PST3
 ‘It has been many years since we have not seen each other.’
 Meaning: ‘It has been many years during which we have not seen each other.’

Nevskaya [Nevskaya 2010; Nevskaya, Memtimin 2021] has investigated the use of the suffix *-GAI* in temporal and purpose clauses in both historical and modern Turkic languages. She argues that the temporal and purposive *-GAI* in Old Turkic and modern Turkic are two homonymous forms that presumably have different origins. In addition, it behaves differently in these two types of adverbial clauses. Our investigation of the negation of the suffix *-GAI* in Kazakh supports Nevskaya’s argument.

As stated in Section 2.2, some purpose clauses prohibit negation and in Kazakh; there is no special negative morpheme corresponding to the English conjunction *lest* that indicates negative purpose. The negative purpose clauses can be marked by adding the negative suffix *-MA* to the dative-marked verbs noun *-UwGA* or to the postpositional verbal noun *-Uw üšin* ‘for’, as shown in (13).

The contrast between the possibility and impossibility of an independent negation in subordinated predicates is again related to the nominalization/desententialization degree of the subordinate clauses. Cristofaro proposed the following Subordination De-ranking Hierarchy: Phasal, Modal > Desiderative, Manipulative, Purpose > Perception > Before, After, When, A relativization, S relativization > Reality condition, Reason, O relativization > Knowledge, Propositional attitude, Utterance, Indirect object relativization, Oblique relativization¹¹ [Cristofaro 2005: 229]. According to this hierarchy, the purpose clauses are placed closer to the left margin of the hierarchy displaying the strongest semantic integration and the highest morpho-syntactic reduction. The temporal clauses, on the other hand, are located after the purpose clauses, due to a relatively weak semantic integration and lower morpho-syntactic reduction. A similar nominalization hierarchy for Kazakh subordinate clauses is identified in [Jumabay 2022: 250–251]. Specifically, it is stated that Kazakh purpose clauses exhibit a higher degree of nominalization than temporal clauses. The manifestation of a higher syntactic level or of less nominalization is even shown in the prosodic patterns of temporal clauses by means of having a distinct sentence intonation. A similar result has been found in historical Turkic languages by Károly [Károly 2023]. Consequently, it can be claimed that Kazakh purpose clauses tend to display stronger embedding and dependency than temporal clauses. Therefore, the negative polarity as a typical verbal property is eliminated from such strongly nominalized purpose clauses.

¹¹ Phasal, Modal, Desiderative, Manipulative, Perception, Knowledge, Propositional attitude, and Utterance are the classification of complement taking predicates, i.e. matrix predicates, proposed by [Noonan 1985]. Cristofaro distinguishes six types of adverbial relations: Purpose relation, Before-relation, After-relation, When-relation, Reality conditional relation and Reason relation [Cristofaro 2005: 156]. A, S and O relativization refers to the relativized items that are a transitive agent (i.e. the agent of an intransitive verb), an intransitive subject, and an object.

3. Semantic asymmetry

The formal marking of negation does not always coincide with its semantic scope, and in certain types of subordination, especially in adverbial subordination, there are therefore some semantic mismatches in which affirmative-negative pairs may receive nontrivial readings. In other words, the negative clause is not always employed only to deny the affirmative state of affairs; it can also receive new readings that cannot be expressed by its affirmative counterpart. I have observed that the affirmative and its corresponding negative construction may express two different attitudes of the speaker towards the proposition expressed in the subordinate clauses, two different adverbial relations, or even identical semantics.

3.1. Affirmative and negative express different semantics

Within the semantic asymmetry of expressing different semantics, the affirmative and its negative counterpart either indicate different modality notions or different adverbial relations.

3.1.1. The affirmative *-(A)r* and its negative *-MAs* convey two different attitudes towards proposition on the part of the speaker

It has been mentioned in different linguistic works (see [KG 2002; Abish 2016]) that in the main clause, the affirmative *-(A)r* and its negative counterpart *-MAs* can indicate different modality notions. Such semantic mismatch is encountered in subordinate clauses as well (see [Jumabay 2022: 237]). In particular, the subordinate clauses, mainly clausal relativization and complementation, which are expressed with the aorist *-(A)r*, can indicate epistemic possibility, as in (17a), while its negative form *-MAs* indicates a firm decision or the strong will of the speaker, as (17b) shows.

- (17) a. *Oyan teñ kel-er, onıñ orn-ı-n bas-ar žoldas-ti äli*
 s/he.DAT equal come-AOR s/he.GEN place-POSS3-ACC step-AOR comrade-ACC still
tab-a al-ya-m žoq. [Müsirepov 2005: 94]
 find-CONV TAKE.AUX-POSTT-1SG non-existent
 ‘I still could not find a partner who may be equal to him and who could replace him.’
- b. *Bıraq olar-dıñ ešqaysi-si-na qarsı šıy-uw-ya, ašuw šaqır-uw-ya*
 but the-GEN no.one-POSS3-DAT oppose-VN-DAT be.angry-VN-DAT
bol-mas-ı-n bil-e-m. [Žanbolatov 2011: 77]
 COP-NEG.AOR-POSS3-ACC know-PRES-1SG
 ‘But I know that I cannot oppose or be angry with any of them.’
 Lit.: ‘But I know that it is impossible to be against any of them and to be angry with any of them.’

However, this type of semantic mismatch does not arise in relative or complement clauses that are based on the participles *-GAn* or *-AtIn//ytIn*. For these, the positive and negative sentences are structurally symmetric, and the negative construction semantically denies the proposition described in the corresponding positive one, cf. (18a) vs. (18b).

- (18) a. *Äyel adam tawıq-ti er adam-nıñ urla-yan-ı-n ayt-ti.* (questionnaire)
 woman chicken-ACC man-GEN steal-PTCP.PST-POSS3SG-ACC say-PST3
 ‘The woman said that the man stole the chicken.’
- b. *Äyel adam tawıq-ti er adam-nıñ urla-ma-yan-ı-n ayt-ti.* (questionnaire)
 woman chicken-ACC man-GEN steal-NEG-PTCP.PST-POSS3SG-ACC say-PST3
 ‘The woman said that the man did not steal the chicken.’

3.1.2. The affirmative *-(I)p* and *-A//-y* and their negation *-MAy* signal different adverbial relations

In Kazakh, adverbial clauses are typically non-finite clauses whose dependent predicates are based on converbs. There are more than 30 converbal forms in Kazakh, including primary and secondary converbs. Primary converbs are morphologically simple: for example, the converbs in *-(I)p* and *-A//-y* and their negation *-MAy*. Secondary converbs, on the other hand, are morphologically complex, consisting of participles, verbal nouns, case markers and/or postpositions, e.g. *-GAn-dA* <PTCP.PST-LOC>, *-GAn soñ* <PTCP.PST after>, *-Uw üšin* <VN for>, *-MAs-tAn* <NEG.AOR-ABL>, etc.

In this paper, adverbial clauses are divided into 18 sub-types inspired [Kortmann 1997: 84–89]: simultaneity overlap clause ‘when’, ‘while’, temporal anteriority clause ‘after’, temporal posteriority clause ‘before’, temporal immediate anteriority clause ‘as soon as’, temporal ‘since’ clause¹², temporal ‘until’ clause¹³, concessive clause ‘although’, ‘even if’, conditional clause ‘if’, negative conditional clause ‘if not’, causal clause ‘because’, contrast clause ‘whereas’, purpose clause ‘in order to’, negative purpose clause ‘lest’, manner ‘by’, instrumental clause ‘with’, additive clause ‘besides’, ‘in addition to’, substitutive clause ‘instead of’, ‘rather than’, concomitance clause ‘having done’, and negative concomitance clause ‘without’. The dependent predicates of several types of adverbial clauses are expressed by the primary converbs *-(I)p*, *-A//-y* and *-MAy*. In particular, predicates expressing simultaneity, anteriority, causality, concessive, manner, instrumentality and concomitance can be expressed by the converb form *-(I)p*. The converb marker *-A//-y* is used for predications of immediate anteriority, manner, and instrumental adverbial relations. The dependent predicates of posterior, the ‘until’ clause, causal, negative conditional, substitutive and negative concomitance clauses are encoded with the negative converb *-MAy* (see [Jumabay 2022]). Arguably, structurally or paradigmatically asymmetric negative constructions are more complex than symmetric negative constructions are. Such grammatical complexity is shown both in structure and semantics.

These semantic differences can be proven by the following sentences. The immediate anteriority clause *el žat-a*, ‘as soon as the people fell asleep’ in (19), the posteriority clause *üy salıp*, ‘after building a house’ in (20), and the concessive clause *qiyndiyına qaramay*, ‘despite the difficulty’ in (21) are encoded by the converbs *-(I)p*, *-A//-y* and *-MAy*, expressing three different subordinate relations.

(19) *El žat-a, Olžabek köš-e žönel-di.* [Zhang 2004: 342]
 people lie.down-CONV Olzhabek move.out-CONV GO.AWAY.AUX-PST3
 ‘As soon as the people fell asleep, Olzhabek moved out.’

(20) *Qiz üy sal-ıp, sawda-si-n iste-p žat-a-di.* [Ótött-Kovács 2015: 27]
 girl house build-CONV trade-POSS3-ACC do-CONV LIE.AUX-PRES-3
 ‘After building a house, the girl was trading [with goods].’
 Lit.: ‘After building a house, the girl was doing her trade.’

(21) *Qol-ım-a tüs-ken kitap-tar-di qiyndiy-in-a*
 hand-POSS1SG-DAT fall-PTCP.PST book-PL-ACC difficulty-POSS3-DAT
qara-may oqi-p ši-y-atin-mın. [KZ CNR: 23.04.2020]
 look-NEG.CONV read-CONV GO.OUT.AUX-PTCP.FUT-1SG
 ‘Despite the difficulties, I used to read the books that I got.’

As exemplified in (7), when these three converbs appear in the same sentence structure, they denote three different meanings. The dependent clause with the predicate expressed by *-MAy* acquires a new adverbial relation. In (22a), the adverbial clause *estip žatıp* that is based on the auxiliary verb construction *-(I)p žatıp* indicates the temporal relation of simultaneity. In (22b), *estimey žatıp*, by contrast, is ambiguous between the adverbial relations of temporal posteriority or negative concomitance. If the dependent predicates of adverbial clauses are based on biverbal auxiliary constructions, adding the negative marker *-MAy* to the main verb is the only possibility to produce the negative form of the dependent predicate since the auxiliary verb cannot take negation.

Temporal simultaneity:

(22) a. *Esti-p žat-ıp kül-di.* (questionnaire)
 listen-CONV LIE.AUX-CONV laugh-pst3
 ‘S/he laughed while listening.’

Temporal posteriority or negative concomitance:

b. *Esti-mey žat-ıp kül-di.* (questionnaire)
 listen-NEG.CONV LIE.AUX-CONV laugh-pst3
 ‘S/he laughed before/without listening.’
 Lit.: ‘Not having listened, s/he laughed.’

¹² Kortmann [1997: 85] uses the term *terminus a quo* for this type of temporal clause, which identifies a state of affair anterior to the state of affair in the main clause and explicitly indicates its starting point. In the Turcological literature, the term *ab-temporal* is used as well (see [Menges 1994; Johanson 2021]). In this paper, I will simply call this type of clause a ‘since’ clause.

¹³ Kortmann [1997: 85] uses the term *terminus ad quem* for this type of temporal clause. It identifies a state of affair posterior to the state of affair in the main clause and specifically marks its endpoint. The term ‘until’ clause is used here.

In the following sentences, the affirmative auxiliary construction *-(I)p/-A//y* plus *turip-* can be interpreted as the predicate in a concessive clause, whereas its negative counterpart still retains ambiguous readings between temporal posteriority and negative concomitance. See (23a and 23b):

Concession:

- (23) a. *Ne iste-w-di bil-e/ip tur-ïp, ket-ip qal-dï.* (questionnaire)
 what do-VN-ACC know-CONV STAND.AUX-CONV leave-CONV REMAIN.AUX-PST3
 ‘Although s/he knows what to do, she/he left.’

Temporal posteriority or negative concomitance:

- b. *Ne iste-w-di bil-mey tur-ïp, ket-ip qal-dï.* (questionnaire)
 what do-VN-ACC know-NEG.CONV STAND.AUX-CONV leave-CONV REMAIN.AUX-PST3
 ‘S/he left before/without knowing what to do.’

3.2. Both affirmative and negative have the same meaning

In addition to expressing two different adverbial relations, there is an interesting tendency that both an affirmative marker and its negative counterpart can express the same adverbial relation. Such a phenomenon is encountered with the negative converb *-MAstAn* and its affirmative correspondence *-(A)rdAn burin/ilgeri* ‘before’, indicating the adverbial relation of posteriority (see [Jumabay 2022]). The compound converbal marker *-(A)rdAn burin/ilgeri* consists of the aorist *-(A)r*, the ablative case *-DAn* and the postposition *burin/ilgeri* ‘before’, while *-MAstAn* is a combination of the negative aorist *-MAs* and the ablative suffix *-DAn*. Although in Turkic languages using negation is a typical strategy of expressing temporal posteriority relation, this phenomenon proves that the positive form can indicate such adverbial relation as well. See:

- (24) a. *Sabaq basta-l-ardan ilgeri, oquwşı-lar kilas-qa kir-ip bol-dï.* [Jumabay 2022: 148]
 class start-PASS-CONV before student-PL classroom-DAT enter-CONV become.AUX-PST3
 ‘Before the class started, the students (had already) entered the classroom.’
- b. *Sabaq basta-l-mastan, oquwşı-lar kilas-qa kir-ip bol-dï.* [ibid.]
 class start-PASS-NEG.CONV student-PL classroom-DAT enter-CONV BECOME.AUX-PST3
 ‘Before the class started (lit.: when the class did not start (yet)), the students (already) entered the classroom.’

Pragmatically, the expressions in (24a and 24b) are not absolute synonyms, i.e. the foregrounding of the dependent event or the main one are different, though the semantics are quite close indeed. More precisely, they are the same correlation of two situations that are the referents of both sentences in the real world. Thus, they differ in their denotations, but they have the same referent, a correlation of two situations, i.e., first the students entered the classroom and then the class started. This correlation can be expressed in many different ways. Although the expressions do not retain exactly the same meaning, they can be translated into English in the same way. The dependent affirmative form in (24a) refers to the point prior to the students entering the classroom. The dependent negative form in (24b), on the other hand, refers to the situation occurring simultaneously with the situation of the students’ entering the classroom.

It should be clarified that the affirmative and negative counterparts of the aorist *-(A)r* and *-MAs* can co-occur in the dependent predicate position. Namely, a verb ending in the affirmative form *-(A)r* that is immediately followed by the same verb taking the negation *-MAs* and the ablative case *-DAn* can express a proximative meaning¹⁴ that the proposition described in the adverbial clauses is about to happen, but has not happened yet¹⁵ (see [Zhang 2004; Jumabay 2022]), cf. (25) and (26). However, they are phraseological expressions, a set expression used as a whole. The underlying meaning of the verbal phrase *tañ atar atpastan* in (25) is that ‘at the moment, when it is hard to say whether the dawn has already broken or the dawn has not yet broken’, so it is the moment in between. It should be noted that the affirmative and negative forms do not contain the same meaning.

¹⁴ According to [Johanson 2017: 29–30], proximative (also called prospectives in different terminological framework) “refers to a pre-phase, a phase preliminary or preparatory to a possible subsequent event, conceived of as imminent, impending, i.e. as being ‘about to occur’. The situation obtaining at the orientation point coincides with this pre-phase”. Furthermore, Nevskaya has been working on the proximative in Turkic languages and has published several articles. For a detailed investigation of proximative in Turkic, see [Nevskaya 2005; Nevskaya, Tazhibayeva 2017].

¹⁵ According to [Kornfilt 1997: 72], this pattern also exists in Turkish but expresses the immediate anteriority relation ‘as soon as’.

- (25) *Ol tañ at-ar at-pas-tan tur-ïp ket-ti.* [Zhang 2004: 333]
 s/he dawn-AOR dawn-NEG.AOR-ABL stand-CONV leave-PST3
 ‘S/he got up and left when the sun was about to rise.’
- (26) *Esik-ten kir-er kir-mes-ten, Maldibay-dï bas sal-ïp*
 door-ABL enter-AOR enter- NEG.AOR-ABL Maldibay-ACC seize-CONV
quşaqta-p žïla-p žiber-di. [KZ CNR: 2023.08.17]
 embrace-CONV cry-CONV SEND.AUX-PST3
 ‘As s/he was about to enter the door, s/he threw her/himself into Maldibay, hugged him and burst into tears.’

Although we argued in Section 2.3 that the non-finite negative form *-MAyInšA* and the limitative-terminative form *-GANšA* are not equivalent, a dependent predicate marked by these two converbs can express the temporal meaning ‘until’. However, dependent predicates built with *-MAyInšA* are ambiguous between a negative conditional meaning and a temporal one. Moreover, the structure of the sentence differs from the one based on *-GANšA*. See:

- (27) a. *Marat qayt-ïp kel-genşe kör-e-miz.* (questionnaire)
 Marat return-CONV come-CONV see-PRES-1PL
 ‘We will watch until Marat came back.’
- b. *Marat qayt-ïp kel-meyinşe kör-me-y-miz.* (questionnaire)
 Marat return-CONV come-NEG.CONV see-NEG-PRES-1PL
 ‘We won’t watch unless/until Marat comes back.’

It is not surprising that, in certain contexts, the distinction between temporal clauses and conditional clauses is neutralized in Kazakh, so that their dependent predicates can be encoded by means of the same non-finite form. However, this neutralization is not always the case. There are a number of contexts in which dependent predicates marked by *-GANšA* solely indicate temporal relation, and *-MAyInšA*-based predicates signal conditional meaning. There are some similar phenomena of neutralization in Kazakh, for example, the conditional and simultaneity overlap (‘when’) clauses can be encoded by the conditional converb *-sA*, e.g. *bar-sa-m* <go-COND-1SG>, ‘when/if I go’. Moreover, this generalization of expressing conditional and temporal simultaneity relation by identical forms is valid cross-linguistically (see [Thompson, Longacre 1985; Cristofaro 2005]). A similar study result is encountered in Shor by Nevskaya [Nevskaya 1993] and in Turkish by Menz [Menz 2016].

The Kazakh example in (27b) implies that the distinction between temporal terminative clauses and negative conditional clauses is neutralized as well, since the main predicate *kör-me-y-miz*, ‘we will not see’ has a non-factive meaning. If the main predicate contains factive forms, such neutralization is not applicable, and the form *-MAyInšA* is not compatible with the factive expression in the main predicate. This correlation between the main and dependent predicates will be described in Section 4.2.

4. Complexity of negation in adverbial clauses

The asymmetric negative constructions always exhibit a higher degree of formal and semantic complexity compared to those that are symmetric (cf. [Miestamo 2006]), as our previous arguments and descriptions have shown. Negation in subordination, especially in adverbial clauses, is an intricate issue due to formal and semantic mismatches. As a result, it usually influences the clarity of the relation between form and its meaning, showing functionally higher complexity.

Regarding grammatical complexity, the converbs, especially *-(I)p*, are extremely complex in most Turkic grammar system in terms of their functions¹⁶. Johanson states that the converb form *-(I)p* in Turkic can distinguish four different cardinal levels, arranged from clausal level to word level [Johanson 1995: 313–315]. Two verbal predicates linked by the converb suffix *-(I)p* can be read as follows:

- a coordinative relation where both linked clauses have independent subjects and the converb functions as a conjunction functionally corresponding to the English *and*, e.g. *Asqar kel-ip, Murat ket-ti* <Askar come-CONV Murat leave-PST3>, ‘Askar came and Murat left’;
- an adverbial subordinative relation of which the subordinate clause part serves as a satellite, modifying various circumstances of the main clause part, and the two linked clauses may have either independent

¹⁶ The formal and semantic complexity of the converb *-(I)p* in Shor is studied by Neveskaya [Nevskaya 1988; 1993]. She classifies the converbs according to their semantic ranges.

subjects or shared ones, e.g. *Murat-ti kör-ip, Bota üy-ge kir-ip ket-ti* <Murat-ACC see-CONV Bota house-DAT enter-CONV LEAVE.AUX-PST3>, ‘Having seen Murat, Bota entered to the room’;

- an auxiliary verb construction or pluri-predicative construction in which the second verb is either fully grammaticalized, expressing different grammatical notions of actionality or viewpoint-aspect, or both linked verbs retain their lexical meaning, e.g. *Murat kör-ip žat-ir* <Murat see-CONV LIE.AUX-AOR3>, ‘Murat is watching right not’ *Murat kör-ip bil-di* <Murat see-CONV know-PST3>, ‘Murat saw and knew’;
- a new verbal expression where two linked verbs produce a new meaning, e.g. *Murat üy sat-ip al-di* <Murat house sell-CONV TAKE.AUX-CONV-PST3>, ‘Murat bought a house’.

There are some functional correlations between the constructions built with the converb *-(I)p* and the negative *-MAy*. Specifically, the negative *-MAy* can function as a coordinative conjunction joining two clauses that have separate overt subjects, as (28a) shows; it can function as an adverbial subordinator modifying different circumstances of the main clauses, as in (28b); and it can negate the lexical verb of the auxiliary verb construction, as (28c) illustrates.

(i) A coordinative relation:

- (28) a. *Asqar kel-mey, Murat ket-ti.* (questionnaire)
 Askar come-NEG.CONV Murat leave-PST3
 ‘Askar did not come, but Murat left.’

(ii) An adverbial relation:

- (28) b. *Murat-ti kör-mey, Bota üy-ge kir-ip ket-ti.* (questionnaire)
 Murat-ACC see-NEG.CONV Bota house-DAT enter-CONV LEAVE.AUX-PST3
 ‘Without/before seeing Murat, Bota entered the house.’

(iii) An auxiliary verb construction:

- (28) c. *Murat kör-mey žat-ir.* (questionnaire)
 Murat see-NEG.CONV LIE.AUX-AOR3
 i. ‘Murat is not willing to watch right now.’
 ii. ‘Murat is not watching right now.’

Regarding the fact that the same negative converb can express multiple adverbial relations, it often causes ambiguity, as shown in (28b). Nevertheless, there are certain correlations between the morphosyntax of adverbial clauses and their semantics, and negative polarity of dependent and independent predicates. The negative and affirmative correlation between dependent and independent predicate, in certain respect, may resolve the meaning ambiguity.

It should be noted that the negation in auxiliary verb construction consisting of a lexical verb marked with the converbs *-(I)p* or *-A//y* plus a grammaticalized auxiliary verb is an intricate and important issue, since both the lexical and the auxiliary verb can be negated independently, either by *-MAy* or *-MA*. Negating different components of the auxiliary construction, the lexical verb or the auxiliary verb can affect the semantics of the constructions. Therefore, it should be studied further in more detail.

4.1. Semantic interaction between adverbial clauses and negative polarity

In addition to denying a state of affairs or a proposition, markers containing negation on the dependent predicates is the main clause combining strategy of expressing certain adverbial relations, and this factor is related to the inherent semantics of the adverbial clauses, i.e. realization and non-realization of the described state of affairs (cf. [Thompson, Longacre 1985; Kortmann 1997; Hetterle 2015]). A part of the verb paradigm adding negation on the dependent predicates to denote unrealized events in the subordinate clauses is observed most languages, for example Mandarin Chinese, Lakhota, Yabapai, Puma, etc. (see [Thompson, Longacre 1985; Bond 2011]).

In Turkic languages, the function of negative polarity in some adverbial clauses is to support the adverbial interpretation. That is, if the situation in the adverbial clauses is not realized during the time span during which the situation in the main clause is carried out, the predicates of the adverbial clauses are in the form of a negative converb. In Kazakh temporal posteriority and substitutive clauses, referring to the states of affairs which have not been fulfilled at the time when the states of affairs in the main clauses were realized, the predicates can be expressed by the negative converbs *-MAy* or *-MAstAn*. Moreover, adverbial dependent predicates built with these negative converbs may indicate more than one adverbial relation in certain contexts. For instance, the dependent predicate expressed by the negative converb *-MAy* has the potentiality to signal temporal posteriority,

substitutive, and negative concomitance relations, as example (29) illustrates, leading to ambiguous readings in some contexts. In addition, such a correlation between structure and meaning constitutes a one-to-many correspondence.

One-to-many correspondence:

- (29) *Tapsırma-si-n orında-mastan, televizor kör-ip otır.* (questionnaire)
 homework-POSS3-ACC finish-NEG.CONV TV see-CONV SIT.AUX3
 i. Substitution: ‘Instead of completing her/his homework, s/he is watching TV.’
 ii. Posteriority: ‘Before completing her/his homework, s/he is watching TV.’
 iii. Negative concomitance: ‘S/he is watching TV without completing her/his homework.’

The sentence in (29) with the dependent predicate built with *-MAstAn* can express three different adverbial relations: that of substitution as in interpretation (i), that of temporal posteriority as in (ii), and that of negative concomitance, as interpretation (iii) shows.

On the contrary, one of the above-mentioned adverbial relations can be expressed by several negative forms of the dependent predicate. For instance, the negative conditional relation can be expressed by the negative converbs *-MAy*, *-MAyInšA*, and the negation *-MA*, plus the conditional converbal suffix *-sA* to the dependent verbal predicate. Consequently, we witness a many-to-one correspondence of the forms with the same semantics. See:

Many-to-one correspondencies:

- (30) a. *Sen bar-mayınša ol kel-me-y-di.* (questionnaire)
 you go-NEG.CONV s/he come-NEG-PRES-3
 b. *Sen bar-may ol kel-me-y-di.* (questionnaire)
 you go-NEG.CONV s/he come-NEG-PRES-3
 c. *Sen bar-ma-sa-ñ ol kel-me-y-di.* (questionnaire)
 you go-NEG-COND-2SG s/he come-NEG-PRES-3
 ‘S/he wouldn’t come unless you go.’

In example (30), the negative conditional meaning is expressed in three different ways: *barmayınša*, *bar-may*, and *barmasañ*, all having the meaning ‘unless you go’ or ‘if you do not go’.

It is noteworthy that the negative marking on the dependent predicates is not the only way of expressing posteriority and substitutive relations. The affirmative forms can convey the adverbial readings of substitution or temporal posteriority as well. See:

- (31) *Bul мәsele-ler žaña sestima-niñ iske qos-ıl-uw-ı-nan burın*
 this problem-PL new system-GEN operate-PASS-VN-POSS3-ABL before
šešim tab-uw-ı kerek. (questionnaire)
 resolution find-VN-POSS3 necessary
 ‘These problems must be solved before the new system goes into operation.’
- (32) *Beker žür-genše beker iste!* (Kazakh proverbs)
 free move-CONV free do.IMP2SG
 ‘Instead of doing nothing, work for free!’

In examples (31) and (32), the affirmative forms *-UwdAn burın*, ‘before’, consisting of the verbal noun *-Uw*, the ablative case and the postposition *burın* ‘before’, and the limitative-terminative form *-GANšA*, imply temporal posteriority (31) and substitution (32), respectively.

4.2. Structural interaction between the main and the dependent predicates in adverbial clauses

Apart from having a semantic correlation between the adverbial clauses and negative polarity, there is a structural interaction between the affirmative—negative marking on the dependent and independent predicates. Such structural correlation between the two predicates may disambiguate the fuzzy constructions, but not completely. As stated above, the dependent predicate expressed with the negative converb *-MAy* is ambiguous among the following adverbial relations:

- a temporal posteriority relation ‘before’;
- a negative concomitance relation ‘without doing’;
- a negative conditional relation ‘unless’;
- a substitutive relation ‘instead of’;
- a causal relation ‘because’.

Within these adverbial clauses, there is a trend that adverbial clauses taking independent negation require that their main predicates should either be in the affirmative or negative form depending on the realization or non-realization of the states of affairs described in the two linked clauses.

4.2.1. Negative marking on the dependent predicate and affirmative marking on the independent predicate

As far as the states of affairs in the main and adverbial clauses are concerned, in posteriority relation, the states of affairs referred to in the adverbial clauses are not yet realized when those in the main clauses are performed. Similarly, in negative concomitance relations, the states of affairs in the adverbial clauses do not accompany the states of affairs described in the main clauses. Since in the posteriority and negative concomitance relations the states of affairs have not yet taken place at the time of the main clause, these realized and unrealized relations can arguably be an explanation for these two adverbial clauses, whose predicates are often marked with the negation *-MAy*, while their main predicates are in the affirmative forms. Consequently, the formal interaction between the dependent predicate and the independent one is “negative—affirmative”. Furthermore, the dependent predicates marked by *-MAy* are ambiguous between posteriority and negative concomitant relation (also see [KG 2002: 723]). See:

- (33) *Ol murat-ın-a žet-pey, bel šeš-e-di.* (questionnaire)
 s/he goal-POSS3-DAT reach-NEG.CONV give.up-PRES-3
 i. posteriority: ‘S/he gives up before reaching his/her goal.’
 ii. negative concomitance: ‘S/he gives up without reaching his/her goal.’

The interpretations in (i) and (ii) can be inferred from the actionality content of the dependent verbal predicate *žet-* ‘to reach’, which is a transformative verb¹⁷, as the action is telic, i.e. has an inherent crucial limit. While expressing the interpretation (i) ‘before reaching his/her goal’ is expressed, *žet-*, ‘to reach’, conveys a final telic action, in which the crucial limit of the action is the final phase. This crucial limit can convey a momentaneous and abrupt transformation without any preliminaries, such as in the meaning ‘before s/he has reached the goal’. In the interpretation (ii), however, the initio-transformative meaning of the lexical verb *žet-*, ‘to reach’, is expressed, a transformative action with some duration of which the crucial limit of the action is the initial phase, which conveys the action ‘s/he kept trying to reach his/her goal but could not reach/without reaching’.

However, in some environments, the dependent predicates expressed by the negation *-MAy* can be solely interpreted as negative concomitance clauses. In this adverbial relation, there are two separate situations lacking explicit signals of the relation between the two states of affairs, and the interpretation of this relation is inferred from the pragmatic and linguistic context. The dependent predicate *nöserge qaramay* in (34) can only be interpreted as encoding the negative concomitance relation, ‘without considering the downpour’.

- (34) *Doxtir quy-ip tur-yan nöser-ge qara-may, at-qa*
 doctor pour-CONV STAND.AUX-PTCP.PST downpour-DAT look-NEG.CONV horse-DAT
min-ip nawqas-tiñ üy-in-e tart-ti. [Zhang 2004: 488]
 ride-CONV patient-GEN house-POSS3-DAT head.for-PST3
 ‘Without paying attention to the torrential rain, the doctor headed off on horseback to the patient’s house.’

In substitutive adverbial relation, the situation in the main clause is performed despite the situation in the adverbial clause being expected to take place. Hence, in Kazakh, the dependent predicate of substitutive clause tends to appear in the negative converbs, e.g. *-MAy*, *-MAstAn*, while its main predicate part is in the affirmative. I claim therefore that the subordinate and main predicate interaction in substitutive clauses is also “negative—affirmative”. See:

¹⁷ According to [Johanson 2000; 2004], a verb indicates either transformative or a nont-transformative actional content. A transformative actional phrase involves a “natural evolutionary turning point, a crucial limit” upon reaching which the event is completed (cf. [Johanson 2004: 181]). In the fini-transformative verbs such as *to drop* or *to die*, the crucial limit of an action is the final phase. The crucial limit can indicate a momentaneous and abrupt transformation without any preliminaries, such as in the verb *to drop*, or it can denote a non-momentaneous transformation, in other words, a transformative action with some duration, such as in the verb *to die*. The crucial limit of an action can be the initial phase, such as in the case of *to hide*, which denotes the action ‘to put oneself out of sight’, or the following post-transformative phase, which describes an atelic action, ‘to keep oneself out of sight’. Verbs denoting two phases in this way are initio-transformative. For a detailed study on the actionality in Turkic languages, see [Johanson 2000; 2004; 2023; Karakoç, Jumabay 2023].

- (35) *Üy-ge qayt-pay baqša-ya bar-dī-q.* (questionnaire)
 house-DAT return-NEG.CONV park-DAT go-PST-1PL
 ‘Instead of returning home, we went to the park.’
- (36) *Meni žazyır-mastan mağan šabıt ber-di.* (questionnaire)
 I.ACC blame-NEG.CONV I.DAT encourage-PST3
 ‘Instead of blaming me, s/he encouraged me.’

4.2.2. Negative marking on both dependent and independent predicates

According to [Kortmann 1997: 86], the relation of negative conditional to its main clause is that the fulfillment of the state of affairs in the adverbial clause is dependent on the unfulfillment of the state of affairs described in the main clause. A negative marking on the subordinate predicate is the primary method of expressing negative conditions in Kazakh, e.g. *-MAyInšA*, *-MAy*. Furthermore, there is a rigid correlation between the morphological status of the dependent and independent predicates. That is, both predicates ought to be in their negative forms. In examples (37) and (38), the subordinate predicates of the negative conditionals bear the negative converb markers *-MAyInšA* and *-MAy*, while the main predicates take the standard negation *-MA* and the negative aorist *-MAs*.

- (37) *Sen qosıl-mayınša ket-pe-y-min.* (questionnaire)
 you agree-NEG.CONV leave-NEG-PRES-1SG
 ‘I won’t leave unless you agree.’
- (38) *Žan kīyna-l-may žumis bit-pes.* (Kazakh proverbs)
 soul mistreat-PASS-NEG.CONV work finish-NEG.AOR3
 ‘Unless your soul suffers, the work cannot be done.’

In order to clarify the “negative—affirmative” and “negative—negative” correlation, the example in (33), where the predicates’ correlation is that of “negative—affirmative”, we have substituted it by the example (39). As soon as the independent predicate *bel šeš-* ‘to give up’ receives the negation *-MA*, the construction obtains a negative conditional interpretation. The double negative marking on the predicates in both the adverbial and the main clauses resulting in the temporal relation of ‘until’ is also encountered in Burmese (a Tibeto-Burman language spoken in Myanmar) by [Soe 1999: 333].

- (39) *Ol murat-in-a žet-pey, bel šeš-pe-y-di.* (questionnaire)
 s/he goal-POSS3-DAT reach-NEG.CONV give.up-NEG-PRES-3
 ‘S/he won’t give up until reaching his/her goal.’

In causal relations, the state of affairs in the dependent causal clauses provides a cause, reason or motivation for the state of affairs stated in the main clauses. In Kazakh, under specific conditions, the fulfillment of the state of affairs in the main clause is caused by the failure of the state of affairs in the dependent clause, and the adverbial clauses of cause can thus be based on the negative converb *-MAy*. In this case, the causal clauses strictly require that the main clauses should have negative polarity as well, thus manifesting the “negative—negative” interaction. In examples (40) and (41), the subordinate predicates contain the non-finite negative converb *-MAy* while main predicates the negation marker *-MA*, respectively. It should be noted that there is no transparent indication of causal relation; the interpretations, on the other hand, are the result of pragmatic and contextual readings.

- (40) *Waqıt-im bol-may, žiyin-ya qatıs-a al-ma-dī-m.* (questionnaire)
 time-POSS1SG COP-NEG.CONV meeting-DAT participate-CONV TAKE.AUX-NEG-PST-1SG
 ‘I could not attend the meeting as I didn’t have time.’
- (41) *Žayday-lar-ı kel-mey bala-si-n oqıt-a al-ma-dī.* (questionnaire)
 condition-PL-POSS3 come-NEG.CONV child-POSS3-ACC teach-CONV TAKE.AUX-NEG-PST3
 ‘They could not send their child to school due to their poor financial situation (lit.: their conditions (of life) being unsuitable).’

5. Concluding remarks

In Kazakh, negation in subordinate clauses exhibits both formal and semantic asymmetry, lacking one-to-one structural and semantic correspondences between affirmatives and their negative counterparts. The formal asymmetries are seen in four different ways, such as:

- absence of one-to-one paradigmatic or structural equivalence between the affirmative and its negative counterpart. This mismatch is observed firstly in the affirmative converbs *-(I)p* and *-A//-y* and their negative counterpart *-MAy*, and secondly in the affirmative aorist *-(A)r* and its negation *-MA*s;
- absence of affirmative forms. This phenomenon can be proved by the existence of negative converb *-MAyInšA*, which has no affirmative equivalent;
- absence of negative forms. For instance, the complement clauses marked by the verbal noun *-(I)s* and the purpose clauses based on *-MAK* cannot be negated;
- absence or presence of negation in a given non-finite form depending on usage. This scenario is observed in the case of the converb *-GAI* that can appear in the dependent predicates of purpose and temporal ‘until’ clause, of which *-GAI*-based purpose clauses disallow independent negation, while *-GAI*-based terminative clauses allow for the use of the standard negation, *-MA*.

Incapacity of taking independent negations in subordinate clauses is the result of a higher degree of nominalization/desententialization. Lehmann [Lehmann 1988: 197] states that the higher the desententialization degree of a subordinate clause, the more reduced its verbal properties. In other words, the more nominalized a subordinate clause is, the more nominal features it exhibits. According to the inflectional hierarchy of a verbal stem demonstrated in Section 2.2, the negation, as a main verbal feature, is located in the innermost layers of the hierarchy, immediately following the actionality, voice, and possibility categories. Tense and person-number agreement categories, on the other hand, are located at the uttermost layers of the verbal inflection. Across subordination, some subordinate clauses can take most of the verbal suffixes, while others cannot. For instance, the temporal clauses permit the use of most verbal properties, whereas purpose clauses only take selected verbal properties (see [Cristofaro 2005]). As a result, the nominalization degree of subordinated clauses can vary across them, depending on the occurrence of certain verbal categories. The restrictive distribution of negative polarity in subordinate clauses illustrates that subordinate clauses are fully or highly nominalized, so that independent negative markers are prohibited. On the contrary, independent negation on subordinate clauses is allowed, even if two subordinate clauses, a highly nominalized one and a weakly nominalized one, are expressed by the same non-finite form, e.g. the appearance of independent negation in *-GAI*-based purpose clauses and in *-GAI*-based temporal clauses.

Furthermore, asymmetrical constructions, in certain respects, may affect the semantics they express. As a result, the affirmative and its negative counterpart may express two different modality notions, two different adverbial relations, or intriguingly, even identical semantics. The expression of two different modality concepts is illustrated by the case of the affirmative aorist *-(A)r* and its negative form *-MA*s, signaling epistemic possibility and deontic certainty, respectively. The non-finite forms *-(I)p* and *-A//-y* and their negation *-MAy* manifest semantic asymmetry, indicating various distinguishable adverbial relations. The tendency of indicating identical meaning by the affirmative and its negative equivalent is shown in the example of converbs *-(A)rdAn burin*, ‘before’, and *-MAstAn* in adverbial clauses, of which both forms can denote the temporal meaning of posteriority ‘before’.

Due to the multi-functionality of certain negative converbs, e.g. *-MAy* and *-MAstAn*, the dependent predicates of adverbial clauses marked by these negative converbs have a potentiality to express several adverbial relations in certain contexts, and hence constructions with them can have ambiguous readings. Within the semantic interaction, the realization of states of affairs in main and subordinate clauses can play a decisive role. Due to the non-realization of the situations in adverbial clauses, negative marking on the dependent predicates is the major strategy of expressing these adverbial readings in Kazakh, and therefore, these adverbial relations are encoded with the non-finite negative forms *-MAy*, *-MAyInšA*, and *-MAstAn*. However, since there are several adverbial clauses in which the events have not materialized, their dependent predicates can be expressed with these negative forms. Such ambiguities are the result of contextual or pragmatic interpretations with respect to the relationship between the two linked states of affairs. Nonetheless, the rigid requirements of an affirmative or a negative marking in dependent and independent predicates can, in certain cases, be beneficial for solving such ambiguousness. Specifically, in negative conditional and causal clauses whose dependent predicates are marked with *-MAy* or *-MAyInšA*, both the subordinate and the matrix predicates ought to bear a negative form, whereas in temporal posteriority, negative concomitance and substitutive relations, in which the dependent predicate is inflected with *-MAy* or *-MAstAn*, the matrix predicates should be in the affirmative form. These formal “negative—affirmative” and “negative—negative” correlations between the dependent and the independent predicates can disambiguate some constructions, although not entirely. Moreover, one adverbial relation can be expressed by several negative forms, resulting in many-to-one correspondences: e.g., the expression of negative conditions by means of *-MAy*, *-MAyInšA*, and the standard negation *-MA* plus conditional *-sA*.

The semantics of the adverbial clauses, especially the ambiguous meanings, is the result of several factors, such as the semantics of the converb suffix, the lexical semantics of both independent and dependent predicates,

the correlation between the actionality content and the aspectual properties of these two predicates, the general context, both the linguistic and non-linguistic, as well as the pragmatic factors. Otherwise, only the formal negative marking on the dependent predicates is incapable of expressing complex and ambiguous meanings in discourse.

Such asymmetric subordinate clauses always display higher grammatical complexity. Structurally or paradigmatically, asymmetric features of non-finite negative forms may have an impact on the semantics they express, reinforcing the manifestation of semantic differences. Semantic asymmetries are mostly consequences of formal asymmetric constructions. As described, the positive and negative aorist *-(A)r* and *-MAs*, on the one hand, the converbs *-A//y* and *-(Ip)* and their negative form *-MAy* on the other, show structural and paradigmatic asymmetries. As a consequence, the semantic differences between the affirmative and negative counterparts discussed in this paper are produced by these asymmetric aorist suffixes and converb forms. It can be concluded that asymmetric constructions display higher grammatical complexity than symmetric constructions, in which one negative construction tends to express several adverbial relations.

Abbreviations

1 — first person	NEG.CONV — negative converb
2 — second person	PASS — passive
3 — third person	PL — plural
ABL — ablative	POSS — possessive
ACC — accusative	PRES — present tense
AOR — aorist	PST — past tense
AUX — auxiliary verb	PTCL — particle
CONV — converb	PTCP.PST — past participle
COP — copular	PTCP.FUT — future participle
DAT — dative	REF — reflexive suffix
GEN — genitive	FEL — relational suffix in -GI
LIK — action nominal suffix in -LIK	SG — singular
NEG — negation	VN — verbal noun

References

- Abish 2016 — *A. Abish*. Modality in Kazakh as spoken in China. Wiesbaden: Harrassowitz, 2016. (Turcologica 107).
- Baranova, Mishchenko 2022 — *V. Baranova, D. Mishchenko*. Negative existential cycle in Bashkir and Kalmyk with some typological parallels. In: *L. Veselinova, A. Hamari* (eds.). The negative existential cycle. Berlin: Language Science Press, 2022. P. 403—439.
- Bond 2011 — *O. Bond*. Negation in clause linkages. In: *Language Documentation and Description*. 2011, 9. P. 77—120.
- Cristofaro 2005 — *S. Cristofaro*. Subordination. Oxford: Oxford Press, 2005.
- Croft 1991 — *W. Croft*. The evolution of negation. In: *Journal of Linguistics*. 1991, 27. P. 1—27.
- Dahl 1979 — *Ö. Dahl*. Typology of sentence negation. In: *Linguistics*. 1979, 17. P. 79—106.
- Dahl 2010 — *Ö. Dahl*. Typology of negation. In: *L. Horn* (ed.). The expression of negation. Berlin: De Gruyter Mouton, 2010. P. 9—38.
- Dik 1997 — *S. C. Dik*. The theory of Functional Grammar 2. Dordrecht: Foris, 1997.
- Dmitriev 1948 — *N. Dmitriev*. Grammatika bashkirskogo yazyka. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948. {N. Dmitriev. Grammar of Bashkir. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948.}
- Dryer 1989 — *M. S. Dryer*. Universals of negative position. In: *E. Moravcsik, J. Wirth, M. Hammond* (eds.). Studies in syntactic typology. Amsterdam: John Benjamins, 1989. P. 93—124.
- Erdal 2004 — *M. Erdal*. A grammar of Old Turkic. Leiden; Boston: Brill, 2004.
- Geng 1989 — *Sh. Geng*. 现代哈萨克语语法 (Xiàndài hāsākè yǔ yǔfǎ). Modern Kazakh grammar. Beijing: Minzu University Press, 1989.
- Givón 1978 — *T. Givón*. Negation in language: Pragmatics, function, ontology. In: *P. Cole* (ed.). Syntax and Semantics. Vol. 9. Pragmatics. New York: Academic Press, 1978. P. 69—112.
- Givón 2001 — *T. Givón*. Syntax 1. An Introduction. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Hetterle 2015 — *K. Hetterle*. Adverbial Clauses in Cross-Linguistic Perspective. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2015.

- Horn 1978 — *L. Horn*. Some aspects of negation. In: *J. Greenberg, Ch. Ferguson, E. Moravcsik* (eds.). *Universals of human language*. Vol. 4: Syntax. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 129—210.
- Horn 1989 — *L. Horn*. *A natural history of negation*. Chicago: CSLI publication, 1989.
- Horn 2010 — *L. Horn*. *The expression of negation*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2010.
- Johanson 1995 — *L. Johanson*. On Turkic converb clauses. In: *M. Haspelmath, E. König* (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective. Structure and meaning of adverbial verb forms — adverbial participles, gerunds*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 313—347.
- Johanson 2000 — *L. Johanson*. Viewpoint operators in European languages. In: *Ö. Dahl*. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 27—187.
- Johanson 2002 — *L. Johanson*. *Structural factors in Turkic language contacts*. London: Curzon, 2002.
- Johanson 2004 — *L. Johanson*. On Turkic transformativizers and nontransformativizers. In: *Turkic Languages*. 2004, 8. P. 180—190.
- Johanson 2017 — *L. Johanson*. Prospectives and proximatives. In: *A. Korn, I. Nevskaya* (eds.). *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017. P. 29—34.
- Johanson 2021 — *L. Johanson*. *Turkic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Johanson 2023 — *L. Johanson*. *Aspect in the languages of Europe*. Ankara: Nobel Publisher, 2023.
- Johanson, Csató 2022 — *L. Johanson, E. Csató*. *The Turkic languages*. London; New York: Routledge, 2022.
- Jumabay 2022 — *U. Jumabay*. *Clause combining strategies in Kazakh as spoken in China in comparative perspectives*. PhD dissertation. Frankfurt: Goethe University Frankfurt, 2021.
- Jumabay, Nevskaya 2024 — *U. Jumabay, I. Nevskaya*. Functional interpretation of the verbal noun marker $-(I^2)s$ in Kazakh. In: *F. Hülya et al.* (eds.). *Selected essays on Turkish linguistics: The Anadolu meeting. Proceedings of the 20th international conference on Turkish linguistics*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017. P. 97—116.
- Karakoç, Jumabay 2023 — *B. Karakoç, U. Jumabay*. On the semantics of transformativizing postverbal constructions in Kazakh. In: *Turkic Languages*. 2023, 27. P. 162—185.
- Károly 2023 — *L. Károly*. The emergence and adaptation of right-branching subordination strategies in Turkic. A talk given at the 21th International Conferences on Turkic Linguistics, August 2—4. Mainz, 2023.
- Kornfilt 1997 — *J. Kornfilt*. *Turkish*. London; New York: Mouton de Gruyter, 1997.
- Kortmann 1997 — *B. Kortmann*. *Adverbial Subordination: A Typology and History of Adverbial Subordinators Based on European Languages*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 1997.
- KG 2002 — *Qazaq grammatikasy*. Astana: Qazaqstan Respwblikasi bilim žäne ghylym minictrligi & A. Baytursynuly atındaghy til bilimi inistitwtı baspasy, 2002. {Kazakh Grammar. Astana: Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan Press, 2002.}
- KZ CNR — China National Radio Kazakh. URL: <http://www.kazakcnr.com/>
- Lehmann 1988 — *C. Lehmann*. Towards a typology of clause-linkage. In: *J. Haiman, S. Thompson* (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 181—225.
- Lewis 2000 [1967] — *G. Lewis*. *Turkish grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Mamanov 2014 [1966] — *Y. Mamanov*. *Qazaq til bilimideriniñ мәseleleri*. Almaty: Arys, 2014. {Y. Mamanov. *Problems in Kazakh linguistics*. Almaty: Arys, 2014.}
- Menges 1994 — *K. Menges*. *The Turkic languages and peoples: An introduction to Turkic studies*. 2nd ed. Wiesbaden: Harrassowitz, 1994.
- Menz 2016 — *A. Menz*. Concessive conditionals in Turkish. In: *Turkic Languages*. 2016, 20. P. 90—103.
- Miestamo 2005 — *M. Miestamo*. *Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in typological perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005.
- Miestamo 2006 — *M. Miestamo*. On the complexity of standard negation. In: *SKY Journal of Linguistics (Special Supplement)*. 2006, 19. P. 345—356.
- Muhamedowa 2016 — *R. Muhamedowa*. *Kazakh: A comprehensive grammar*. London; New York: Mouton de Gruyter, 2016.
- Müsirepov 2005 [1950] — *G. Müsirepov*. *Qazaq soldaty*. Pekin: Etnicheskoye izdatel'stvo, 2005. {G. Müsirepov. *The Kazakh soldier*. Beijing: Etnicheskoye izdatel'stvo, 2005.}
- Nevskaya 1993 — *I. Nevskaya*. *Formy deeprichastnogo tipa v shorskoy yazyke*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, 1993. {I. Nevskaya. *Forms of the converbial type in Shor*. Novosibirsk: Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, 1993.}
- Nevskaya 2005 — *I. Nevskaya*. The Typology of prospective in Turkic languages. In: *J. Gippert, M. Erdal, R. Voßen* (eds.). *Sprachtypologie und Universalienforschung. Language typology and Universals. Focus on: Sentence types and sentence structures*. 58/1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 111—123.
- Nevskaya 2010 — *I. Nevskaya*. The Old Turkic form *-gAll*. In: *M. Kappler et al.* (eds.). *Trans-Turkic Studies. Festschrift in Honour of Marcel Erdal*. In: *Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi* 49. 2010. P. 155—166.

Nevskaya, Tazhibayeva 2017 — *I. Nevskaya, S. Tazhibayeva*. The category of Proximative in North-Western Turkic: Kazakh and Kirgiz in a comparative perspective. In: *A. Korn, I. Neveskaya* (eds.). *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017. P. 345—354.

Nevskaya, Memtimin 2021 — *I. Nevskaya, A. Memtimin*. The *-Gili* form in Modern Uyghur and its correspondences in some Turkic languages. In: *F. Agca, I. Nevskaya, H. Şirin* (eds.). *Ayagka Tegimlig Bahşı: Marcel Erdal Armağanı. Festschrift in Honor of Marcel Erdal*. In: *Journal of Turkish Studies*. Harvard, 2021. P. 331—341.

Noonan 1985 — *M. Noonan*. Complementation. In: *T. Shopen* (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 2: *Complex constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 52—150.

Ótött-Kovács 2015 — *E. Ótött-Kovács*. The syntax of non-finite clauses in Kazakh. PhD dissertation. Szeged: University of Szeged, 2015.

Payne 1985 — *J. Payne*. Negation. In: *T. Shopen* (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 1: *Clause structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 197—242.

Soe 1999 — *M. Soe*. A grammar of Burmese. University of Oregon. Unpublished dissertation. Eugene, 1999.

Thompson, Longacre 1985 — *S. Thompson, R. Longacre*. Adverbial clauses. In: *T. Shopen* (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 2: *Complex constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 237—300.

Timberlake 2007 — *A. Timberlake*. Aspect, mood, tense. In: *T. Shopen* (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 3: *Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press 2007, P. 280—333.

Veselinova 2013 — *L. Veselinova*. Negation in Existential Sentences: A Cross-Linguistic Study. In: *D. Bentley, F. M. Ciconte, S. Cruschina* (eds.). [Special issue] *Italian Journal of Linguistics*. 2013, 25 (1). P. 107—145.

Žanbolatov 2011 — *S. Žanbolatov*. Биз 2 Ве 2. Beijing: Ethnic Publishing House, 2011.

Zhang 2004 — *D. Zhang*. 现代哈萨克语实用语法 (Xiàndài hāsàkè yǔ shíyòng yǔfǎ). A practical grammar of Modern Kazakh. Beijing: Minzu University Press, 2004.

Тонологические законы среднеяпонских именных композитов

Колодяжный Михаил Михайлович (Тюмень); mkolodyazhny@rambler.ru

Статья посвящена проблемам установления законов, определяющих зависимость тонирования именных композитов в среднеяпонском XI—XIII вв. от тоновых характеристик их составляющих. В статье проведён анализ материала словаря Руйдзю Мёгисё и некоторых других источников. Полученная в результате система правил объясняет материал с относительно высоким уровнем точности (около 90 %). Согласно этим результатам, влияние тоновых классов 2.1 и 2.3 на тонирование композита зависело от прапаяпонской структуры конечного слога, а у классов 1.3а и 2.3 на тон композита влиял тип согласного последнего слога (сонант или шумный). Продемонстрировано, что начальные элементы композита с тонированием Н и НН влияли на тоновый контур композита иначе, нежели начальные элементы композита с тонированием F и HL. Сформулированные в статье тоновые правила также помогают объяснить некоторые специфические явления в современных диалектах. Сделаны предположения о характере тоновых изменений, которые сформировали эту систему правил. Предложена реинтерпретация правила С. Мартина, касающегося композитов, состоящих из пяти и более мор.

Рассматриваются также некоторые проблемы, напрямую связанные с основной темой статьи: колебания конечного тона у ряда существительных и их распределение по различным книгам Руйдзю Мёгисё, регулярные соответствия у глаголов с односложной основой (предложено реконструировать тип В' не только для основ из двух и более слогов, но и для односложных основ), фонетическая интерпретация тоновых точек (сравнение традиционной и альтернативной теорий).

Ключевые слова: среднеяпонский язык, японский язык, тонология, акцентология

TONOLOGICAL RULES OF NOMINAL COMPOUNDS IN MIDDLE JAPANESE

Mikhail M. Kolodyazhny (Tyumen); mkolodyazhny@rambler.ru

The article is devoted to the problems of tonal rules that determine the relationship between tonal patterns of nominal compounds and the tonal characteristics of their components in the Middle Japanese of the 11th—13th century. The article analyzes the material from the Ruiju Myogisho dictionary and some other sources. The resulting system of rules explains the material with a relatively high level of accuracy (about 90 %). According to these results, the influence of tone classes 2.1 and 2.3 on the compounds depended on the proto-Japanese structure of the final syllable, while for classes 1.3a and 2.3 the tone of the compound was influenced by the type of consonant of the final syllable (sonorant/obstruent). It was demonstrated that the initial elements of the compound with H and HH influenced the tonal contour of the compound differently than the initial elements of the compound with F and HL. The tone rules formulated in the article also help explain some specific phenomena in modern dialects. Some assumptions have also been made about the nature of the tonal changes that formed this system of tonal rules. A reinterpretation of Martin's rule is proposed for compounds consisting of five or more moras.

Some problems directly related to the main topic of the article are also considered: fluctuations in the final tone of a number of nouns and their distribution in various books of Ruiju Myogisho, regular correspondences in verbs with a one-syllable stem (it is proposed to reconstruct type B' not only for stems of two and more syllables, but also for monosyllabic stems), phonetic interpretation of tone dots (with comparison between traditional and alternative theories).

Keywords: Middle Japanese, Japanese, tonology, accentology

1. Введение

1.1. Для среднеяпонского языка XI—XIII вв. характерна тоновая система, в целом описываемая двумя тонами H и L, а также редко встречающимися тонами F и R. F отмечается почти исключительно на конце слова, а R — в основном лишь в первом слоге небольшого числа слов. Согласно стандартному анализу, тоны H, L, F и R реализовывались, соответственно, как высокий, низкий, нисходящий и восходящий. В большинстве источников наблюдается ограничение на сочетаемость тонов, которое может быть сформулировано как запрет на повышение тона внутри слова после падения тона (далее это правило будет именоваться запретом на тоновую мелодию H-L-H). В соответствии с ним запрещены, например, HLH, LHLLH, HLLF, RLHL, LLLHHLH и т. д.

Одна из наиболее характерных черт среднеяпонской тоновой системы — в том, что тоновый контур морфемы не всегда остаётся прежним при образовании составных слов и часто подвергается влиянию других морфем слова. Это, в сочетании с относительным многообразием и нетривиальной системой влияния морфем на тон, даёт достаточно сложную и типологически необычную тоновую систему. Ср. следующие примеры:

nifa HH ‘двор’ + *tori* HH ‘птица’ > *nifatori* HHHH ‘курица’
fata HL ‘ткань, ткацкий станок’ + *mono* LL ‘вещь’ > *fatamono* HHHH ‘ткацкий станок, ткань’
asi HH ‘тростник’ + *tuno* LL ‘рог’ > *asiduno* HHHH ‘молодая поросль тростника (похожая на рожки)’
asi HH ‘тростник’ + *wata* LL ‘хлопок’ > *asiwata* HHHL ‘грубый тростник (подобный тростниковому волокну)’
kane HH ‘металл’ + *fasi* LH ‘палочки для еды’ > *kanabasi* HHHL ‘(кузнечные) железные клещи’
fito HL ‘человек’ + *kazu* LH ‘число’ > *fitokazu* HHHH ‘множество людей’
wara LH ‘солома’ + *futa* HH ‘крышка’ > *warabuta* LLLL ‘соломенная крышка’
uri LH ‘дыня’ + *fafe* HH ‘муха’ > *uribafe* LLLH ‘листоед *Aulacophora*’.

Как видно из этих примеров, информации о тонах составляющих частей композита бывает недостаточно, чтобы предсказать тоны композита (ср. *asiduno* HHHH, но *asiwata* HHHL, *kanabasi* HHHL, но *fitokazu* HHHH, *warabuta* LLLL, но *uribafe* LLLH). Это отражает общую сложность проблемы правил тонирования среднеяпонских композитов. Насколько мне известно, такой системы правил, которая не подразумевала бы большой процент исключений, до сих пор не было предложено.

1.2. Просодические системы современных японских диалектов классифицируются как акцентные или переходные от тоновых к акцентным. Некоторые диалекты полностью утратили тоновые и акцентные противопоставления (часть региона Тохоку, часть префектуры Кумамото, диалект острова Хатидзё и др.).

В диалекте Токио тоновый контур слова определяется положением «ударения», или локуса. Моры от второго слога до моры с локусом получают тон H: *asagizakura* LHNNLL ‘разновидность сакуры’. Если локус находится на первой море слова, то тон H получает только первая мора: *inoti* HLL ‘жизнь’. Бывают также безлокусные слова, в изоляции они получают автоматический локус на последней море (и, соответственно, тоновый контур LH...H), но ведут себя в сочетании с энклитиками иначе, нежели слова с автономным локусом на последней море. В этой статье применяется распространённая система обозначения тонового типа слов диалекта Токио цифрой, которая означает номер моры с локусом, т. е. LHLL — тип 3, LHNNHL — тип 5. Безлокусный тип — 0.

В диалекте Киото также выделяется локус, после которого идут только тоны L, но в нём, в отличие от токийского диалекта, важен также регистр слова, т. е. тон первой моры. При регистре A тон H получают все моры от первой до локусной, при регистре B — только локусная мора. Как и в Токио, в Киото есть безлокусные слова, получающие автоматический локус на конце слова и специфически ведущие себя в сочетаниях с энклитиками.

Тоновая система Кагосимы устроена довольно просто: все слова делятся на два типа — A и B; при типе A тон H получает предпоследняя мора слова (или слова вместе с энклитикой при её присоединении), при типе B — последняя мора. Остальные моры получают тон L. Тоновые системы кагосимского типа, как и тоновые системы Токио-типа, иногда описываются как акцентные (поскольку тоновый контур полностью определяется положением «ударения»).

В среднеяпонском действовал так называемый закон сохранения регистра, или закон Киндаити: тон первого слога композита совпадает с тоном первого слога первого из компонентов, от которых образован этот композит (см. примеры в начале раздела 1: $\underline{HH} + HH > \underline{HHHH}$, $\underline{HL} + LL > \underline{HLLL}$, $\underline{LH} + HH > \underline{LHHH}$ и т. д.). Регистром называют тон, с которого начинается слово: к регистру A принадлежат слова с начальным тоном H и F, к регистру B — с начальным тоном L или R. Закон сохранения регистра в основном выполняется и в современных диалектах Киото-типа, ср. композиты в диалекте Киото:

daikon HLLL ‘редька’ + *hatake* LHL ‘поле’ > *daikonbatake* HHHHLL ‘поле, на котором выращивают редьку’
mugi LH ‘зерновые злаки’ + *hatake* LHL ‘поле’ > *mugibatake* LLHLL ‘поле, на котором выращивают зерновые злаки’.

Закон сохранения регистра выполняется также в диалектах Кагосима-типа, следы его действия видны и в диалекте Токио. В среднеяпонском он действовал особенно регулярно. Это указывает на пра-японскую древность данного закона.

Глаголы и прилагательные в Токио, Киото, Кагосиме и многих других диалектах делятся лишь на два тоновых типа — А и В. В среднеяпонском и в некоторых современных диалектах есть также третий тип, обозначаемый В' в [JLTT], включающий небольшое число глаголов.

Просодия существительных, состоящих из одной, двух или трёх мор, а также глаголов и прилагательных в современных диалектах связана регулярными соответствиями со среднеяпонской тоновой системой (система соответствий для двухморных существительных в нескольких основных диалектах приведена в таблице 1). Для описания этой системы в японской тонологии принято использование понятия «акцентный (или тоновый) класс» (яп. *руй*), эти классы обозначаются двумя числами — число мор и номер класса. Принятый в современной японистике набор тоновых классов и их нумерация введены Киндаити Харухико, но выделение тоновых классов на основе диалектных данных встречается уже в работах Евгения Поливанова [Дыбо 2005].

У существительных, состоящих из четырёх и более мор, нет строгой корреляции между среднеяпонским и современными диалектами. Это связано с тем, что в современных диалектах сформировались новые правила тонирования (акцентовки) композитов. В соответствии с ними акцентуация композита в основном зависит от второй части композита [McCawley 1968; Kubozono 1995]. Эти новые правила повлияли и на акцентуацию композитов из двух и трёх мор, частично нарушив для таких композитов регулярные соответствия со среднеяпонским. В силу указанных причин для исследования закономерностей тонирования среднеяпонских композитов современные диалекты имеют лишь второстепенное значение. Например, некоторые среднеяпонские существительные из одного, двух или трёх слогов не засвидетельствованы (или фиксируются недостаточно надёжно) с тоновыми отметками, и их тонирование помогает реконструировать современные диалекты (это особенно важно для разграничения классов 1.1 и 1.2, 2.4 и 2.5).

В настоящем разделе затронуты лишь некоторые общие аспекты японской тонологии. Более подробно см., в частности, в [Shimabukuro 2007; de Voer 2010].

Таблица 1. Тоновые соответствия между среднеяпонским и современными диалектами у двусложных слов

Класс	PMг	Киото	Токио	Оита	Кагосима	Рюкю
2.1	HH	HH (H)	LH (H)	LH (H)	HL	A
2.2	HL	HL (L)	LH (L)	LH (H)	HL	A
2.3	LL	HL (L)	LH (L)	LH (L)	LH	B
2.4	LH	LH, LL-H	HL (L)	HL (L)	LH	B или C
2.5	LH (редко LF)	LF, LH-L	HL (L)	HL (L)	LH	B или C

1.3. Обозначим первую часть композита через N1, а вторую — через N2. Сэмюэл Мартин сформулировал правила среднеяпонского тонирования композитов следующим образом [JLTT: 234—235]:

1. Если N1 начинается с высокого тона, то композит начинается с HH..., и часто с HHH...
2. Если N1 начинается с низкого тона, то композит начинается с LL..., и часто с LLL...
3. Если в N2 имеется изменение тона (акцентный локус), то в композите обычно есть изменение тона (локус) на последнем или предпоследнем слоге, которое иногда совпадает с исходным локусом N2 (т. е. с локусом N2, взятого в отдельности).
4. Если композит состоит из не менее пяти слогов, то обычно у него есть изменение тона (локус), вне зависимости от того, есть ли локус у N2 в отдельности (т. е., как правило, наблюдаются HHHHL, LLLLH и LLLHL, а не HHHHH и LLLLL).
5. Если в композите не более четырёх слогов, а N2 безударно (т. е. имеет вид HH(H) или LL(L)), то обычно безударен и сам композит (т. е. композит имеет вид H...H или L...L).

С. Мартин приводит также выборку из нескольких десятков композитов, которая иллюстрирует работу его правил. Эта выборка позволяет уточнить, какие соотношения между тонированием N1 и N2

и тонированием композита N1 + N2 С. Мартин считал регулярными. Для двусложных N1 и N2 получаются следующие формулы:

- (1) HH/HL + HH > HHHH, LL/LH/LF + HH > LLLL
- (2) HH/HL + HL > HHHL, LL/LH/LF + HL > LLHL/LLH
- (3) HH/HL + LL > HHHH, LL/LH/LF + LL > LLLL
- (4) HH/HL + LH > HHHL, LL/LH/LF + LH > LLLH

Из (1) и (3) следует, что для классов 2.1 (HH) и 2.3 (LL) в позиции N2, согласно С. Мартину, ожидается одинаковое поведение (описываемое его правилом 5). В действительности, однако, между поведением 2.1 и 2.3 в позиции N2 явно существуют значительные различия. В частности, часто встречается HH/HL + HH > HHLL (нарушающее 5-е правило С. Мартина), в то время как HH/HL + LL > HHLL бывает крайне редко. С другой стороны, нередко бывает LL/LH/LF + HH/LL > LLLH, что также нарушает 5-е правило. Довольно часто встречается и HH/HL + HL/LH/LF > HHHH, H/F + HL/LH/LF > HHH, что противоречит 3-му правилу. 4-е правило достаточно хорошо объясняет, почему пятисложные композиты чаще всего тонируются HHHHL, LLLHL, LLLLH, но остаётся неясным, почему иногда всё же наблюдаются HHHHH и LLLLL.

Для вариации в LL/LH/LF + HL > LLHL/LLH С. Мартин предполагает влияние тона второго слога N1 (и похожее объяснение подразумевается и для LH/LF + L/R > LHL [JLTT: 238]). По-видимому, во всех остальных случаях С. Мартин полагал, что компонент N1 влиял только на регистр композита (т. е. что у N1 при тонировании композита был значим только тон первого слога). Это влияние описывается правилами 1 и 2. В сущности, эти два правила формулируют закон сохранения регистра, однако правило 2 утверждает также, что если первый тон композита — L, то и второй должен быть L. Этому противоречит не менее 50 начинающихся с LH... композитов в словаре Руйдзю Мёгисё (далее — РМг); см. примеры в разделе 4.1, посвящённом таким композитам.

Итак, в выборке С. Мартина содержится немало исключений из этих правил. Э. де Бур проанализировала композиты из выборки, предложив более сложный набор правил тонирования композитов, описав предполагаемые тонологические процессы и объяснив не объясняемые этими правилами случаи сосуществованием в среднеяпонском двух наборов правил: более старого и более нового [de Boer 2010: 149—152]. Но выборка С. Мартина слишком мала, чтобы сделать уверенные выводы, поэтому необходимо анализировать весь корпус Руйдзю Мёгисё.

Цель настоящей статьи — попытаться найти систему правил порождения тонирования именных композитов, которая бы корректно работала для подавляющего большинства засвидетельствованных примеров. Исследование опирается на данные Руйдзю Мёгисё, а также на менее объёмные данные Ироха Дзируйсё (Маэда-бон), Дзикё (Ивасаки-бон) и Хокэкё-гандзи. Слова и словосочетания из этих источников, имеющие тоновые отметки, собраны в составленном Мотидзуки Икуко индексе [Мотидзуки 1974], который служит основным источником материала для данной статьи. Этимологический анализ базируется главным образом на [JLTT: 376—581].

1.4. Образование композитов в среднеяпонском.

Среднеяпонские письменные памятники различают 5 гласных (*a, i, u, e, o*)¹ и 13 согласных фонем. Согласные можно разделить на три группы: а) глухие шумные *f(<p), t, k, s*; б) звонкие шумные *b, d, g, z*; в) сонанты *m, n, r, y, w*. Гласные *o, e, i* восходят к древнеяп. *o₁ и o₂, e₁ и e₂, i₁ и i₂*. Обозначения среднеяпонских фонем латинскими буквами в целом соответствуют их вероятному звучанию, однако необходимо учитывать следующее.

1) В течение эпохи Хэйан происходил процесс нейтрализации различия между интервокальными *f* и *w* (по-видимому, завершившийся к концу эпохи Хэйан), и потому различие между интервокальными *f* и *w* в соответствующих памятниках часто носит орфографический характер. В сочетании с происходившей примерно в этот же период нейтрализацией слогов *wo* и *o*, *we* и *e*, *wi* и *i* это дало в РМг множество случаев колебания знаков каны: О и WO, FA и WA и т. д.

2) Согласные *b, d, g, z* в некоторых современных диалектах (например, в Коти и части Тохоку) произносятся с преназализацией, или с назализацией предшествующего гласного. Судя по всему, основным (или даже единственным, не считая случаи вторичной преназализации, см. 1.4.2 и 1.4.5 ниже) источником среднеяп. *b, d, g, z* были сочетания **Np, *Ni, *Nk, *Ns*, где **N* — носовой сонант. Учитывая данные, указывающие на преназализацию *b, d, g, z* в Киото несколько веков назад [Морита 1977], можно полагать, что они произносились преназализованно и в Киото эпохи Хэйан.

¹ С поправкой на наблюдаемое в Синсэн Дзикё (около 900 г.) различие *ko₁* и *ko₂*.

В отличие от древнеяпонского, в котором все слоги имели вид (C)V, в среднеяпонском были мораические носовые, записываемые каной MU (т. е. встречались слоги вида CVN). Мораический носовой, как и прочие моры, нёс собственный тон. В некоторых словах с начальными *um-* и *un-* встречался диалектный или спорадический переход *u-* в мораический носовой, что вызывало колебания в написании: *uma* ~ *tuma* ‘лошадь’ (по-видимому, произносившееся *m.ta* в два слога), *unagi* ~ *tunagi* ‘угорь’.

Доминирующая модель словообразования в среднеяпонском (как и в современном японском) — словосложение. В именных композитах в роли N1 обычно выступают существительное, прилагательное или глагол в форме рэнъёкэй (т. е. с суффиксом *-i* у глаголов с основой на согласный и с нулевым суффиксом при основе на гласный), в роли N2 — существительное (включая отглагольные имена в виде рэнъёкэй соответствующих глаголов), вершина композита находится в N2. Именная суффиксация представлена относительно мало, префиксация почти отсутствует. Наряду с обычной агглютинацией при словосложении встречаются следующие морфонологические явления.

1. Так называемое рэндаку (連濁) — начальные *f-* (< древнеяп. *p-*), *t-*, *k-*, *s-* у N2 во многих композитах озвончаются, становясь *b-*, *d-*, *g-*, *z-*:

isi ‘камень’ + *fasi* ‘мост’ > *isibasi* ‘каменный мост’
fumi ‘письмо’ + *te* ‘рука’ > *fumide* ‘кисть для письма’
ofo- ‘большой’ + *kane* ‘колокол’ > *ofogane* ‘большой колокол’
mayu ‘бровь’ + *sumi* ‘тушь’ > *mayuzumi* ‘краска для бровей’.

Считается, что оно восходит к сочетаниям с генитивно-определятельным *no* < древнеяп. *no*₂ < прааяп. **nə* (и, возможно, в какой-то мере с *ni*), с редукцией гласного и последующим **np* > *b*, **nt* > *d*, **nk* > *g*, **ns* > *z*. Рэндаку достаточно рано приобрело некоторую продуктивность, поэтому большое количество композитов с рэндаку образовалось не из сочетаний с **nə*, а по продуктивной модели. Причины, по которым рэндаку произошло в одних композитах с N2, начинающегося с *f-*, *t-*, *k-*, *s-*, и не произошло в других, остаются не вполне ясными, однако имеется, например, закон Лаймана, блокирующий рэндаку у N2, в которых второй согласный — *b*, *d*, *g*, *z* (очевидно, это связано с избеганием двух преназализаций подряд). В силу этого никогда не подвергаются рэндаку *kaze* ‘ветер’, *kudu* ‘пыль’ и т. д. Подробнее о рэндаку в современном японском см., например, [Vance et al. 2021].

2. У ряда корней есть особые алломорфы, встречающиеся в позиции N2 и называемые хифукукэй (被覆形, «покрытая форма»), противопоставленные росюцукэй (露出形, «открытая форма»), с чередованием конечных гласных *e* : *a*, *i* : *u*, *i* : *o*, *e* : *o*:

ki ‘дерево’ + *suwe* ‘конец’ > *kozuwe* ‘верхушка дерева’.

Формы *kane*, *uti* и т. д., называемые росюцу-кэй, характерны для конечной позиции в слове, а формы *kana-*, *utu-* — хифуку-кэй — для неконечной (однако у многих среднеяпонских композитов в неначальной позиции представлена росюцу-кэй). Во всех таких корнях конечные *-e* и *-i* восходят к прааяп. дифтонгам (> древнеяп. *-e*₂, *-i*₂), т. е. чередование ранее имело вид **kanai* : *kana-*, **utui* : **utu-*, **kai* : **ka-* и т. д. В течение всего письменного периода имеется тенденция к генерализации росюцу-кэй, однако *to* ‘водоросль’ и *tubu* ‘зёрнышко’, видимо, происходят от хифуку-кэй.

3. На морфемных стыках встречается стяжение гласных:

fi ‘лёд’ + *owo* ‘рыба’ > *fiwo* ‘(прозрачный как лёд) малёк форели’
naga- ‘длинный’ + *ame* ‘дождь’ > *nagame* ‘длительный дождь’.

В среднеяпонском регулярно отсутствие подобных стяжений в композитах, кроме пережиточных форм типа *fiwo* и *nagame*, но, по-видимому, в какой-то период это явление было регулярным (ср. почти полное отсутствие внутриморфемных зияний в древнеяпонском). Если это верно, то формы без стяжения типа *fataasi* претерпели выравнивание или возникли, когда стяжения уже перестали быть регулярными.

4. В среднеяпонском, как и в современном японском, представлен ряд морфонологических явлений, известных под общим названием омбин. Омбин в основном связан с ослаблением и выпадением гласных *i* и *u*, с последующими изменениями. Это привело к образованию мораических носовых, первоначально записывавшихся каной MU. У *fito* < древнеяп. *pi₁to₂* ‘человек’ появились алломорфы, записываемые *-futo*, *-uto* и (из алломорфа с рэндаку) *-udo*. Иногда это приводило к сокращению на одну мору: *nomido* > *nomudo* > совр. яп. *nodo* ‘горло’.

Возможно, к этому кругу явлений относится и *ki* > *i* в N1 в инлауте некоторых слов: ср. древнеяп. *saki papi₁* > среднеяп. *sai fafi* > совр. яп. *saiwai* ‘счастье’. Омбин остаётся не до конца объяснённым явле-

нием. По-видимому, он отражает первоначально регулярные фонетические процессы, в значительной степени подвергшиеся выравниваниям.

5. Существительные *ame* 'дождь' и *ine* 'рис' в позиции N2 часто представлены в виде *-same* и *-sine*: *faru* 'весна' + *ame* 'дождь' > *farusame* 'весенний дождь', *nokor-* 'оставаться' + *ine* 'рис (на корню)' > *nokorisine* 'рисовые зёрна, сохранившие шелуху после толчения'. Причины такого явления неясны, в [JLTT] для объяснения этих слов реконструируется дополнительная фонема *z (никак не связанная со среднеяп. z < древнеяп. z < праяп. *Ns), давшая *-s-* в инлауте и выпавшая в анлауте. Существительное *asi* 'нога' изредка встречается в позиции N1 в виде *a-*.

6. Существительные *asi* 'нога', *mi(-)* 'вода', *me* 'глаз', *te* 'рука' образуют небольшое число композитов с N1 в виде *ana-*, *tana-*, *mina-*, *tana-*. Иногда предполагают, что элемент *-na-* представляет собой алломорф генитивно-определяющего **na* (вокализм может быть связан с законами Арисака, выглядящими как реликты сингармонизма).

Изредка встречаются также единичные нерегулярности неясного происхождения, например *motiduki* 'полнолуние' (*miti-* 'наполняться', *tuki* 'луна') вместо ожидаемого **mitiduki*. По-видимому, не обнаруживается явных признаков того, что рэндаку, омбин (кроме тех случаев, когда происходило сокращение числа мор) и чередования алломорфов типа *ko-/ki* 'дерево', *ame/-same* 'дождь' влияли на тоновый контур.

1.5. Для удобства введём следующие обозначения:

- 1) N1 = μ — «N1 — одноморное слово», N2 = $\mu\mu$ — «N2 — двухморное слово».
- 2) μ — «одноморное слово», $\mu\mu$ — «двухморное слово» и т. д.
- 3) N1 = HH — «N1 при употреблении как отдельное слово имеет тонирование HH», N2 = 2.3 — «N2 относится к классу 2.3», N1 = $\mu\mu\mu$ «N1 состоит из трёх мор» и т. д.
- 4) $\mu + \mu\mu$ — «компози́ты с одноморным N1 и двухморным N2», $\mu\mu + \mu\mu\mu$ — «компози́ты с двухморным N1 и трёхморным N2» и т. д.
- 5) РМг* — РМг и другие источники, включённые в индекс Мотидзуки (Ир, Дзи, Хо).

Если после среднеяпонского слова приводится его тонирование без астериска и дополнительных помет, то подразумевается, что это тонирование засвидетельствовано в РМг*. Иногда после тонирования в скобках указано, в какой книге оно зафиксировано. Символ «х» означает, что тон соответствующей моры неизвестен.

2. Система тоновых точек в Руйдзю Мёгисё

2.1. Тоновая система среднеяпонского известна почти исключительно из текстов, в которых тон слога обозначался точкой рядом со знаком для соответствующей моры. Тон H обозначался точкой слева вверху (上声点), L — слева внизу (平声点), F — несколько выше, чем точка тона L (平声軽点), R — справа вверху (去声点). Традиция маркировки тонов точками была заимствована из Китая, с добавлением обозначения знака для тона F.

Наиболее важный для понимания среднеяпонской тоновой системы письменный памятник — словарь Руйдзю Мёгисё, сохранившийся преимущественно в виде четырёх книг: Дзусё-рё-бон (далее — Дз), Канти-ин-бон (далее — Кн), Кёдзан-дзи-бон (далее — Кдз) и Тинкоку-Сюкоку-дзиндзя-бон (далее — Тк). Книги РМг представляют собой словари, в которых классифицированная по ключам иероглифов китайская лексика снабжена японскими соответствиями, записанными преимущественно катаканой (в Дз — в основном маньёганой) с точками, обозначающими тоны и звонкость/глухость шумных. Дзусё-рё-бон — наиболее древняя книга РМг, с, по-видимому, наименьшим процентом ошибочных тоновых отметок, и лишь в ней среди вышперечисленных книг РМг тон F обозначается особым образом. Больше всего релевантного для тонологии материала предоставляет полностью сохранившаяся Кн, в то время как Дз, как и остальные версии РМг, сохранилась лишь фрагментарно.

2.2. Одна из основных проблем анализа данных РМг* состоит в том, что иногда точка возле каны расположена таким образом, что её затруднительно или вообще невозможно однозначно проинтерпретировать как L или как H. Согласно [Мотидзуки 1974: 647], для некоторых знаков каны такие проблемные случаи особенно частотны (например, для знаков катаканы FE, TU, NI, FA, MU), и особенно проблематичен короткий штрих, означающий повтор предыдущего знака каны. Часть этих проблемных случаев помогает уточнить сопоставление с данными Дз, где точки расставлены весьма аккуратно и, как правило, не допускают двойных интерпретаций, или учитывание закона сохранения регистра либо запрета на H-L-H.

В некоторых случаях тоновые отметки в РМг* поставлены не у всех мор слова. У существительных отсутствие точки чаще всего наблюдается на последней море или на двух последних. По-видимому, отсутствие точек может быть обусловлено различными причинами — неаккуратным копированием с другой версии РМг, различием между тоновым контуром слова в переписываемой версии и в идиолекте переписчика или тем, что предыдущие точки у слова были поставлены неправильно и переписчик решил не ставить остальные точки. В пользу того, что последний из вариантов действительно иногда встречался, говорят такие примеры, как *nifabi* LLx ‘костёр во дворе’ и *kadobi* LLx ‘церемониальный огонь у ворот’, засвидетельствованные рядом друг с другом в (Б4: 40), хотя по закону сохранения регистра у обоих из них должен быть начальный тон Н (см. *nifa* НН ‘двор’, *kado* НЛ ‘ворота’). Другой пример — *takadono* LLLL (Б4), НННх (Хо) ‘высокое здание’, по закону сохранения регистра у этого слова лишь LLLL может быть верным. Существуют также примеры, когда слово зафиксировано и как ННН, и как LLL (ср. *fonofu* LLL/ННН ‘пламя’), и когда слово зафиксировано как LLL, но другие данные указывают ННН (или наоборот). В частности, *kemoto* ‘зверь’, представленное в РМг* только как LLL (причём лишь один раз), хотя это противоречит закону сохранения регистра, и современные диалекты в целом указывают на класс 3.1 (*ННН).

Иногда тоны на морах, у которых не поставлены точки, можно вывести, опираясь на закон сохранения регистра или на запрет тоновых последовательностей вида Н-Л-Н. Например, тон первой моры в xLL можно восстановить, опираясь на закон сохранения регистра, ННЛх указывает на *ННЛЛ, поскольку *ННЛН исключено из-за запрета на Н-Л-Н. Однако, как показано выше, если в слове поставлены не все точки, то и поставленным точкам не всегда можно доверять.

2.3. Особая тоновая отметка F встречается в анализируемых источниках только в Дз (но и там часто наблюдается тон Н на месте исходного (*)F), для прочих книг РМг* не найдено надёжных свидетельств особого обозначения тона F. Традиционно считается, что в других частях РМг тон *F регулярно отражался как Н (что, видимо, означает фонетический переход F > Н). В [Хирако 2013] рассматривается аномальное отражение класса 2.5 ((*)LF) как LL в РМг. Т. Хирако отмечает, что LL для слов класса 2.5 характерно именно для Кн, причём только для томов X3, C1, C2, C3. Ранее отмечалось, что первая (тома Б1, Б2, Б3, Б4, X1, X2) и вторая (тома X3, C1, C2, C3) части Канти-ин-бон имеют ряд отличий друг от друга и, по-видимому, были составлены разными людьми, при этом они обе содержат ровно по 60 радикалов (классификация иероглифов в РМг основана на выделении 120 радикалов) [там же: 7, 12]. На основании этого Т. Хирако делает вывод, что аномальное LL у слов класса 2.5 представляет собой следствие неаккуратного копирования тоновой точки F, которое с существенной вероятностью встречалось у переписчиков второй части, но не было свойственно переписчикам первой части.

Для слов, надёжно относимых к классу 1.2 (*F), примеры аномального L присущи также тому Б2:

fi L (Б2), Н (Кдз) ‘солнце, день’

na L (Б2 три раза) ‘имя’

ya L (Б2 два раза, C2 два раза), Н (Тк) ‘стрела, спица колеса’.

Т. Хирако не рассматривает более длинные существительные с подобным колебанием (LLL/LLH, LLLL/LLLH и LLLLL/LLLLH). Попробуем составить список потенциальных примеров:

afimuko LLLL (X3), LLLH (Б2, Дзи) ‘муж сестры, свояк’

asida LLL (X3), LLH (X3) ‘гэта (обувь)’

fanagame LLLL (Тк), LLLH (C2) ‘цветочная ваза’

ifibo LLL (X3), *ififo* LLH (Б2) ‘бородавка, рисинка’

ifine LLL (C1), LLH (Дз, Тк) ‘приготовленный рис’

imogara LLLL (C1), xLLH (Тк) ‘высушенные стебли батата (для употребления в пищу)’

itafi LLL (Б3), LLH (X3) ‘*Ficus nipponica*’

kafigo LLL (C3), LLH (Б3, Тк) ‘яйцо’

karakagi LLLL (Тк), LLLH (C1) ‘китайский замок, засов’

komabue LLLL (C1 два раза), LLLH (Тк два раза) ‘вид корейской поперечной флейты’

kurodafi LLLL (Тк), LLLH (C3) ‘*Acanthopagrus*’

nagabue LLLL (C1), LLLH (Тк) ‘длинная флейта’

sawoge LLL (C1), LLH (Тк) ‘мелкие волосы’

sobamugi LLLL (Б1), LLLH (Кдз) ‘гречиха’

takabe LLL (C2), LLH (Тк три раза, C2) ‘утёнок’

tamasifi LLLL (C3), LLLH (Тк) ‘душа’

tamizo LLL (Б2), LLH (Кдз) ‘оросительная канава’

tatari LLL (X2 два раза), LLH (Дз два раза) ‘устройство для намотки пряжи’

yubune LLL (Б3), LLH (Х3) ‘бадя для купания’
yusurubati LLLLL (С3), LLLLH (Тк) ‘роющая оса’.

Из примеров видно, что при колебании вида $L(\dots)LL/L(\dots)LH$ конечный L бывает только в Кн, причём преимущественно в первой части, как и следовало ожидать на основании выводов Т. Хирако, сделанных для класса 2.5. В трёх исключениях (*fanagame*, *karakagi*, *kurodafi*) конечный L наблюдается только в Тк, а конечный H — в Кн, при этом все три слова — композиты, у которых N2 принадлежит к классу 2.3. В силу этого *fanagame*, *karakagi*, *kurodafi*, видимо, отражают некую другую закономерность.

Часть примеров с колебанием последнего тона может быть следствием ошибок постановки точек, не связанных с тоном *F, однако системность этих колебаний указывает на то, что по меньшей мере некоторые из них отражают исходные *L(...)LF. Пытаясь экстраполировать (что, возможно, не вполне корректно) ситуацию с классом 2.5 на слова из трёх и более мор, мы можем ожидать, что не более трети исходных *LLF, *LLLF, *LLLLF отражены напрямую с тоном F в Дз или неявным образом в виде колебаний, как в примерах выше. В таком случае несколько десятков слов, засвидетельствованных в РМг* как L(...)LH, ранее были *L(...)LF. Также это означает, что из тех L(...)LL, которые зафиксированы только в Кн, небольшая часть была *L(...)LF.

2.4. В РМг* встречается большое число сочетаний с генитивно-определятельным *no*, например:

komugi no kasu HLL L LH (Кдз), HLL H LH (Б1) ‘пшеничные отруби’ (*komugi* HLL ‘пшеница’, *kasu* LH ‘осадок, отходы’)
tugi no kasu xH L LH (Б1) ‘отруби’ (*tugi* LH ‘зерновые злаки’, *kasu* LH ‘осадок, отходы’)
ugufisu no ifine LLHL L LLH (Дз) (*ugufisu* LLHL ‘соловей’, *ifine* LLH ‘приготовленный рис’) ‘*Clerodendrum trichotomum* (дерево)’.

Тонирование слов в сочетаниях с *no* систематически совпадает с их тонированием в изолированном положении, причём сочетания с *no* допускают две платформы тонов H, разделённые L. Из этого следует, что сочетания с *no*, как правило, представляют собой словосочетания, а не единые составные слова. Однако в редких случаях наблюдается универбация, ср. *suzumi no kafigo* LHH H LLH (Тк) / LHH H HLL (С2) ‘птенец воробья’ (*suzumi* LHH ‘воробей’, *kafigo* ‘яйцо’), где аномальный тоновый контур *kafigo* HLL в С2 трудно объяснить иначе, нежели слиянием в единое просодическое слово, или же ошибкой расстановки точек. По-видимому, такие случаи крайне редки в РМг*, поэтому сочетания вида А *no* В могут использоваться в качестве данных о тонировании слов А и В, если тонирование этих слов в изоляции не засвидетельствовано.

3. Материал

Поскольку объект исследования — именные композиты, важно корректно отделять таковые от тех случаев, когда речь идёт скорее о синтаксисе или о глагольной системе (в силу того, что тонологические аспекты среднеяпонского синтаксиса и глагольной тоновой системы — две очень большие темы, которые не могут быть в полной мере освещены в данной статье).

Как указывалось в разделе 2.4, комбинации вида N1 *no* N2, в большом количестве представленные в РМг*, почти всегда сохраняют тоновый контур N1 и N2, т. е. синхронно представляют собой словосочетания. Примеры с генитивно-локативным *tu*, напротив, в основном демонстрируют признаки универбации (т. е. их предпочтительнее записывать N1-*tu*-N2), и они довольно редки в РМг*. Ещё один достаточно редкий тип универбализованных словосочетаний в корпусе РМг* — композиты, в которых N1 восходит к определятельной форме глагола с суффиксом *-u*, например *turube* ‘ведло у колодца’ и *sasunabe* ‘сосуд для нагревания сакэ’ (в РМг* встречается не более 30 слов такого типа). Учитывая, что все подобные прозрачные словосочетания, слившиеся в одно слово, относительно редки в РМг*, представляется наиболее правильным исключить их из анализа.

Рэндаку, т. е. композитное озвончение (см. раздел 1.4), возникло ещё в праяпонский период и рано морфонологизировалось, поэтому нет достаточных причин исключать его из рассмотрения. В РМг* есть также около 20 композитов с неясным элементом *na* (*manabuta*, *minamoto*, *tanasoko* и т. д.), в силу отсутствия прямых синтаксических аналогов (которые могли бы указывать на недавнюю универбацию) эти слова включены в анализ.

В РМг* имеются четыре случая с начальным *fatu-* ‘самый первый’, они ведут себя подобно словосочетаниям, нарушая запрет на H-L-H (ср. *fatufo* HLR ‘первый колос’ и *fatuumago* HHLH ‘первый внук’), и потому исключаются из рассмотрения (согласно [JLTT: 402], происходит от *fa* ‘край’ + *tu*). Для двандва, т. е. композитов со значением «N1 и N2», представленных в небольшом количестве в РМг*, харак-

терны 1) возможность нарушения запрета на H-L-H и 2) сохранение у N1 и N2 того же тонового контура, что и в изоляции: *utito* HLH ‘внутри и снаружи’ (*uti* HL ‘внутри’, *to* H ‘снаружи’), *oyako* LLH ‘родители и дети’ (*oya* LL ‘родители’, *ko* H ‘ребёнок’). Следовательно, на синхронном уровне такие двандва скорее бессюзные словосочетания, нежели композиты, и не могут быть включены в анализ.

В нескольких десятках случаев тоновый контур слова неясен из-за отсутствия тоновой отметки на одной или более море и невозможности реконструировать его, используя запрет на H-L-H. В разделе 2.3 показано, что это бывает при неправильно поставленных точках, поэтому такие слова едва ли могут считаться достаточно надёжными для использования в анализе тоновых правил наравне с композитами с хорошо зафиксированным тоновым контуром. Также на ошибку в точках могут указывать слова с нарушением закона сохранения регистра (особенно если слово засвидетельствовано с тоновыми точками лишь раз). Композиты, для которых неизвестно, от каких именно N1 и N2 они образованы (т. е. неизвестно или неясно значение компонента N1 или N2 либо неясна этимология самого композита), также не могут служить надёжной основой для установления тоновых правил. Ещё одну проблему создают стяжения гласных и случаи сокращения числа мор в N1, N2 или в композите в целом, поскольку различные подобные стяжения происходили на протяжении разных периодов, и не всегда достаточно ясно, как они отражались на тоновом контуре.

В связи с вышеизложенным материал (именные композиты, засвидетельствованные в РМг* с тоновыми отметками) будет поделён на подмножества M1, M2 и M3. В M3 входят композиты (1) с нарушением закона сохранения регистра или запрета H-L-H, (2) с неясным тоновым контуром (ввиду отсутствия некоторых точек), (3) с сокращением на одну мору в N1, N2 или в самом композите, (4) с неясной этимологией N1, N2 или самого композита.

К M2 относятся (1) композиты, в которых N1 или N2 — тоже композит, (2) композиты, у которых неясно тонирование N2 как отдельного слова, а также у которых N2 — китаизм, композиты, у которых N2 — отглагольное имя. Критерий (1) обусловлен тем, что композитов с тремя и более основами при отсеивании M3 лишь порядка ста, и для них трудно проанализировать различные комбинации тоновых классов, в отличие от двусоставных композитов. Критерий (2) связан с тем, что, судя по всему, для определения закономерностей тонирования композитов информация о тоновом типе N2 важнее, чем о тоновом типе N1. При этом исключение из M1 композитов с неясным тоновым типом у N1 слишком уменьшило бы размер M1. Немногочисленные композиты, у которых N2 — рано освоенный китаизм типа *zeni* ‘деньги’, теоретически могли подвергаться влиянию произносительных норм для канго-корней, поэтому для упрощения анализа они не включены в M1. Тонирование многих отглагольных имён не засвидетельствовано в РМг* (поэтому критерий (3) в значительной степени лишь частный случай критерия (2)), и есть основания полагать, что отглагольные имена вели себя в качестве N2 несколько иначе, чем прочие существительные (в частности, тонирование HLL, HHLL, HHHLL почти не наблюдается, если N2 — отглагольное имя, но довольно частотно для неотглагольных N2 класса 2.1).

Оставшийся материал образует множество M1 (составляя примерно половину M1, M2 и M3, вместе взятых), он полностью перечислен ниже. Дальнейший анализ закономерностей тонирования в разделах 4.1—4.8 опирается на M1, а раздел 4.9 посвящён краткому обзору материала M2 и M3.

Материал классифицируется по второй части композита (по причине большей важности информации о тоновом типе N2). Транскрипция, в которой приводятся слова, в основном следует алфавитному порядку индекса Мотидзуки (т. е. в целом соответствует РМг*) и в известной степени условна, в частности в случае интервокального *-f-* и в тех словах, где, скорее всего, передаёт морайческий носовой (например, *uta* ~ *tuta* ‘лошадь’; см. раздел 1.4). Словообразовательный и этимологический анализ слов совпадает с [JLTT], кроме небольшого числа композитов. В некоторых случаях в скобках указано, в какой именно книге РМг* встречается данное тонирование слова (обычно если оно имеет тонирование L(...)L или засвидетельствовано в Дз либо если оно есть в Ир, Дзи или Хо, но отсутствует в РМг). Если после источника указано «2х», «3х» и т. д., это означает, что данное тонирование слова встречается в нём дважды, трижды и т. д. «Дз+» означает «встречается в Дз и ещё как минимум один раз в РМг* в других источниках», аналогично «Тк+» и т. д.

После композита в скобках даётся информация о N1. Если N1 — существительное, то указано его тонирование в РМг* (если оно зафиксировано в РМг*), затем его тоновый класс, реконструируемый на основании данных древних текстов и современных диалектов (если он поддаётся реконструкции), затем значение слова N1. Реконструкция тоновых классов опирается главным образом на [JLTT: 364—862] и приводимый там же диалектный материал. Если класс у N1 неясен, то указывается регистр, если он известен (А или В). Если N1 — не существительное, то приводятся его основа с дефисом на конце, а также регистр (если регистр уверенно реконструируется на имеющихся данных). Неспрягаемые основы, не употребляющиеся в изоляции (обычно с адъективной семантикой), снабжены пометой «связ.» (в отличие от спрягаемых прилагательных).

Класс 1.1 ((*)Н)²

ko Н ‘ребёнок, отпрыск’: *funako* LHL ‘лодочник’ (*funa-/fune* LH 2.4 ‘лодка’), *kafigo* LLL (C3) / LLH (Б3, Тк) ‘яйцо’ (*kafi* LL 2.3 ‘раковина, скорлупа, яйцо’), *kago* LL (Ир) / LH (X3, Дзи) ‘детёныш оленя’ (*ka* L 1.3а ‘олень’), *kafiko* LHL ‘шелкопряд’ (*kaf-* В ‘выращивать, держать (животное)’), *kariko* LHL ‘загонщик на охоте’ (*kar-*³ В ‘охотиться’), *manako* LLH ‘зрачок’ (*ma-/me* L 1.3а ‘глаз’), *miko* HH ‘принц’ (*mi-* А связ. ‘почитаемый’), *nakago* LLL (Кдз) ‘центр’ (*naka* LH 2.4 ‘середина’), *tigo* LL (X3) ‘младенец’ (*ti* L 1.3а ‘молоко’), *wotoko* LLL (Дз+) ‘мужчина’ (**woto-* *В ‘молодой’, древнеяп. *woti-* ‘омолаживаться’), *yamago* LHL ‘легендарное существо, живущее в горах’ (*yama* LL 2.3 ‘гора’)

ma ‘промежуток’: *itoma* LLL (Кдз+) ‘свободное время’ (*ito-* связ. ‘промежуток’)

ti Н ‘кровь’: *fanadi* HHH ‘кровь из носа’ (*fana* HH 2.1 ‘нос’), *nagati* LLL (C2, Тк) ‘аномально длительное менструальное кровотечение’ (*naga-* В ‘длинный’)

to Н ‘дверь, проход’: *agito* HHH ‘жабры’ (*agi* HL ‘челюсть’), *mado* LH (*= LF³) ‘окно’ (*ma-/me* L 1.3а ‘глаз’), *minato* HHH ‘гавань’ (*mi-* А ‘вода’), *nomudo* LLH ‘горло’ (*nom-* В ‘пить, глотать’), *sekido* LLH ‘застава, преграда’ (*sek-* В ‘преграждать’)

e Н ‘ручка, рукоятка’: *fatae* HHL ‘древко алебарды’ (*fata* HH 2.1 ‘сторона’), *nagae* LLL (Тк+) ‘длинная рукоятка’ (*naga-* В ‘длинный’)

yo Н ‘мир’: *tokiyo* LLH ‘эпоха’ (*toki* LL 2.3 ‘время’), *tokoyo* HHH ‘вечный, неизменный’ (*toko-* А связ. ‘вечный’), *yoroduyo* LLHH (Дз) ‘тысячи лет’ (*yorodu* 3.5 ‘десять тысяч’)

Класс 1.2 ((*)F)

fa Н ‘листья’: *kotoba* LLL (Дз+) ‘слово, речь’ (*koto* LL 2.3 ‘слово’), *mofa* HH ‘водоросли’ (*mo/me* L 1.2 ‘водоросли’)

fi L/H (= *F) ‘день, солнце’: *asafi* LLH ‘утреннее солнце’ (*asa* LH 2.5 ‘утро’)

ke Н ‘волосы, шерсть’⁴: *fuyuge* HHL ‘зимний мех’ (*fuyu* HL 2.2 ‘зима’), *koke* LL ‘мох’ (*ko-/ki* L 1.3а ‘дерево’), *nikoge* HHL ‘пух, подшёрсток’ (*niko-* ‘мягкий’), *tutuge* HHL ‘пух у птиц’ (*tutu* ‘виды птиц, птенец(?)’)

me/mo L ‘водоросли’: *ebisume* HHH ‘ламинария’ (*ebisu* А ‘айну’), *firome* LLL (Дз) / LLH (X2) ‘ламинария’ (*firo-* В ‘широкий’), *katime* LLL ‘вид водорослей’ (*kat-* В ‘толочь’)

na L/H (= *F) ‘имя’: *imina* LLL (Дз, Тк) ‘псевдоним’ (*im-* В ‘избегать’), *sikona* LLL (Тк) ‘настоящее имя (самоуничжительно о своём имени)’ (*siko-* В связ. ‘отвратительный’)

Класс 1.3а ((*)L)

fi L ‘огонь’: *tomosibi* (Б4 2х) LLLL ‘светильник, факел’ (*tomos-* В ‘зажигать’)

fo L ‘колос’: *ifibo* LLL (X3) / LLH (Б2) ‘бородавка, рисинка’ (*ifi* LL 2.3 ‘приготовленный рис’)

ka L ‘олень’: *mega* LL (X3) ‘самка оленя’ (*me* R 1.3b ‘женщина’)

ki L ‘дерево’: *amagi* HHH ‘лакрица’ (*ama-* А ‘сладкий’)⁵, *fafegi* LLH ‘стропило’ (*fafe-* В ‘натягивать’), *fanagi* HHL ‘кольцо в носу (например, у быка)’ (*fana* HH 2.1 ‘нос’), *inagi* LLL (Ир) ‘шест для сушки риса’ (*ina-/ine* LH 2.4 ‘рис (на корню)’), *katagi* HLL ‘доска для раскройки’ (*kata* HL 2.2 ‘форма’), *kubiki* HHL ‘ярмо’ (*kubi* HH 2.1 ‘шея’), *sakaki* LLL (Кдз+) ‘клеяра японская’ (*saka* LL 2.3 ‘склон, граница’), *sumigi* LHL ‘угловой брус-подпорка в конструкции крыши’ (*sumi* LH 2.4 ‘угол (внутренний)’)

ko L ‘корзина’: *kutuko* HHL ‘корзина-намордник’ (*kutu-/kuti* HH 2.1 ‘рот’), *sumigo* LLL (Тк+) ‘корзина для древесного угля’ (*sumi* LL 2.3 ‘тушь, древесный уголь’), *toriko* HHH ‘корзина для птиц’ (*tori* HH 2.1 ‘птица’)

ko L ‘мука’: *mugigo* LLL (Кдз) ‘пшеничная мука’ (*mugi* LH 2.4 ‘зерновые злаки’)

² Из-за того, что исходный тон *F представлен в РМг* преимущественно в виде Н, разграничение классов 1.1 и 1.2 может опираться в основном лишь на современные диалекты, в которых эти два класса различаются (т. е. на диалекты Киото-типа и найрин-подтипа).

³ По данным современных диалектов, различающих типы 2.4 и 2.5.

⁴ Диалекты Киото-типа указывают на класс 1.2, но по крайней мере в некоторых диалектах подтипа найрин (Токио-типа) у этого слова рефлекс класс 1.1.

⁵ В [JLTT: 380] эта этимология помечена как сомнительная, однако здесь вполне прозрачная семантика, ср. англ. *sweet root* ‘лакрица’, нем. *Süßholz* ‘тж.’ и кит. 甘草 ‘тж.’, буквально означающие соответственно ‘сладкий корень’, ‘сладкое дерево’ и ‘сладкая трава’.

- ko* L ‘морской огурец’: *iriko* LLL (Тк, С3) ‘сушённый морской огурец’ (*ir-* В ‘жарить’)
- me* L ‘глаз’: *fidame* LLL (Дз+) ‘складка’ (*fida* LL 2.3 ‘тж.’), *nufime* LLL (Дз+) ‘шов’ (*nuf-* В ‘шить’), *sakeme* LLL (Тк+) ‘трещина’ (*sake-* В ‘рваться’), *tadaramе* НННН ‘воспалённые глаза’ (*tadare-* А ‘быть воспалённым’)
- na* L ‘зелень, овощи’: *amana* ННН (С1 3х, Х3, Ир 2х) ‘название нескольких растений’ (*ama-* А ‘сладкий’), *fudina* ННН ‘одуванчик’ (*fudi* Нх 2.1 ‘глициния’), *kafana* ННН ‘съедобные речные растения’ (*kafa* НЛ 2.2 ‘река’), *nigana* ЛНН ‘латук’ (*niga-* В ‘горький’), *sakana* ННН ‘закуска к выпивке’ (*saka-/sake* НН 2.1 ‘алкоголь’)
- ne* L ‘корень’: *ebisune* НННН ‘пион молочнокветковый’ (*ebisu* А ‘айну’), *katane* ННН ‘карбункул’ (*kata-* А ‘твёрдый’), *ofone* LLL (Тк) / ЛНЛ (С1) ‘дайкон’ (*ofo-* В ‘большой’)
- ni* L ‘груз, ноша’: *funani* LLL (Б3) ‘корабельный груз’ (*funa-/fune* ЛН 2.4 ‘лодка, корабль’)
- ta* L ‘заливное поле’: *tukurida* LLLL (Кдз) ‘обрабатываемое поле’ (*tukur-* В ‘изготавливать’)
- te* L ‘рука’: *fikite* ННН ‘дверная ручка’ (*fik-* А ‘тянуть’), *fumide* ННН ‘кисть для письма’ (*fumi* НЛ 2.2 ‘письмо’), *kasifate* НННН ‘придворный повар’ (*kasifa* ННЛ 3.2 ‘дуб’), *kote* НН ‘рукавица, нарукавник’ (*ko-* А связ. ‘маленький’), *omote* LLL (Х1 2х) ‘внешняя поверхность’ (*omo* 2.4 ‘поверхность’), *sode* НН (Дз+) ‘рукав’ (*so* А ‘одежда’), *tuide* ННН ‘порядок’ (*tug-* А ‘следовать’)
- to* L ‘точильный камень’: *arato* ННН ‘крупнозернистый точильный камень’ (*ara-* А ‘грубый’), *awoto* LLF (Дз) / LLН (Х2) ‘вид тонкозернистого точильного камня’ (*awo-* ‘синий, зелёный’), *mato* НН ‘точильный камень (для чистовой заточки)’ (*ma-* А связ. ‘настоящий’)
- wa* L ‘кольцо’: *faniwa* ННН ‘глиняные скульптуры, устанавливавшиеся на курганах’ (*fani* НН 2.1 ‘глина’), *kutuwa* ННН ‘узда’ (*kutu-/kuti* НН 2.1 ‘рот’)
- yu* L ‘горячая вода’: *funayu* LLL (Дз+) ‘вода на дне судна’ (*funa-/fune* ЛН 2.4 ‘судно’)

Класс 1.3b ((*)R)

- fa* R ‘зуб’: *kiba* НЛ ‘клык’ (*ki* А ‘клык’), *usuba* ЛНЛ ‘коренной зуб’ (*usu* ЛН 2.4 ‘ступа’)
- me* R ‘женщина’: *faramе* LLL ‘беременная женщина’ (*fara* LL 2.3 ‘живот’), *fime* НЛ ‘принцесса’ (*fi* Л/Н (= *F) 1 ‘солнце, день’), *katugime* LLНЛ ‘носильщица’ (*katug-* В ‘нести на плече’), *sikome* LLL (Кдз) ‘некрасивая (безобразная) женщина’ (*siko-* связ. В ‘отвратительный’), *tawoyame* LLLL ‘грациозная женщина’ (Б2, Кдз) (*tawoya-ka* LLНЛ ‘грациозный’), *ukareme* НННН ‘гуляющая женщина’ (*ukare-* А ‘развлекаться’), *wotome* ЛНН ‘девушка, девочка’ (**woto-* *В ‘молодой’, древнеяп. *woti-* ‘омолаживаться’)
- mo* R ‘юбка, одежда’: *sitamo* ННЛ (Дз+) ‘юбка, поверх которой одета другая’ (*sita* НЛ 2.2 ‘низ’), *ufamo* ННЛ (Дз+) ‘юбка, одетая поверх другой юбки’ (*ufa-/ufe* НН/НЛ ‘верх’)
- si* ‘щавель’ (*sii* ЛН): *imosi* LLL (Ир) ‘стебли батата’ (*imo* LL 2.3 ‘сладкий картофель, батат’), *ofosi* LLН ‘ревень’ (*ofo-* В ‘большой’), *suzi* ЛН ‘кислый щавель’ (*su-* В ‘кислый’), *yamasi* ЛНЛ ‘анеморрена асфоделовидная’ (*yama* LL 2.3 ‘гора’)
- su* R ‘бамбуковая штора’: *ikesu* LLL (С1 (-z-), Тк) ‘живорыбный садок’ (*ike-* В ‘давать жить’), *yanasu* LLL (Тк, С1) ‘плетёная бамбуковая загородка (для ловли рыб)’ (*yana* ЛН ‘запруда для ловли рыбы’)
- wi* R ‘ситник развесистый’: *asiwi* ННН ‘*Athraxon hispidus*’ (*asi* НН 2.1 ‘тростник’), *namawi* ЛНН ‘стреловидный’ (*nama* 2.5 ‘сырой, необработанный’)
- ya* R ‘дом’: *abaraya* НННН ‘беседка’ (*abara* ННН ‘тж.’), *fitoya* ННН ‘тюрьма’ (*fito* НЛ 2.2 ‘человек’), *ifaya* ННН ‘пещера’ (*ifa* НЛ 2.2 ‘скала’), *kadoya* ННН ‘дом с воротами’ (*kado* 2.2 ‘ворота’), *kafaya* ННН ‘туалет’ (*kafa* НЛ 2.2 ‘река’), *kusaya* LLL (Дзи) ‘сарай для сена’ (*kusa* LL 2.3 ‘трава’), *peya* НН ‘спальня’ (*pe-* А ‘спать’), (*m)utama* LLL (С3, Х3, Тк, Дзи) ‘конюшня’ (*uma* LL 2.3 ‘лошадь’), *yuya* LL ‘баня’ (*yu* L 1.3а ‘горячая вода’)

Класс 2.1 ((*)НН)

- fafe* НН ‘муха’: *uribafe* LLLН ‘листорез *Aulacophora*’ (*uri* ЛН 2.4 ‘дыня’)
- fako* НН ‘коробка, ящик’: *arabako* ННЛЛ ‘решето для просеивания риса’ (*ara* НЛ 2.2 рисовая мякина, *ara-* А ‘грубый’), *fumibako* ННЛЛ ‘коробка для писем’ (*fumi* НЛ 2.2 ‘письмо’), *kutubako* LLLL (С1) ‘коробка для обуви’ (*kutu* LL 2.3 ‘обувь’)
- fana* НН ‘нос’: *nikimibana* LLLL (С2) ‘прыщавый нос’ (*nikibi* ‘прыщ, угри’)
- fata* НН ‘бок, сторона’: *funabata* ххЛЛ (= *ЛЛЛЛ) (Б3) ‘борт судна’ (*funa-/fune* ЛН 2.4 ‘судно’)
- fati* НН ‘пчела, оса’: *mitibati* LL[L]Н ‘медовая пчела’ (*miti/mitu* LL 2.3 ‘мёд’ < кит.), *yusurubati* LLLL (С3) / LLLLН (Тк) ‘роющая оса’ (*yusuru* LLН ‘мышь и укладка волос’)

- fazu* НН ‘выемка у лука или стрелы’: *yafazu* ННН ‘выемка на конце лука или стрелы’ (*ya* L/H (= *F) 1.2 ‘стрела’), *yumufazu* LLLL (C2) / LL[H]H (Тк) ‘зарубка на луке’ (*yumi* 2.3 ‘лук (оружие)’)
- firu* НН ‘чеснок’: *kobiru* HLL ‘вид чеснока’ (*ko-* А связ. ‘маленький’), *mebiru* RLL ‘вид чеснока’ (*me* R 1.3b ‘женщина’)
- fisi* НН ‘водяной орех’: *famabisi* LLLL (C1) ‘трибулус’ (*fama* LL 2.3 ‘побережье’)
- fosi* НН ‘звезда’: *fafakibosi* LLLHL ‘комета’ (*fafaki* LLH 3.5 ‘метла’)
- foso* НН ‘пупок’: *toboso* ННЛ ‘выступ для дверного шарнира’ (*to* Н 1.1 ‘проход, дверь’)
- fue* НН ‘флейта’: *komabue* LLLL (C1 2x) / LLLH (Тк 2x) ‘вид корейской поперечной флейты’ (*Koma* ‘Корё’), *nagabue* LLLL (C2) / LLLH (Тк) ‘длинная флейта’ (*naga-* В ‘длинный’), *yokobue* ННЛЛ ‘(поперечная) флейта’ (*yoko-* А связ. ‘горизонтальный’)
- futa* НН ‘крышка’: *kasafuta* НННН ‘струп’ (*kasa* НН ‘струп, нарыв, язва’), *manabuta* LLHL ‘веко’ (*ma-/me* L 1.3a ‘глаз’), *warabuta* LLLL (C1, Тк) ‘соломенная крышка’ (*wara* LH 2.4 ‘солома’)
- iwo* НН ‘рыба’: *fosiiwo* LLLL (C3, Тк) ‘сушёная рыба’ (*fos-* В ‘сушить’)
- kafo* НН ‘лицо’: *asagafo* LLHL ‘Ipomea nil (трава)’ (*asa* 2.5 ‘утро’)
- kaki* НН ‘хурма’: *yamagaki* LLLH ‘дикорастущая хурма’ (*yama* LL 2.3 ‘гора’)
- kane* НН ‘железо, металл’: *akagane* НННН ‘медь’ (*aka-* А ‘красный’), *arakane* НННН ‘руда, необработанный металл’ (*ara-* А ‘грубый’), *firagane* ННЛЛ ‘лист металла’ (*fira-* А связ. ‘плоский’), *kogane* HLL (Дз+) ‘золото’ (*ko-/ki* HL 1.2 ‘жёлтый’), *kurogane* LLLL (C1) ‘железо’ (*kuro-* В ‘чёрный’), *magarikane* НННЛЛ ‘плотничий угольник’ (*magar-* А ‘гнуть’), *makigane* ННЛх (= *ННЛЛ) ‘тонкие листы металла’ (*mak-* А ‘сворачивать’), *midukane* ННЛЛ (Дз+) ‘ртуть’ (*midu* НН 2.1 ‘вода’), *sirokane* LLНН ‘серебро’ (*siro-* В ‘белый’), *yakigane* ННЛЛ ‘раскалённый металл’ (*yak-* А ‘жечь’)
- kane* НН ‘колокол’: *ofogane* LLLL (Тк, C1) ‘большой колокол’ (*ofo-* В ‘большой’)
- kani* НН ‘краб’: *isigani* ННЛЛ ‘вид краба’ (*isi* HL 2.2 ‘камень’)
- kayu* НН/НЛ ‘каша’: *imogayu* LLLH ‘рисовая каша с бататом’ (*imo* LL 2.3 ‘батат’), *katagayu* ННЛЛ ‘отварной рис’ (*kata-* А ‘твёрдый’), *sirukayu* LLLL (X3) ‘жидкая каша’ (*siru* LH 2.4 ‘сок’)
- kaze* НН ‘ветер’: *kokaze* HLL ‘ветерок’ (*ko-* А связ. ‘маленький’), *ofokaze* LLLL (Тк 2x, C3 3x) ‘сильный ветер’ (*ofo-* В ‘большой’)
- kimi* НН ‘господин’: *ikusagimi* LLLHL ‘военный командующий’ (*ikusa* LLL 3.4 ‘войско, война’)
- kizu* НН ‘рана, изъяз’: *tamakizu* LLHL ‘изъяз на драгоценном камне’ (*tama* LL 2.3 ‘драгоценный камень, жемчужина’)
- kubi* НН ‘шея’: *ofokubi* LLLL (Дз, X2, Ир) ‘большой воротник’ (*ofo-* В ‘большой’)
- kugi* НН ‘гвоздь’: *kikugi* LLL (X3) ‘деревянный гвоздь’ (*ki* L 1.3a ‘дерево’)
- kuti* НН ‘рот’: *ofokuti* LLLH (X2) / LLНН (Дз) ‘широкие штанины’ (*ofo-* В ‘большой’)
- kufa* НН ‘мотыга’: *umagufa* LLLL (Тк+) ‘борона’ (*uma* LL 2.3 ‘лошадь’)
- midu* НН ‘вода’: *fimidu* ‘ледяная вода’ LLF (*fi* L 1.3a ‘лёд’), *komudu* LLF (Дз) / LLH (C1, Тк) ‘вода после варки риса’ (*ko-* В ‘густой’), *tamarimidu* НННЛЛ ‘стоячая вода’ (*tamar-* А ‘скапливаться’), *tukurimidu* LLLLF ‘кипячёная, а затем охлаждённая вода’ (*tukur-* В ‘изготавливать’)
- miti* НН ‘дорога’: *kakuremiti* LLLHL ‘скрытый путь’ (*kakure-* В ‘прятаться’), *komiti* HLL ‘переулок’ (*ko-* А связ. ‘маленький’), *ofomiti* LLLL (Дз) ‘главная дорога’ (*ofo-* В ‘большой’)
- mizo* НН/НФ ‘канава’: *asemizo* LLLF ‘пах лошади (汗溝)’ (*ase* 2.5 LH ‘пот’), *tamizo* LLL (Б2) / LLH (Кдз) ‘оросительная канава’ (*ta* L 1.3a ‘заливное поле’)
- tomoto* НН ‘персик’⁶: *satomoto* ННН ‘скороплодная слива’ (*sa-* А связ. ‘ранний’), *yamatomoto* LLHL ‘дикое персиковое дерево’ (*yama* LL 2.3 ‘гора’)
- tune* НН ‘суть’: *ofotune* LLLL / LL[H]L ‘основная суть’ (*ofo-* В ‘большой’)
- musi* НН 2.1 ‘насекомое’: *awomusi* НННЛ ‘зелёное насекомое (гусеница)’ (*awo-* ‘синий, зелёный’), *kafamusi* LLHL ‘гусеница’ (*kafa* LL 2.3 ‘кожа, шкура’), *kusomusi* LLHL ‘навозный жук’ (*kuso* LL 2.3 ‘испражнения’), *maromusi* НННЛ ‘навозный жук’ (*maro* НН ‘круглый’), *nomusi* LLL (Тк+) ‘полевые насекомые, моль’ (*no* 1.3a L ‘дикое поле’), *ometusi* LLHL ‘рисовый долгоносик’ (*ome-* В ‘бояться’), *sukutomusi* ННННЛ ‘личинка скарабея’ (*sukuto* ‘торф’)
- nife* НН⁷ ‘приношение, дар’: *afimube* LLHL ‘вид осеннего праздника (совр. Аинамэ)’ (*af-* В ‘соответствовать, сходиться’), *ikenife* LLLL (Б3 2x) ‘жертва’ (*ike-* В ‘давать жить’), *kamunife* LLLL (Тк+) ‘праздник урожая’ (*kamu-/kami* LL 2.3 ‘божество’), *ofonife* LLLH ‘жертвование нового риса’ (*ofo-* В ‘большой’)

⁶ С. Мартин приводит *sumoto* ЛНН ‘слива китайская’ (*su-* В ‘кислый’), но в [Мотидзуки 1974] это слово указано с ЛНх.

⁷ Рефлекс класса 2.1 в РМг*, но этому противоречат рефлексы современных диалектов.

- nuno* НН ‘ткань, полотно’: *asanuno* LLНН (Дз) ‘полотно, холст (麻布)’ (*asa* LL 2.3 ‘конопля’)
saba НН ‘макрель’: *awosaba* ННLL ‘скумбрия (鯖)’ (*awo-* ‘синий, зелёный’), *kasesaba* LHLL (СЗ) ‘акула-молот’ (*kase* ‘катушка’), *nafasaba* LLLL (СЗ, Тк) ‘дельфин’ (*nafa* LL 2.3 ‘верёвка’)
sake НН ‘алкоголь’: *karasake* LLLL (СЗ) / LLHL (Тк) ‘уксус’ (*kara* 2.5 ‘Китай, Корея, заморский’), *katazake* НННН ‘неочищенный алкоголь’ (*kata-* А ‘твёрдый’), *kozake* LLН ‘кодзакэ (сакэ, которое варят за одну ночь)’ (*ko-* В ‘густой’), *nigorisake* LLLLL (СЗ) ‘неочищенный алкоголь’ (*nigor-* В ‘мутнеть’)
saki НН ‘кончик, мыс’: *finasaki* НННН ‘clitoris’ (*fina* НН/HL ‘птенец’), *firusaki* НННН ‘головка чеснока’ (*firu* НН 2.1 ‘чеснок’), *katasaki* LLHL ‘верхняя часть плеча’ (*kata* LH 2.4 ‘плечо’), *misaki* HLL ‘мыс’ (*mi-* А связ. ‘почитаемый’), *yasaki* ННН ‘кончик стрелы’ (*ya* 1.2 ‘стрела’)
sama ‘образ’: *arisama* LLLL (Дз) ‘образ’ (*ar-* В ‘быть’), *sakasama* НННН ‘(положение) вверх дном, задом наперёд’ (*saka(i)* ‘(направление) назад, в противоположную сторону’), *yokosama* НННН ‘(положение) набок, в сторону’ (*yoko-* А связ. ‘горизонтальный’)
soko НН ‘дно’: *tanasoko* LLHL ‘ладонь’ (*ta-/te* L 1.3а ‘рука’)
suwe НН ‘конец’: *kozuwe* LLL (БЗ 4х, Хо) ‘верхушка дерева’ (*ko-/ki* 1.3 ‘дерево’), *tanasuwe* LLHL ‘кончики пальцев’ (*ta-/te* L 1.3а ‘рука’)
taka НН ‘сокол’: *kumadaka* LLLL (Тк+) ‘орёл рода *Nisaetus*’ (*kuma* LL 2.3 ‘медведь’), *ofotaka* LLLL (Тк+) ‘ястреб-тетеревятник’ (*ofo-* В ‘большой’), *sirataka* LLLL (С2) ‘белый сокол (или белый ястреб-тетеревятник)’ (*sira-* В связ. ‘белый’), *suzumidaka* LHLL ‘малый перепелятник’ (*suzumi* LHН ‘воробей’), *yotaka* LHL ‘козодой’ (*yo* В ‘ночь’)
take НН ‘бамбук’: *kafatake* ННLL ‘речной бамбук’ (*kafa* HL 2.2 ‘река’), *kuretake* ННLL ‘бамбук чёрный’ (*Kure* ‘государство У, Китай’), *ofodake* LLLL (Тк 2х, С1 2х) ‘бамбук чёрный’ (*ofo-* В ‘большой’)
tobi НН ‘ястреб’: *kusotobi* LLLL (С2, Дзи) ‘сарыч’ (*kuso* LL 2.3 ‘испражнения’)
toko НН ‘пол, палуба’: *funadoko* LLLL (С1) ‘палуба судна’ (*funa-/fune* LH 2.4 ‘судно’), *ofodoko* xxLL (= *LLLL) (БЗ) ‘гроб, саркофаг’ (*ofo-* В ‘большой’)
tomo НН ‘вместе, группа’: *fitodomo* НННН ‘люди’ (*fito* HL 2.2 ‘человек’), *kamudomo* LLНН ‘группа людей, работающих на храм’ (*kamu-/kami* LL 2.3 ‘божество’), *morotomo* НННН ‘все вместе’ (*moro-* А связ. ‘все(возможные)’)
tori НН ‘птица’: *amadori* LLHL ‘стриж *Apus pacificus*’ (*ama-/ame* L[H] 2.5 ‘дождь’), *kurotori* LLLL (Тк+) ‘синьга (*Melanitta nigra*)’ (*kuro-* В ‘чёрный’), *medori* LHL (Кн) / LLL (Тк) ‘кураца’ (*me* R 1.3b ‘женщина’), *nifatori* НННН ‘кураца’ (*nifa* НН 2.1 ‘двор’), *ofotori* LLLL (С2, Дзи) ‘большая птица’ (*ofo-* В ‘большой’), *yamatori* LLHL ‘золотой фазан’ (*yama* LL 2.3 ‘гора’)
tubo НН ‘горшок’: *fasitubo* LLLF ‘горшок для палочек’ (*fasi* LH 2.4 ‘палочки для еды’), *ofotubo* LLLL (ХЗ) ‘большой горшок’ (*ofo-* В ‘большой’), *sumitubo* LLLF (Дз) / LLHL (Дз) ‘тушница’ (*sumi* LL 2.3 ‘тушь’)
tume НН ‘коготь’: *ofodume* LLНН/LLHL ‘клешни краба’ (*ofo-* В ‘большой’)
tutu НН ‘трубка’: *faridutu* LLL[H] ‘игольник’ (*fari* LH 2.4 ‘игла’)
usi НН ‘корова’: *kousi* ННН ‘телёнок’ (*ko-* А связ. ‘маленький’), *tiuzi* LLL (Б4) ‘телёнок’ (*ti* L 1.3а ‘молоко’)
yome НН ‘невеста’: *afiyome* LLНН ‘жена брата мужа’ (*af-* В ‘соответствовать, сходиться’), *ofoyome* LLНН ‘жена старшего брата’ (*ofo-* В ‘большой’), *otoyome* LLНН ‘жена младшего брата’ (*oto-* В связ. ‘младший’)

Класс 2.2 ((*)HL)

- efi* HL ‘скаг’: *karaefi* LLLН ‘камбала’ (*kara* 2.5 ‘Китай, Корея, заморский’)
isi HL ‘камень’: *karuisi* НННН ‘пемза’ (*karu-/karo-* А ‘лёгкий’), *tateisi* LLLН ‘стоячий камень’ (*tate-* В ‘ставить, строить’), *tumeisi* LLLН ‘сложенный в кучу камень, фундамент’ (*tume-* В ‘собирать, концентрировать’), *yakiisi* НННН ‘горячий камень (используемый в качестве грелки)’ (*yak-* А ‘жечь’)
fasi HL ‘мост’: *isibasi* НННН (Дз) ‘каменный мост’ (*isi* HL 2.2 ‘камень’), *ifabasi* НННН ‘каменный мост’ (*ifa* HL 2.2 ‘скала’), *kakefasi* LLLН ‘подвесной мост, дощатый переход вдоль обрыва’ (*kake-* В ‘вешать’), *tutifasi* LLLН (Дз) ‘мост, покрытый землёй’ (*tuti* LL 2.3 ‘земля’), *ukifasi* НННН ‘плавающий мост’ (*uk-* А ‘всплывать’)
fata HL ‘ткань’: *kamubata* НННН ‘тонкая парча’ (*kani* НН 2.1 ‘краб’)

- fira* HL ‘лепесток’: *anafira* LLHL (Дз) ‘предплюсна’ (*asi* LL 2.3 ‘нога’), *katabira* LLLL (Дз+) ‘лёгкое полотняное кимоно’ (*kata-* В связ. ‘один из двух, односторонний’), *tafira* LLH ‘плоскость, равнина’ (*ta-/te* L 1.3а ‘рука’), *tobira* NHL ‘створка двери’ (*to* H 1.1 ‘дверь, проход’)
- fito* HL ‘человек’: *akibito/akimuto* LLLH ‘торговец’ (*aki(-)* В ‘торговля’), *imouto* LLLL (Кдз) ‘младшая сестра’ (*imo* В ‘любимый человек’), *kariudo/karibito* LHHH ‘охотник’ (*kar-* В ‘охотиться’), *katimudo* LLLH ‘пеший человек’ (*kati* LH 2.4 ‘ходьба пешком’), *mafuto* NHL (Б1) / ННН (Кд, Тк) ‘достойный человек’ (*ma-* А связ. ‘истинный’), *otouto* LLLL (Б4) ‘младший брат’ (*oto-* В связ. ‘младший’), *simofuto* HHHH ‘человек с низким социальным положением’ (*simo* HL 2.2 ‘низ’), *tabibito* HHHH ‘путешественник’ (*tabi* HL 2.2 ‘путешествие’), *wofuto* HHH ‘муж’ (*wo* H А ‘мужчина’)
- kaki* HL ‘забор, изгородь’: *tuikaki* HHHH ‘глинобитная стена’ (*tuk-* А ‘строить’), *midukaki* HHHH ‘ограда вокруг священных мест’ (*midu* HH 2.1 ‘вода’)
- kara* HL ‘скорлупа, оболочка, основа, рукоятка, характер’: *afagara* LLHL ‘стебли чумизы’ (*afa* LH 2.4 ‘чумиза’), *imogara* LLLL (С1) / xLLH (Тк) ‘волокно (конопли), волокна стеблей растений’ (*imo* 2.3 ‘батат’), *tamegara* LLHL ‘бобовые стебли’ (*tame* LL 2.3 ‘бобы’), *mugigara* LLHL ‘солома’ (*mugi* LH 2.4 ‘зерновые злаки’), *tomogara* HHHH ‘спутник’ (*tomo* HH 2.1 ‘товарищ’), *yagara* NHL ‘древко стрелы’ (*ya* 1.2 ‘стрела’)
- kata* HL ‘форма’: *fafagata* LLLL (С3, Тк) ‘материнская линия родства’ (*fafa* ‘мать’), *fisakugata* LLLLH ‘форма черпака’ (*fisaku* 3.6 ‘черпак’), *igata* HHH ‘форма для литья’ (*i-* А ‘лить металл’), *katigata* LLLL (Кдз) ‘ячмень’ (*kat-* В ‘толочь’), *kutugata* LLLH ‘обувная колодка’ (*kutu* LL 2.3 ‘обувь’), *mikata* HHH ‘союзник’ (*mi-* А связ. ‘почитаемый’), *nosigata* LLLH ‘форма носы’ (*nosi* ‘носы (наклейка на подарке)’), *sugata* LLH ‘образ, фигура’ (*su-* В связ. ‘простой’), *togata* LLH ‘доу (кронштейн в кит. архитектуре)’ (*to* 斗 канго-корень ‘ковш, черпак, мерка для сыпучих и жидких тел’), *yagata* LLH ‘укрытие на тележке’ (*ya* R 1.3b ‘дом’), *zenigata* LLLH ‘форма для денег, бумажные деньги, вещь из бумаги в форме монеты’ (*zeni* LH 2.4 ‘деньги’)
- kosi* HL ‘платформа, паланкин’: *mikosi* NHL ‘паланкин’ (*mi-* А связ. ‘почитаемый’), *mokosi/mogosi* LLH ‘ниша для гроба’ (*mo* L ‘траур’)
- kufi* HL ‘колышек’: *inagufi* LHHH (Йр) ‘кол для сушки риса’ (*ine* LH 2.4 ‘рис (на корню)’), *moegufi* HHHH ‘клеймо’ (*moe-* А ‘гореть’)
- kura* HL ‘седло, позиция’: *karakura* LLLH ‘разновидность седла’ (*kara* 2.5 ‘Китай, Корея, заморский’), *sitagura* HHHH ‘прокладка у седла’ (*sita* HL 2.2 ‘низ’), *yufikura* HHHH (С2) ‘разновидность луки седла’ (*yuf-* А ‘связывать’)
- mari* HL ‘круглая миска’: *kanamari* HHHH/HHHH ‘металлическая круглая миска’ (*kana-/kane* HH 2.1 ‘металл’)
- nasi* HL ‘груша’: *karanasi* LLLH ‘яблоня китайская сливолистная’ (*kara* 2.5 ‘Китай, Корея, заморский’), *yamanasi* LLLH ‘дикая груша’ (*yama* LL 2.3 ‘гора’)
- semi* HL ‘цикада’: *kamusemi* LLHL ‘цикады, стрекочущие поздней осенью’ (*kamu* канго-корень ‘холод, холодный’), *nafasemi* LLHL ‘безмолвная цикада, самка цикады’ (*nafa* LL 2.3 ‘верёвка’), *umasemi* LLHL ‘гигантская цикада’ (*uma* LL 2.3 ‘лошадь’)
- sita* HL ‘низ’: *mosita* LHL ‘нижнее бельё’ (*mo* R 1.3b ‘юбка’)
- tabi* HL ‘раз’: *amatatabi* LLHLL ‘много раз’ (*amata* LLH ‘большое количество’), *fitotabi* LLHL ‘один раз’ (*fito(-)* В ‘один’)
- tuka* HL ‘насыпь’: *inaduka* LLLL (Х3) ‘стог рисовой соломы’ (*ina-/ine* LH 2.4 ‘рис (на корню)’)
- tuki* HL ‘миска’: *aburatuki* LLLLH ‘тарелка с ламповым маслом’ (*abura* LLH 3.5 ‘масло’)⁸, *afeduki* LLLH (Дз) ‘миска с приправами’ (*afe-* В ‘приправлять’), *sakaduki* HHHH (Дз+) ‘чашечка сакэ’ (*saka-/sake* HH 2.1 ‘алкоголь’)
- туру* HL ‘тетива’: *yumiduru* LLHL ‘тетива лука’ (*yumi* 2.3 ‘лук (оружие)’)
- uta* HL ‘песня’: *kiuta* LHL ‘напевание при толчении’ (*ki* В ‘пест’)
- waza* HL ‘дело’: *kotowaza* LLLL (Дз, Тк) ‘поговорка, поговорка’ (*koto* LL 2.3 ‘слово’), *siwaza* HHH ‘поступок, действие’ (*s-* А ‘делать’)

Класс 2.3 ((*)LL)

- asi* LL ‘нога’: *fataasi* HHHH ‘развевающийся на ветру край знамени’ (*fata* HL 2.2 ‘знамя’)
- fara* LL ‘живот’: *adabara* HHHH (Дзи) ‘колики в животе’ (*ata/ada* HH ‘враг, зло’), *katafara* LLLH ‘сторона’ (*kata-* В связ. ‘один из двух, односторонний’), *sirafara* LLLL (Х3) ‘вид боли в животе’ (*sira-* В связ. ‘белый’)

⁸ В [JLTT] анализируется как *abura-tuk-i*, что, скорее всего, неверно, ср. синонимичное *aburazara* от *sara* ‘тарелка’.

- fara* LL ‘равнина’: *takafara* НННЛ ‘заросли бамбука’ (*taka-/take* НН 2.1 ‘бамбук’)
fari LL ‘балка, брус’: *utubari* НННН ‘балка, брус’ (*utu-/uti* НЛ ‘внутренняя область’)
fato ‘голубь’: *ifebato* LLLL (Тк+) ‘домашний голубь’ (*ife* LL 2.3 ‘дом’), *yamabato* LLLL (С2) ‘горлица’
 горлица (*yama* LL 2.3 ‘гора’)
fibi LL ‘трещины’: *kutifibi* НННЛ ‘трещины на губах’ (*kutu-/kuti* НН 2.1 ‘рот’)
fidi LL ‘грязь’: *kofidi* LLL (Дз+) ‘грязь’ (*ko-* В ‘густой’), *sufidi* LLL (Дз+) ‘песчаная почва’ (*su* В ‘мель,
 отмель’), *tuifidi* НННН ‘глинобитная стена’ (*tuk-* А ‘строить’)
foko LL ‘вид копья’: *fataboko* НННН ‘копье с прикрепленным знаменем’ (*fata* НЛ 2.2 ‘знамя’), *teboko*
 LLН ‘вид оружия, похожего на нагинату’ (*ta-/te* L 1.3а ‘рука’)
fone LL 1 ‘кость’: *kosibone* НННЛ ‘тазовая кость’ (*kosi* НН 2.1 ‘поясница’), *kurabone* НННН ‘лука сед-
 ла’ (*kura* НЛ 2.2 ‘седло’), *siribone* LLLН ‘кость зада’ (*siri* LL 2.3 ‘зад’), *turabone* LLLН ‘скула’ (*tura*
 LL 2.3 ‘лицо’), *wobone* LLН ‘кость хвоста’ (*wo* L 1.3а ‘хвост’)
fusa LL ‘гроздь, пучок’: *fanabusa* ххLL (= *LLLL) (С1, Тк) ‘венчик’ (*fana* LL 2.3 ‘цветок’), *wobusa*
 LLL (С2) ‘хвост птицы, подобный пучку травы’ (*wo* L 1.3а ‘хвост’), *tabusa* LLL (Б2) ‘запястье’ (*ta-/*
te L 1.3а ‘рука’)
fusi LL ‘сустав’: *tubufusi* ЛННЛ ‘щиколотка’ (*tubu* ЛН 2.4 ‘зёрнышко’)
kagi LL ‘ключ’: *karakagi* LLLL (Тк) / LLLН (С1) ‘замок, засов’ (*kara* 2.5 ‘Китай, Корея, заморский’)
kame LL ‘кувшин’: *fanagame* LLLL (Тк) / LLLН (С2) ‘цветочный кувшин’ (*fana* LL 2.3 ‘цветок’)
kame LL ‘черепаха’: *isigame* НННЛ ‘вид черепахи’ (*isi* НЛ 2.2 ‘камень’), *kafagame* НННЛ ‘вид черепа-
 хи’ (*kafa* НЛ 2.2 ‘река’), *kogame* ННН ‘черепаха рода *Clematis*’ (*ko-* А связ. ‘маленький’)
kami LL ‘волосы на голове’: *nukagami* НННН ‘чёлка’ (*nuka* НН ‘лоб’), *tatigami* LLLL (Б3) ‘вид при-
 чёски, грива’ (*tat-* В ‘стоять’)
kasi LL ‘колодки, дуб’: *asikasi/asigasi* LLНЛ ‘колодки для ног’ (*asi* LL 2.3 ‘нога’), *kubikasi* НННЛ ‘ко-
 лодки для шеи’ (*kubi* НН 2.1 ‘шея’), *tegasi* ЛНЛ ‘колодки для рук’ (*ta-/te* L 1.3а ‘рука’)
kafa LL ‘кожа’: *arakafa* НННН ‘невыделанная шкура’ (*ara-* А ‘грубый’), *fukigafa* ЛННЛ ‘кузнечные
 меха’ (*fuk-* В ‘дуть’), *kigafa* ННЛ ‘кожура цитрусового’ (*ko-/ki* НЛ 1.2 ‘жёлтый’), *nikafa* ННН ‘клей,
 желатин’ (*ni-* А ‘варить’), *obikafa* LLLН ‘кожаный пояс’ (*obi* ЛН 2.4 ‘пояс’), *tikaragafa* ННННЛ
 ‘ремень у стремени’ (*tikara* НЛ 3.3 ‘сила’)
kifa LL ‘край’: *migifa* ННН ‘кромка (линия) берега’ (*mi-* А ‘вода’)
kome ‘рис’: *kasugome* ЛННН ‘сакэ с неотцеженным осадком’ (*kasu* ЛН 2.4 ‘осадок, выжимки, жмых’),
okosigome ЛхLLН (= *LLLLН) ‘вид блюда из риса’ (*okosi* ‘тж.’), *yakigome* НННН ‘поджаренный
 рис’ (*yak-* А ‘жечь’)
koto LL ‘слово, дело’: *fakarigoto* LLLLL ‘замысел, план’ (*fakar-* В ‘мерить, планировать’), *farafegoto*
 LLLLL (Дз) ‘слова молитвы при обряде очищения’ (*farafe-* В ‘проводить обряд очищения’),
maturigoto ННННН ‘управление государством’ (*matur-* А ‘поклоняться’), *negoto* ННН ‘разговор во
 сне’ (*ne-* А ‘лежать, спать’)
kufa LL ‘шелковица’: *yamagufa* LLLL (Б3) ‘шелковица южная’ (*yama* LL 2.3 ‘гора’)
kuki LL ‘стебель’: *inaguki* ЛННЛ (Ир) ‘рисовый стебель’ (*ina-/ine* ЛН 2.4 ‘рис (на корню)’)
kura LL ‘склад’: *itigura* LLLL (Х3 2х, Б3, Ир) ‘вид торгового склада’ (*iti* ЛН 2.4 ‘рынок’), *tutigura* LLLL
 (Б3) ‘погреб’ (*tuti* LL 2.3 ‘земля’), *yakura* ННН ‘наблюдательная башня’ (*ya* Л/Н = *F 1.2 ‘стрела’)
kure LL ‘брус’: *figure* LLН ‘кипарисовая доска’ (*fi* R 1.3б ‘кипарис’)
kuri LL ‘грецкий орех’: *famaguri* LLLН ‘двустворчатый моллюск’ (*fama* LL 2.3 ‘побережье’), *fafakuri*
 НННЛ (Ир) ‘рябчик мутовчатый (растение)’ (*fafa* ‘мать’)
kusa LL ‘трава’: *akamagusa* ННННЛ ‘*Eupatorium lindleyanum*’ (*akama* ‘рогоз’), *ayamegusa* ЛНННЛ
 ‘ирис красный’ (*ayame* ‘тж.’), *arikusa* НННЛ (С1 2х) / НННЛ (Тк) ‘*Echinops setifer*’ (*ari* НН 2.1 ‘му-
 равей’), *fatokusa* LLLL (Ир) ‘вайда продолговатая’ (*fato* LL 2.3 ‘голубь’), *fitokusa* НННН ‘народ,
 людские массы’ (*fito* НЛ 2.2 ‘человек’), *fituzigusa* ННННЛ ‘водяная лилия’ (*fituzi* ННН 3.1 ‘овца’),
ikigusa LL[L][L] (Б4) ‘*Nylotelephium erythroscopicum*’ (*iki-* В ‘жить’), *itatigusa* LLLНЛ ‘форзиция’
 (*itati* LLL (Б3) 3.4 ‘колонок’), *kabanegusa* ННННЛ ‘*Paederia scandens*, *Alpinia kumatake*’ (*kabane*
 ННН 3.1 ‘труп’), *kurokusa* LLLL (Тк+) ‘*Echinops setifer*, *Cynanchum atratum*’ (*kuro-* В ‘чёрный’),
tagusa ННЛ ‘сено, фураж’ (*ta-* А связ. ‘настоящий’), *nagakusa* LLLL (Б4) ‘сон-трава, анемон по-
 никший’ (*naga-* В ‘длинный’), *nifakusa* НННЛ (С1) / НННН (Дз, Ир) ‘трава во дворе, вид травы’
 (*nifa* НН 2.1 ‘двор’), *sibukusa* LLНЛ ‘щавель японский’ (*sibu-* В ‘терпкий, вяжущий’), *tokusa* LLL
 (Тк+) ‘хвощ’ (*to-* Л ‘острый’), *usikusa* НННЛ ‘*Andropogon brevifolius*, *Polygonum aviculare*, *Cnidium*
officinale’ (*usi* НН 2.1 ‘корова’), *wetigusa* НННЛ ‘купена, клематис, гентиана’ (*wet-* А ‘улыбать-
 ся’), *yaikusa* НННЛ ‘полынь’ (*yak-* А ‘жечь’), *yamagusa* LLНЛ ‘трава в горах, *Gleichenia japonica*’
 (*yama* LL 2.3 ‘гора’)

- kusi* LL ‘вертел, гребень’: *fokusi* LHL (Ир) ‘кол для факела (на охоте)’ (*fo-/fi* L 1.3а ‘огонь’), *sasigusi* LLLH ‘гребень-украшение’ (*sas-* В ‘втыкать’), *tamagusi* LLLL (С3) ‘ветка клейеры как приношение божеству (玉串)’ (*tama* LL 2.3 ‘драгоценный камень’), *ya(k)igusi* НННЛ ‘вертел’ (*yak-* А ‘жечь’)
- kuso* LL ‘испражнения, выделения’: *fokuso* LLL (Ир) ‘трут’ (*fo-/fi* L 1.3а ‘огонь’), *kanakuso* НННН ‘шлак’ (*kana-/kane* НН 2.1 ‘металл’), *koguso* ННН ‘испражнения шелкопряда’ (*ko* Н 1.1 ‘шелкопряда’), *mekuso* LLL (Кдз) ‘глазные выделения’ (*ma-/me* L 1.3а ‘глаза’), *mimikuso* LLLL (Б2) ‘ушная сера’ (*mimi* LL 2.3 ‘ухо’), *tiguso* ННН ‘дизентерия’ (*ti* Н 1.1 ‘кровь’)
- kutu* LL ‘обувь’: *fukagutu* LLLH ‘обувь для непогоды’ (*fuka-* В ‘глубокий’), *sitakudu* (= **sitagutu*) НННЛ ‘вид носков’ (*sita* HL 2.2 ‘низ’), *waragutu* LLLH ‘соломенная обувь’ (*wara* LH 2.4 ‘солома’)
- tame* LL ‘бобы’: *noratame* LLНН (Дз, X1) ‘дикие бобы’ (*nora-* В связ. ‘дикий’)
- tara* LL ‘membrum virile’: *tomara* ННН ‘выступ дверного шарнира’ (*to* Н 1.1 ‘дверь’)
- mata* ‘развилка’: *futamata* НННН (Дз) ‘раздвоение’ (*futa-* В ‘два’), *minamata* НННН ‘раздвоение потока воды’ (*mi-* А ‘вода’), *timata* ННН ‘развилка дорог’ (**ti* А ‘дорога’)
- mimi* LL ‘ухо’: *kirimimi* LLLL (Тк+) ‘отрезанное ухо’ (*kir-* В ‘резать’)
- mono* LL ‘вещь’: *afemono* LLLL (Ир) ‘блюдо с добавлением приправ’ (*afe-* В ‘приправлять’), *atumono* LLLL ‘горячий суп’ (*atu-* В ‘жаркий’), *fatamono* НННН ‘ткацкий станок, ткань’ (*fata* HL 2.2 ‘ткань, ткацкий станок’), *koyosimono* LLLLL (X3) ‘желе’ (*koyos-* ‘делать твёрдым’), *numumono* LLLL (Дз) ‘шитьё, сшитая вещь’ (*nuf-* В ‘шить’), *orimono* НННН ‘ткань’ (*or-* А ‘ткать’), *sofemono* НННН ‘прибавка, добавление’ (*sofe-* А ‘добавлять’), *sumasimono* LLLLL (Дз) ‘фундоси (нижнее бельё)’ (*sumas-* В ‘отмывать’), *suwemono* LLLL (Дз) ‘керамика, фарфор’ (*suwe* ‘тж.’), *takimono* НННН ‘топливо, дрова’ (*tak-* А ‘жечь’), *waromono* LLLL (X3) ‘неотёсанный человек’ (*waro-* В ‘плохой’)
- moto* LL ‘источник, основание’: *aramoto* НННН ‘отходы риса после шелушения’ (*ara* HL 2.2 ‘рисовая мякина’, *ara-* А ‘грубый’), *minamoto* НННН ‘родник’ (*mi-* А ‘вода’)
- muro* LL ‘комната’: *ifamuro* НННН ‘пещера’ (*ifa* HL 2.2 ‘скала’), *tutimuro* LLLL (X3) ‘подвал’ (*tuti* LL 2.3 ‘земля’), *urusimuro* ННННН ‘помещение для сушки лакированных изделий’ (*urusi* ННН 3.1 ‘лак’), *utumuro* НННН ‘родильное помещение’ (*utu-/uti* HL ‘внутренняя область’)
- musi* LL ‘бемерия (Boehmeria)’ LL (X2): *karamusi* LLLL (С1) ‘тж.’ (*kara* 2.5 ‘Китай, Корея, заморский’)
- nafa* LL ‘верёвка’: *asinafa* НННЛ (Дз, X2) ‘тростниковая верёвка (葦索)’ (*asi* НН 2.1 ‘тростник’), *kakenaafa* LLНЛ ‘часть лошадиной упряжи’ (*kake-* В ‘вешать’), *kuminafa* LLLL (X2) ‘плетёная верёвка’ (*kum-* В ‘плести (верёвку и т. п.), составлять’), *muginafa* LLLL (Тк, С1) ‘вид лапши’ (*mugi* LH 2.4 ‘зерновые злаки’), *suminafa* LLНЛ (Дз) ‘шнурок с тушью, разметочный шнур’ (*sumi* LL 2.3 ‘тушь’)
- noru* ‘водоросли’: *awonoru* LLНЛ ‘зелёные водоросли’ (*awo-* ‘синий, зелёный’)
- sawo* LL ‘шест’: *karasawo* LLLH ‘цеп’ (*kara* 2.5 ‘Китай; Корея; заморский’)
- seri* Lx ‘омежник (трава)’: *nozeri* LНН ‘дикий омежник’ (*no* В ‘дикое поле’)
- sika* ‘олень’: *ofozika* LLLL (X3) ‘большой олень’ (*ofo-* В ‘большой’)
- sima* LL ‘остров’: *firazima* НННН ‘плоский остров’ (*fira-* В связ. ‘плоский’)
- sifo* LL ‘соль’: *awasifo* LLLL (Дз, С3) ‘очищенная соль’ (*awa* LL 2.3 ‘пена’)
- siri* LL ‘зад, кончик’: *koziri* LLL (Дз+) ‘украшенный кончик ножен’ (*ko-/ki* L 1.3а ‘дерево’), *manaziri* LLНх/ххНЛ (= *LLНЛ) ‘угол глаза’ (*ma-/me* L 1.3а ‘глаз’), *yaziri* ННН ‘остриё стрелы’ (*ya* L/Н = *F 1.2 ‘стрела’)
- sisi* LL ‘мясо’: *tanasisi* НННЛ ‘ткани между эпидермисом и мясом’ (*tana* НН 2.1 ‘полка’)
- sumi* LL ‘тушь’: *arasumi* НННН (Дзи) ‘уголь’ (*ara-* А ‘грубый’), *faizumi* LLLL (Дз) ‘вид чернил (掃墨)’ (*fak-* В ‘мести’), *mayuzumi* LLLL (Б3, Кдз) ‘чёрная краска для бровей’ (*mayu* LH 2.5 ‘бровь’)
- tafi* LL ‘морской карась’: *kurodafi* LLLL (Тк) / LLLH (С3) ‘*Acanthopagrus*’ (*kuro-* В ‘чёрный’)
- take* LL ‘высота, пик’: *mitake* ННН ‘горная вершина’ (*mi-* А связ. ‘почитаемый’)
- tako* LL ‘осьминог’: *kafidako* LLLH ‘аргонавт’ (*kafi* LL 2.3 ‘раковина, моллюск (с раковиной)’)
- tama* LL ‘драгоценный камень’: *aratama* НННН (Дз) ‘неогранённый драгоценный камень’ (*ara-* А ‘грубый’), *siratama* LLLL (Дз) ‘жемчужина’ (*sira-* В связ. ‘белый’)
- tati* LL ‘меч’: *nodati* LLН ‘разновидность меча’ (*no* В ‘дикое поле’)
- tono* LL ‘дворец’: *ofotono* LLLL (Тк) / LLНЛ (С2) ‘дворец, особняк’ (*ofo-* В ‘большой’), *takadono* LLLL (Б4) ‘высокое здание’ (*taka-* В ‘высокий’), *yodono* LHL ‘спальня, покой’ (*yo* В ‘ночь’)
- tosi* LL ‘год’: *futatose*⁹ НННН ‘два года’ (*futa-* А ‘два’)
- tuki* LL ‘луна’: *motiduki* LLLH (Дз) ‘полнолуние’ (*miti-* В < древнеяп. *mi/it-* ‘наполняться’)
- tuna* LL ‘канат’: *foduna* ННН ‘снасть для подъёма и спуска парусов’ (*fo* Н 1.1 ‘парус’), *ikariduna* ННННН ‘якорный канат’ (*ikari* ННН 3.1 ‘якорь’), *tomoduna* LLLL (Дз, X2) ‘швартов’ (*tomo* LL 2.3 ‘корма’)

⁹ *Tose* — счётная форма слова *tosi*.

tuno LL ‘рог’: *aburaduno* LLLLL (C2 2x) ‘ёмкость для хранения масла для осей повозок и т. п.’ (*abura* LLH 3.5 ‘масло’), *asiduno* НННН ‘молодые побеги тростника’ (*asi* НН 2.1 ‘тростник’), *komoduno* НННН ‘съедобный грибок, растущий на водяном рисе’ (*komo* НН 2.1 ‘водяной рис’), *wakaduno* LLLL (X3, C1) ‘оленьи панты’ (*waka-* В ‘молодой’)

tuti LL ‘земля’: *kurituti* LLLL (Дз, Тк) ‘чёрная глина’ (*kuri* LL/ЛH ‘тж.’), *kurotuti* LLLL (Дз+) ‘чёрная земля’ (*kuro-* В ‘чёрный’), *siratuti* LLLL (Дз) ‘мел(?)’ (*sira-* В связ. ‘белый’)

uma LL ‘лошадь’: *fanetuma* LLLL (Тк, C2) ‘норовистая лошадь’ (*fane-* В ‘скакать’), *butiuma* НННН ‘пятнистая лошадь’ (*buti* ‘пятна’), *me(m)uma* LLL ‘кобыла’ (*me* R 1.3b ‘женщина’), *osouma* НННН ‘медленная лошадь’ (*oso-* А ‘медленный’), *usagiuma* ЛНННН ‘осёл’ (*usagi* ЛНх 3.6 ‘заяц’)

ura LL ‘обратная сторона, изнанка’: *anaura* LLHL (Дз+) ‘подошва ноги’ (*asi* LL 2.3 ‘нога’), *tanaura* LLHL ‘ладонь’ (*ta-/te* L 1.3a ‘рука’)

wata LL ‘хлопок’: *aburawata* LLLHL (Дз) ‘хлопок для смачивания волос’ (*abura* LLH 3.5 ‘масло’), *asiwata* НННЛ (Дз) ‘грубый хлопок (подобный тростниковому волокну)’ (*asi* НН 2.1 ‘тростник’)

wata LL ‘внутренности’: *farawata* LLLL (Б2) ‘внутренности, потроха’ (*fara* LL 2.3 ‘живот’)

wono LL ‘топор’: *kowono* ННН ‘топорик’ (*ko-* А связ. ‘маленький’), *tewono* LLL (C2) ‘топорик, тесак’ (*ta-/te* 1.3a ‘рука’)

yama LL ‘гора’: *koyama* ННН (Дз+) ‘маленькая гора’ (*ko-* А связ. ‘маленький’)

yumi ‘лук (оружие)’: *ofoyumi* LLLL (Кдз) (*ofo-* В ‘большой’), *tunoyumi* LLLL (C2) ‘лук, у которого крепление тетивы сделано из рога’ (*tuno* LL 2.3 ‘рог’)

Класс 2.4 ((*)ЛН)

ato ЛН ‘след’: *asiato* LLLH ‘след ноги’ (*asi* LL 2.3 ‘нога’)

afa ЛН ‘чумиза’: *motiafa* ххHL (= *НННЛ) ‘клейкое просо’ (*moti* НН 2.1 ‘клейкий рис, клейкое зерно’¹⁰)

fada ЛН ‘кожа’: *fikifada* LLLH ‘жабья кожа’ (*fiki* LL ‘жаба’), *kifada* ННН ‘амурское пробковое дерево’ (*ko-/ki* HL 1.2 ‘жёлтый (цвет)’), *kofada* ЛНН ‘кора дерева’ (*ko-/ki* L 1.3a ‘дерево’)

fasi ЛН ‘палочки (для еды)’: *fibasi* LLH ‘щипцы для углей’ (*fo-/fi* L 1.3a ‘огонь’), *kanabasi* НННЛ ‘кузнечные клешни’ (*kana-/kane* НН 2.1 ‘металл’)

fata ЛН ‘поле, огород’: *yakifata* НННН ‘выжженное перед посевом поле’ (*yak-* А ‘жечь’)

fune ЛН ‘лодка, корабль’: *fayabune* LL[L]H ‘быстрое судно’ (*faya-* В ‘быстрый’), *ikusabune* LLLНН ‘военный корабль’ (*ikusa* LLL 3.4 ‘войско, война’), *ofobune* ЛННН ‘большое судно’ (*ofo-* В ‘большой’), *turibune* НННЛ ‘рыбачья лодка’ (*tur-* А ‘подвешивать; удить рыбу’), *watasibune* ННННЛ ‘паром’ (*watas-* А ‘переправлять’), *yubune* LLL (Б3) / LLH (X3) ‘бадя для купания’ (*yu* L 1.3a ‘горячая вода’)

ine ЛН ‘рис (на корню)’: *katisine* LLLH ‘рис с шелухой’ (*kat-* В ‘толочь’), *nokorisine* LLLLH ‘рисовые зёрна, сохранившие шелуху после толчения’ (*nokor-* В ‘оставаться’)

ita ЛН ‘доска’: *fidiita* НННЛ ‘поперечная доска рамы (?)’ (*fidi* HL 2.2 ‘локоть’), *makiita* НННЛ ‘доска для наматывания ткани’ (*mak-* А ‘свёртывать’)

ito ЛН ‘нить’: *neriito* LLLH (Дз) ‘лощёная нить’ (*ner-* В ‘закалять, дубить (кожу), лощить (нить)’), *sikeito* LLLH ‘грубая шёлковая нить (из оболочек коконов)’ (*sike* 2.3 ‘оболочка кокона’)

kami ЛН ‘вершина’: *yokogami* НННН ‘ось повозки’ (*yoko-* А связ. ‘горизонтальный’)

kasa ЛН ‘зонтик’: *kinugasa* LLLH ‘шёлковый зонтик’ (*kinu* ЛН 2.4 ‘шёлк’), *ofogasa* LLLH ‘большой зонт’ (*ofo-* В ‘большой’)

kasu ЛН ‘осадок, отходы’: *tugikasu* LLLH ‘отруби’ (*tugi* ЛН 2.4 ‘зерновые злаки’)

kazu ЛН ‘число’: *fitokazu* НННН ‘множество людей’ (*fito* HL 2.2 ‘человек’)

keta ЛН ‘бревно’: *fogeta* ННЛ ‘рея’ (*fo* Н 1.1 ‘парус’)

kinu ЛН ‘шёлк, одеяние’: *akomeginu* ЛНННЛ ‘срединный слой одежды знатных людей’ (*akome* ЛНН (Дз, Дзи) / ЛНЛ (X2) ‘тж.’), *amaginu* LLLH (Дз, X2) ‘вид дождевого плаща’ (*ama-/ame* L[H] 2.5 ‘дождь’), *karaginu* LLLH ‘вид одеяния придворных женщин’ (*kara* 2.5 ‘Китай, Корея, заморский’), *kariginu* LLLH ‘охотничий наряд знатных людей’ (*kar-* В ‘охотиться’), *kafaginu* LLLH ‘меховая одежда’ (*kafa* LL 2.3 ‘кожа, шкура’), *mizikaginu* LLLLH ‘короткое платье’ (*mizika-* В ‘короткий’), *nufikinu* LLLL (X2) ‘расшитое одеяние’ (*nuf-* В ‘шить’), *siranuki* LLLL (Дз) (= **sirakinu*) ‘белый шёлк’ (*sira-* В связ. ‘белый’), *umaginu* LLLH ‘попона’ (*uma* LL 2.3 ‘лошадь’)

kudu ЛН ‘пыль’: *fakikudu* LLLH ‘выметаемая пыль’ (*fak-* В ‘мести’), *surikudu* LLLH (Дз) ‘(металлические) опилки’ (*sur-* В ‘тереть’)

¹⁰ Возможно, идентично *moti* НН ‘птичий клей’ или же из стяжения *motifi* < *moti* + *ifi* ‘приготовленный рис’.

- mugi* LH ‘зерновые злаки’: *karasumugi* LHHHL ‘овёс’ (*karasu* 3.6 ‘ворона’), *komugi* HLL ‘пшеница’ (*ko-* А связ. ‘маленький’), *kuromugi* Lx[H]H/LLxx (= *LL[H]H) ‘головня (болезнь злаков)’ (*kuro-* В ‘чёрный’), *matugi* HHL ‘пшеница’ (*ma-* А связ. ‘настоящий’), *sobamugi* LLLL (Б1) / LLLH (Кдз) ‘гречиха’ (*soba*²2.4/2.5 ‘гречиха’)
- saya* LH ‘ножны’: *marazaya* LLLH (Дз) ‘влагилице лошади’ (*mara* LL 2.3 ‘membrum virile’)
- siru* LH ‘сок’: *awisiru* LLLH (Дз) ‘краска цвета индиго’ (*awi* 2.5 ‘цвет индиго, *Persicaria tinctoria*’), *umisiru* LLLH ‘гной’ (*um-* В ‘гноиться’), *yakisiru* HHHH ‘?’ (по контексту связано с горением) (*yak-* А ‘жечь’)
- sumi* LH ‘угол (внутренний)’: *katasumi* LLLH ‘угол (внутренний), закоулок’ (*kata-* В связ. ‘один из двух, односторонний’)
- sudi* LH ‘сухожилие’: *itosudi* LLLH (Дз) ‘тонкая нить, струна’ (*ito* LH 2.4 ‘нить’)
- tubi* ‘зёрнышко’: *inatubi* ххLH (= *LLLH) ‘рисовое зёрнышко’ (*ina-/ine* LH 2.4 ‘рис (на корню)’)
- tuwe* LH ‘посох’: *kanaduwe* HHHH ‘металлический жезл’ (*kana-/kane* HH 2.1 ‘металл’), *kaseduwe* LLLH ‘трость с держателем для ходьбы’ (*kase* ‘колодки’), *saituwe* LHHH ‘мотыга’ (*safi* ‘лопата’), *turaduwe* LLLH ‘опирание щеки на руку’ (*tura* LL 2.3 ‘лицо’)
- tuti* LH ‘молот’: *kanaduti* HHHH ‘молот’ (*kana-/kane* HH 2.1 ‘металл’)
- uri* LH ‘дыня’: *awouri* LLLH (С2) ‘вид дыни (青瓜)’ (*awo-* ‘синий, зелёный’), *karasuuri* LHHHL ‘трихозантес’ (*karasu* 3.6 ‘ворона’), *karauri* LLLH ‘огурец’ (*kara* 2.5 ‘Китай, Корея, заморский’), *madaurari* HHHHL ‘сорт дыни с жёлтыми пятнами’ (*madara* HHx ‘пятна’), *sirouri* LLLH ‘вид дыни’ (*siro-* В ‘белый’), *tunouri* LLLH ‘дыня’ (*tuno* LL 2.3 ‘рог’), *sobauri* LLLH ‘огурец’ (*soba* 2.4/2.5 ‘гречиха’), *tatibuuri* LHHHL ‘вид небольшой дыни’ (*tatibu* ‘тж.’)
- usu* LH ‘ступа’: *karasu* LLLH ‘вид ступы’ (*kara* 2.5 ‘Китай, Корея, заморский’), *suriusu* LLLH (Дз) ‘вид ступы’ (*sur-* В ‘тереть’)

Класс 2.5 ((*)LF)

- ame* L[H] ‘дождь’: *kosame* хНН ‘мелкий дождь’ (*ko-* А ‘маленький’)
- ani* ‘старший брат’: *ofoani* LLLH ‘какая-то птица (коршун?)’ (*ofo-* В ‘большой’)
- ayu* LH ‘аю (рыба)’: *osiyayu* HHHH (С3, Тк) ‘прессованная засоленная аю’ (*os-* А ‘нажимать’)
- firu* LH ‘пиявка’: *tumabiru* LLLH ‘конская пиявка’ (*uma* LL 2.3 ‘лошадь’)
- kage* LH ‘тень, отражение’: *fikage* HHH ‘тень’ (*fi* L/H = *F 1.2 ‘солнце, день’), *mikage* HHH ‘душа умершего’ (*mi-* А связ. ‘почитаемый’)
- koto* LH ‘кото’: *kudaragoto* LLLLH ‘куго (музыкальный инструмент)’ (*Kudara* ‘Когурё (государство)’), *sirakikoto* LLLLH (Дз) ‘вид струнного инструмента’ (*Siraki* ‘Силла’)
- mayu* LH ‘кокон’: *kufamayu* LHLL ‘шелкопряд *Bombyx mandarina*’ (*kufa* LL 2.3 ‘шелковица’)
- tomo* LH ‘бедро’: *utumoto* HHHH ‘(область) между бёдер’ (*utu-/uti* HL ‘область внутри’)
- tuko* LH ‘жених, зять’: *afimuko* LLLL (Х3) / LLLH (Б2, Дзи) ‘муж сестры, свояк’ (*af-* В ‘сходиться, соответствовать’)
- nabe* LH ‘сковорода, котелок, кастрюля’: *kananabe* HHHH ‘железная сковорода, железный котелок’ (*kana-/kane* HH 2.1 ‘металл’), *sasinabe* LLHH ‘сосуд с носиком (похожий на чайник)’ (*sas-* В ‘втыкать’), *tutinabe* LLHH ‘глиняный горшок’ (*tuti* LL 2.3 ‘земля’), *asinabe* LLHH (С1) / LLL[L] (Тк) ‘посуда с ножками’ (*asi* LL 2.3 ‘нога’)

Класс 3.1 ((*)ННН)

- iwasi* HHH ‘иваси’: *fisikoiwasi* LHHHHH (С3) / LHHHHH (Тк) ‘анчоус’ (*fisiko* ‘анчоус’)
- katura* HHH ‘багряник японский’: *mekatura* RHHH ‘вид коричника’ (*me* R 1.3b ‘женщина’)
- koroto* HHH ‘одежда’: *fudigoroto* HHHHL (Дз+) ‘вид траурной одежды’ (*fudi* Hx 2.1 ‘глициния’), *kafagoroto* LLLLL (Дз 2x) / LLLHL (Х2) ‘меховая одежда’ (*kafa* LL 2.3 ‘кожа’)
- kuruma* HHH ‘повозка’: *kosiguruma* HHHHL ‘вид повозки’ (*kosi* HL 2.2 ‘паланкин’), *sofeguruma* HHHHH ‘повозка, одолженная слугам’ (*sofe-* А ‘добавлять’), *teguruma* LLHL ‘ручная тележка, тачка’ (*ta-/te* L 1.3a ‘рука’)
- tokoro* HHH ‘место’: *ikufadokoro* LLLLLL (Х2) / LLLLLL (Дз) ‘место для мишени’ (*ikufa* ‘мишень’), *kasadokoro* HHHH ‘шрам’ (*kasa* 2.1 ‘струп’), *mitokoro* HLLL ‘три места’ (*mi-* А ‘три’)
- yanagi* HHH ‘ива’: *kafayanagi* HHHHL ‘ива золоточешуйчатая’ (*kafa* HL 2.2 ‘река’)

Класс 3.2 ((*)ННЛ)

aduki ННЛ ‘фасоль угловатая’: *akaaduki* ННННЛ (Дз) ‘*Vigna umbellata*’ (*aka-* А ‘красный’)
kadura ННх ‘лоза, вьющиеся растения’: *kuzukadura* LLLНЛ ‘пуэрария’ (*kuzu* 2.5 ‘тж.’), *omunakadura*
 LLLLНЛ ‘*Cnidium officinale*’ (*omuna* ЛНН 3.6 ‘старая женщина’), *sufikadura* ННННЛ (Дз+) ‘жимо-
 лость японская’ (*suf-* А ‘сосать’)
kasifa ННЛ ‘дуб’: *fofogasifa* ННННЛ ‘*Magnolia hypoleuca*’ (*fofo* НЛ ‘тж.’)

Класс 3.3 ((*)НЛЛ)

tikara НЛЛ ‘сила’: *ofodikara* LLНЛЛ ‘зерновой сбор, налог зерном’ (*ofo-* В ‘большой’)

Класс 3.4 ((*)LLL)

fukuro LLL ‘сумка’: *kusobukuro* LLLLН ‘желудок’ (*kuso* LL 2.3 ‘испражнения’), *obibukuro* LLLLН
 ‘сумка на поясе’ (*obi* ЛН 2.4 ‘пояс’), *tatibukuro* LLLLН ‘сумка для меча’ (*tati* LL 2.3 ‘меч’), *wobu-
 kuro* LLLН ‘сумка для лошадиного хвоста’ (*wo* L 1.3а ‘хвост’), *yumibukuro* LLLLН ‘сумка для лу-
 ка’ (*yumi* LL 2.3 ‘лук (оружие)’)
kafara LLL ‘черепица’: *megafara* RLLL ‘вогнутая черепица’ (*me* R 1.3b ‘женщина’), *wogafara* HLLL
 ‘выпуклая черепица’ (*wo* Н А ‘мужчина’)
kasira LLL ‘голова’: *fitogasira* ННННЛ ‘череп’ (*fito* НЛ 2.2 ‘человек’), *ofogasira* LLННН ‘главарь, ли-
 дер’ (*ofo-* В ‘большой’)
musiro LLL ‘циновка’: *firumusiro* LLLLН ‘трава рода жгун-корень (*Cnidium*)’ (*firu* 2.5 ЛН ‘пиявка’)

Класс 3.5 ((*)LLН)

abura LLН ‘масло’: *sakaabura* ННННЛ ‘неочищенный алкоголь, осадки в алкоголе’ (*saka-/sake* НН 2.1
 ‘алкоголь’)
fasira LLН ‘столб’: *yosebasira* ННННЛ ‘коновязь, столб для привязи’ (*yose-* А ‘приближать’)
fusube LLН ‘пятна или наросты на коже’: *sagarifusube* LLLLНЛ ‘свешивающаяся бородавка’ (*sagar-*
 В ‘спускаться’)
nasubi ‘баклажан’: *konasubi* ННЛЛ ‘вербейник’ (*ko-* А связ. ‘маленький’)
tudura LLН ‘пуэрария’: *kumatudura* LLLLН ‘*Verbena officinalis*’ (*kuma* LL 2.3 ‘медведь’)

Класс 3.6 ((*)ЛНН)

fisako ЛНН ‘тыква’: *naribisako* LLLНН ‘тыква, черпак из тыквы’ (*nar-* В ‘становиться’), *nigabisako*
 LLLНН ‘горькая тыква’ (*niga-* В ‘горький’)
kaferu ЛНН ‘лягушка’: *amagaferu* LLLНЛ ‘древесная лягушка (Hyla)’ (*ama-/ame* Л[Н] 2.5 ‘дождь’),
awogaferu ННННЛ ‘лягушка веслоногая зелёная’ (*awo-* ‘синий, зелёный’), *tutigafaru* LLLНЛ ‘бу-
 горчатая лягушка’ (*tuti* LL 2.3 ‘земля’)
mimizu ЛНН ‘дождевой червь’: *kaburamimizu* НННННЛ ‘вид червя’ (*kabura* ?3.1 ‘репа’)
nezumi ЛНН ‘мышь, крыса’: *finezumi* LLНЛ ‘мифическая китайская огнестойкая крыса’ (*fo-/fi* L 1.3а
 ‘огонь’)

Класс 3.7 ((*)ЛНЛ)

kusuri ЛНЛ ‘лекарство’: *ebisugusuri* НННННЛ (Ир) ‘пион душистый’ (*ebisu* А ‘айну’)
namari ЛНЛ ‘свинец’: *sironamari* LLLНЛ ‘свинец’ (*siro-* В ‘белый’)

4. Анализ материала и установление правил тонирования композитов

4.1. У нескольких десятков композитов с начальными ЛН- и R- тоновый контур N1, как правило, совпадает с тоновым контуром N1 в изоляции: *karasuuri* ЛНННЛ ‘трихозантес’ (*karasu* ЛНН ‘ворона, ворон’, *uri* ЛН ‘дыня’), *kasugome* ЛННН ‘сакэ с неотцеженным осадком’ (*kasu* ЛН ‘осадок, отходы’, *kome* LL ‘рис’), *sumigi* ЛНЛ ‘угловой брус-подпорка в конструкции крыши’ (*sumi* ЛН ‘угол (внутренний)’, *ki* Л ‘дерево’), *usagimuta* ЛНННН ‘осёл’ (*usagi* ЛНх ‘заяц’, *uta* LL ‘лошадь’), *mebiru* RLL ‘вид чеснока’

(*me R* ‘женщина’, *firu HH* ‘чеснок’), *mekatura RHHH* ‘вид коричнека’ (*me R* ‘женщина’, *katura HHH* ‘багряник японский’) и т. д. Такие композиты нарушают 2-е правило С. Мартина, но их количество достаточно велико, поэтому они, видимо, отражают некое системное явление. Далее будем называть их R-композитами. Анализ таких композитов показывает, что:

- 1) N1 у них принадлежит к классу 3.6 или 2.4, а также к 1.3b в случае *me R* ‘женщина’;
- 2) почти все слова класса 3.6, встречающиеся в качестве N1 в релевантном материале, образуют по меньшей мере один R-композит;
- 3) лишь небольшая часть слов класса 2.4 встречается в качестве N1 в R-композитах. Из слов класса 1.3b лишь *me R* ‘женщина’ засвидетельствовано на месте N1 в R-композитах;
- 4) в отношении тонового контура композита в целом R-композиты напоминают слова регистра А (Н-регистра), за исключением того, что тон первого слога у них не Н, а L или R.

В силу этого можно условно выделить особый «R-регистр». К нему относятся:

- 1) по-видимому, все слова класса 3.6 (*LHH);
- 2) некоторая часть слов класса 2.4 (*LH), например *sumi LH* ‘угол (внутренний)’;
- 3) *me R* ‘женщина’ (класс 1.3b).

Эти слова, будучи в позиции N1, иногда образуют R-композиты (*mebiru RLL*), а иногда они ведут себя как обычные слова L-регистра (*meuma LLL*). Распределение R- и L-композитов со словами R-регистра в позиции N1 по книгам РМг позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой первые (*karasuuri LHHH*, *mebiru RLL* и т. п.) отражают более ранний слой, а вторые (*meuma LLL* и т. п.) — более поздний (и потому можно говорить о постепенном исчезновении особого R-регистра). Таким образом, можно считать, что у регистра В есть две разновидности: L-регистр и R-регистр.

Как отмечено в [Сакураи 1976: 502, 505], после слов классов 2.4 (LH) и 3.5 (LLH) частица *no* ставится с тоном L, в то время как после слов класса 3.6 (LHH) — с тоном H (это явление также обсуждается в [de Boer 2010: 202—203]). После слов классов 1.1 (H), 2.1 (HH) и 3.1 (HHH) частица *no* тоже приобретает тон H. Полагаю, это явление (какова бы ни была причина его возникновения) позволяет объяснить, почему L-регистр «переключается» (в R-композитах) на H-регистр именно при N1 = 3.6, но не при N1 = 2.4 и 3.5 (за исключением небольшого числа слов класса 2.4, как говорилось выше). Кроме того, можно предположить, что двусложные представители R-регистра и *me R* ‘женщина’ ранее состояли из трёх мор.

Некоторые композиты, обозначающие растения, с тонированием LHH (класс 3.6), по-видимому, не имеют отношения к R-регистру и отражают тенденцию к переходу растений в класс 3.6 (процент растений в классе 3.6 в несколько раз больше, чем в любом из других трёхморных классов). Неясно, связано ли с R-регистром тонирование *ofo-* ‘большой’ как LH- в некоторых композитах.

Выделение R-регистра позволяет объяснить тоновый тип В' у глаголов (в том числе и относительную редкость В' у глаголов, поскольку и существительные R-регистра сравнительно редки). Глаголы, отнесённые в [JLTT] к типу В' (на основании данных РМг* и/или современных диалектов), в качестве N1 в рассматриваемом материале встречаются только в *kakuremiti* ‘скрытый путь’ от *kakure-* В' ‘прятаться, скрываться’. В целом, если N1 — глагол (т. е. глагольная основа с суффиксом *-i* у консонантных основ и нулевой суффикс у вокалических), то композит, как правило, начинается с LL- или HH-, т. е. принадлежит к L- или H-регистру. Однако есть ряд исключений: *fukigafa LHLL* ‘кузнечные меха’, *kafiko LHL* ‘шелкопряд’, *kariko LHL* ‘загонщик (на охоте)’, *kariudo LHHH* ‘охотник’, *worifusi LHLL* ‘подходящий момент, время от времени’. Поскольку и РМг*, и диалекты, сохраняющие тройное противопоставление глагольных тоновых типов А, В и В' (например, диалекты о. Ибуки и г. Коти), имеют по отдельному рефлексу для каждого из типов А, В, В' только для основ длиной две и более моры, наличие в РМг таких случаев, как *kariko LHL* и *kariudo LHHH*, на первой взгляд выглядит труднообъяснимой аномалией. При этом двусложные отглагольные имена, фиксируемые в РМг*, обычно имеют тонирование HH или LL, однако именно от *fuk-* ‘дуть’, *kar-* ‘охотиться’, *wor-* ‘гнуть, ломать’ в РМг* наблюдаются имена с контуром LH: *fuki LH* ‘дуновение (?)’ (если это не описка), *kari LH* ‘охота’, *wori LH* ‘ситуация’. Глагол *kar-* и отглагольное имя *kari* имеют весьма нерегулярные рефлексy в современных диалектах:

kar- ‘охотиться’ (тип В в РМг*): Токио А/В, Киото В, Кагосима А

kari ‘охота’ (LH в РМг*): Токио 1, Киото В(Ум)/А(Хи), Кагосима А (Ум и Хи обозначают два источника данных по киотскому диалекту — по словарям «Нихон кокуго дайdzитэн» (Умэгаки Минору) и «Дзэнкоку акусэнтэ дзитэн» (Хираяма Тэруо)).

Регулярные соответствия для глаголов с одноморной основой (т. е. со структурой (C)V(C)-) имеют вид РМг* А — Токио А — Киото А — Кагосима А (тип А) и РМг* В — Токио В — Киото В — Каго-

сима В (тип В). Чтобы понять, как могут объясняться аномальные рефлексы глагола *kar-* ‘охотиться’, попробуем изучить распределение рефлексов у глаголов с одноморной основой.

По моим подсчётам, в списке глаголов, приведённом в [JLTT: 674—789], имеется 125 глаголов с основой (C)VC-, у которых засвидетельствованы рефлексы одновременно в РМг, Токио, Киото и Кагосиме (при этом исключено из рассмотрения небольшое число глаголов, поменявших тип спряжения в Токио по сравнению со среднеяпонским, а также глаголы с прозрачно выделяемым каузативным -s-). Из этих 125 глаголов 47 показывают регулярные соответствия типа А, а 53 — регулярные рефлексы типа В (во всех четырёх рассматриваемых диалектах). Из оставшихся 25 глаголов у 15 один из диалектов показывает рефлекс, отличный от остальных трёх (другой тип или вариацию А/В).

Теперь, применив тот же подход к глаголом с основой (C)V- в Токио, мы получим 11 глаголов, отражённых во всех четырёх рассматриваемых диалектах, из них 3 с регулярными рефлексами типа А, 2 с регулярными рефлексами типа В и 2 с отличием в одном из диалектов. Оставшиеся 10 глаголов вида (C)VC- и 2 глагола вида (C)V- со значительной нерегулярностью рефлексов отражаются в диалектах следующим образом (РМг* — Токио — Киото — Кагосима):

- (1) *fuk-* ‘крыть (крышу)’: А — А/В — А — В
- (2) *kor-* ‘твердеть’: А — В — В — А
- (3) *or-* ‘ткать’: А — А/В — А(Ум)/В(Хи) — В
- (4) *sar-* ‘уходить’: А — А/В — А(Ум)/В(Хи) — А
- (5) *tof-* ‘спрашивать’: А — А/В — А — В
- (6) *e-* ‘приобретать, мочь’: А — А/В — А — А
- (7) *fe-* ‘проходить’: В — В — В(Ум)/А(Хи) — А
- (8) *kar-* ‘охотиться’: В — А/В — А — А
- (9) *mog-* ‘отрывать’: В — В — В(Ум)/А(Хи) — А
- (10) *nos-* ‘вытягивать, гладить (утюгом)’: В — В — В(Ум)/А(Хи) — А/В¹¹
- (11) *of-* ‘нести’: В — А/В — В — А
- (12) *yam-* ‘болеть’: В — В — В(Ум)/А(Хи) — А.

Первые пять примеров, видимо, изначально относились к регистру А. В (1) нерегулярное В может быть под влиянием *fuk-* В ‘дуть’. Из остальных семи 4 примера показывают соответствие вида РМг* В — Токио В — Киото В(Ум)/А(Хи) — Кагосима А: (7), (9), (10) (если отбросить кагосимский вариант глагола *nos-* со значением ‘гладить’) и (12). Поскольку *kari* ‘охота’ отражено в отношении регистра таким же образом (см. выше), ясно, что *kar-* ‘охотиться’ относилось к этой же группе. Кроме того, в каждом из примеров (6)—(12) в Кагосиме наблюдается тип А, а в Токио — тип В (и колебание А/В в (8) и (11)). Такие соотношения вряд ли можно объяснить случайностью, поэтому, скорее всего, они относились к особому типу, отличному от А и В. Полагаю, это был тип В', перешедший у односложных глаголов в тип А или В в зависимости от диалекта (это объясняет, почему к типу В' в РМг* и в сохраняющих его современных диалектах относятся лишь глаголы с основой из двух и более мор). Непоследовательность рефлексов в Токио и Киото может означать, что исходно этот тип давал у одноморных глаголов чередование А/В внутри парадигмы, с последующим выравниванием.

Таким образом, *kariko* LHL и *kariudo* LHNL объяснимы исходным R-регистром (типом В') у глагола *kar-* ‘охотиться’. Для *kafiko* LHL ‘шелкопряд’ такое объяснение, видимо, тоже не исключено, поскольку *kaf-* ‘выращивать (животное)’ отражено как В в РМг*, Токио и Киото, но А в Кагосиме (но возможно, что такое тонирование вызывалось неким специфическим влиянием корня *ko* ‘ребёнок’, см. раздел 4.3). Для *fukigafa* LHLL и *worifusi* LHLL объяснение через R-регистр затруднительно, поскольку глаголы *fuk-* ‘дуть’ и *wor-* ‘гнуть, ломать’ показывают регулярные рефлексы типа В. В [Сэки 1977: 172—174] *worifusi* отнесено к числу двандва-композигов. Если это верно, то, согласно сказанному о двандва в разделе 3.1, тонирование LHLL для него ожидаемо.

Помимо вышеупомянутых слов, в материале М1 есть всего два композита вида LHLL — *kasesaba* ‘акула-молот’ и *kufamayu* ‘шелкопряд *Bombux mandarina*’, в соответствии с правилами тонирования, разбираемыми ниже в 4.2.1, это тонирование регулярно, если *kase* ‘катушка’ относилось к R-регистру.

4.2.1. Слова класса 2.1 показывают весьма сложное поведение в композитах. Основные закономерности для них следующие:

- Нх + НН > ННЛЛ или НННН
 Лх + НН > ЛЛЛЛ, ЛЛЛФ или ЛЛЛН

¹¹ В кагосимском имеются *nos-* А ‘вытягивать’ и *nos-* В ‘гладить (утюгом)’ (второй вариант, вероятно, заимствован из другого диалекта).

Выбор между Н(Н)LL и Н(Н)НН представляется (по крайней мере, на первый взгляд) совершенно случайным. Например, композиты с *ko-* ‘маленький, детёныш’: *kobiru* HLL ‘*Allium victorialis*’, *kokaze* HLL ‘ветерок’, *komiti* HLL ‘переулоч’, но *kousi* ННН ‘телёнок’. Чтобы попытаться решить эту проблему, разделим соответствующий материал на две группы:

Группа 1

НННН: *akagane, arakane, finasaki, firusaki, fitodomo, katasake, kasafuta, nifatori, sakasama, yokosama*

ННН: *yasaki, kousi, yafazu, samoto*

Группа 2

ННLL: *arabako, fumibako, yokobue, firagane, makigane, midukane, yakigane, isigani, katagayu, awosaba, kafatake, kuretake*

HLL: *kobiru, kogane, kokaze, komiti, misaki*

Слова из первой части композита в группе 1 часто относятся к классу 2.1: *kasa* ‘струп’, *nifa* ‘двор’, *firu* ‘чеснок’, а также колеблющееся в РМг* *fin* НН/HL ‘птенец’. С другой стороны, в группе 2 N1 = 2.1 встречается лишь один раз: *mizugane* ННLL. Возможно, что у композитов с N2 = 2.1 роль играл и акцентный тип слова N1, а не только его регистр. Рэнъёкэй и адъективные основы в позиции N1, по-видимому, изначально действовали подобно HL и F, ср. отсутствие рэнъёкэй в позиции N1 в группе 1.

Некоторые композиты с регистром L и N2 = 2.1 вместо ожидаемого по правилам С. Мартина LLLL (LLL для трёхсложных слов) имеют аномальное LLLH (LLH для трёхсложных слов). Они наблюдаются у следующих слов: *fati* ‘пчела’, *fafe* ‘муха’, *fue* ‘флейта’, *kaki* ‘хурма’, *kayu* ‘каша’, *kuti* ‘рот’, *nife* ‘религиозное приношение’, *sake* ‘алкоголь’. Кроме того, у *midu* ‘вода’, *mizo* ‘канавка’ и *tubo* ‘горшок, кувшин’ отмечается LLF, LLLF и LLLL F, колебания LLL/LLH, LLLL/LLLH, LLLL/LLLH (в которых LLL, LLLL, LLLL характерны только для Кн) указывают на то, что к этой группе с *L...F, видимо, относятся также *fati* ‘пчела’ и *fue* ‘флейта’ (см. подраздел 2.3). Поскольку по крайней мере за некоторыми LLH, LLLH, LLLLH должны скрываться *LLF, *LLL F, *LLL F, не исключено, что все случаи LLH, LLLH, LLLLH при N1 = 2.1 имели конечный тон F.

Для того, чтобы разобраться, исключение перед нами или некая закономерность, обратимся к работе [Маэда 1953], результаты которой изложены в [Умэгаки 1963]; в ней установлено, что в диалекте г. Осака слова тонового класса 2.1 делятся на три группы в зависимости от того, какое тонирование получают композиты с ними в качестве N2. Группа А образует «безударные» композиты, группа В — композиты с падением тона после предпоследней моры, группа С — с падением тона после третьей с конца моры. Состав этих групп приведён в [JLLT: 223—225]. Группа В в основном состоит из отглагольных имён и поэтому не будет здесь рассматриваться. Если исключить китаизмы и отглагольные имена, получаем следующий состав групп А и С (слова приводятся в среднеяпонской форме):

Группа А: *adi* ‘вкус’, *ari* ‘муравей’, *fako* ‘коробка’, *fata* ‘сторона’, *fana* ‘нос’, *fiza* ‘голень, колени’, *futa* ‘крышка’, *fuda* ‘ярлык’, *fude* ‘кисть (для рисования)’, *kabi* ‘плесень’, *kabu* ‘пень’, *kabe* ‘стена’, *kane* ‘металл’, *kane* ‘колокол’, *kara* ‘свойство’, *kayu* ‘каша’, *kufa* ‘мотыга’, *mune* ‘гребень крыши’, *nifa* ‘двор’, *saki* ‘кончик, мыс’, *sara* ‘тарелка’, *soko* ‘дно’, *sode* ‘рукав’, *tana* ‘полка’, *tori* ‘птица’, *tubo* ‘горшок, кувшин’, *tume* ‘когти’, *tuya* ‘блеск’, *usi* ‘корова’, *yabu* ‘заросли’, *yome* ‘невеста’.

Группа С: *ame* ‘сладости’, *fafe* ‘муха’, *fati* ‘пчела’, *fige* ‘борода’, *fuki* ‘белокопытник японский’, *kaki* ‘хурма’, *kaze* ‘ветер’, *kafa* ‘сторона’, *kizu* ‘рана’, *kiri* ‘павлония’, *kiri* ‘туман’, *kuni* ‘страна’, *kuti* ‘рот’, *miti* ‘дорога’, *midu* ‘вода’, *musi* ‘насекомое’, *moti* ‘рисовая лепёшка’, *saba* ‘скупбрия’, *sake* ‘алкоголь’, *sasa* ‘низкорослый бамбук’, *take* ‘бамбук’, *yuri* ‘лилия’.

Большинство слов с аномальными композитами L(...)LH и L(...)LF в РМг* находятся в классе С (исключения — *mizo* и *kayu*). Более того, в композитах группы 1 (*Н(Н)НН) в позиции N2 встречаются слова из группы А (*futa, kane, saki, tori, usi*), но не группы С (кроме *sake* в *karazake*). Вряд ли это может быть случайностью, поэтому здесь следует усматривать сохранение в диалекте г. Осака некоего старого правила, по которому класс 2.1 делится на два подкласса. Однако, чтобы исключить возможность того, что в РМг* и в осакском мы имеем дело со случайными совпадениями, нужно попытаться выявить закономерность, по которой класс 2.1 делится на группы А и С.

По моему мнению, не может быть случайным, что в группе С находится большое число существительных с чередованием хифуку-кэй и росюцу-кэй (так называемых композитной и свободной форм, см. раздел 1.4): *kaza-/kaze, kutu-/kuti, saka-/sake, taka-/take*, а также с конечными гласными *-e* < древнеяп. *-e* и *-i* < древнеяп. *-i*.

Рассмотрим эти слова подробнее. *Fige* ‘борода’, скорее всего, содержит *ke* ‘волосы’, ‘шерсть’ < древнеяп. *ke*₂, у которого есть вероятное хифуку-кэй *ka* в слове *siraga* ‘серые волосы’. *Fati* ‘пчела’ сближается со среднекорейским *patari* ‘вид осы’. Известно, что многие японские слова с чередованием хифуку-кэй и росюцу-кэй соответствуют корейским словам с конечными *-r* или *-ri*:

среднекор. *kokori* ‘стебель, ствол’ ~ древнеяп. *kuku-/kuki*₂ ‘стебель, ствол’
 среднекор. *psar* ‘рис’ ~ яп. *wasar-/wase* ‘ранний рис’
 среднекор. *mar* ‘водоросль’ ~ яп. *mo/me* ‘водоросль’
 среднекор. *pir* ‘огонь’ ~ древнеяп. *po-/pi*₂ ‘огонь’.

В статье не рассматриваются вопросы, являются ли эти японо-корейские соответствия следствием генетического родства, заимствований или того и другого: важно лишь, что ввиду большого количества таких соответствий они не могут быть случайными совпадениями (по крайней мере, большинство из них). В силу этого корейское сближение указывает на **-i*₂ у *fati* ‘пчела’ вне зависимости от того, чем именно обусловлены эти корейско-японские сближения. Реконструкцию конечного **-R* в подобных формах предложил Мураяма Ситиро, она подробно обоснована в [Frellesvig 2021] (в статье Б. Фреллесвига также продемонстрировано, что распространённое ранее объяснение чередований росюцу-кэй-хифуку-кэй с помощью суффикса **-i* следует отклонить).

Названия растений *fuki* и *kaki*, вероятно, содержат *ki* < древнеяп. *ki*₂ ‘дерево’. Полагаю, *ka-* у *kaki* ‘хурма’ может быть связано с корейским *kam* ‘хурма’. *Yuri* ‘лилия’ представлено в восточном древнеяпонском в виде *yuru* (Ман 20.4369), что указывает на **yurui*. Для *sasa* ‘низкорослый бамбук’ имеется сопоставление со среднекорейским *sasar* [EDAL 2003: 1299].

В группе А, напротив, не наблюдается слов с *-(*)i*₂ и корейских коррелятов с конечными *-r* и *-ri*. Единственными случаями чередования хифуку-кэй и росюцу-кэй в группе А являются *kana-/kane*, *tuna-/tune*, *tuma-/tume*. Это соответствует тому, что эти три слова образуют в РМг* композиты с тонированием LLLL, но не LLLH. Возможно, такое поведение *kane*, *tune* и *tume* связано с тем, что у них срединный сонант.

Итак, для N2 = 2.1 мы получаем следующие правила:

НН + НН (2.1a) > НННН
 НЛ + НН (2.1a) > НННН/ННЛЛ
 Нх + НН (2.1b) > ННЛЛ
 Лх + НН (2.1a) > LLLL
 Лх + НН (2.1b) > LLLH, (*)LLLH, LLLL¹².

4.2.2. Для классов 2.2 и 2.4 устанавливаются рефлексы:

Н(х) + НЛ > Н(Н)НЛ или Н(Н)НН
 Л(х) + НЛ > Л(Л)НЛ, Л(Л)ЛН или Л(Л)ЛЛ

В случае L(x) + НЛ композит может иметь тонирование L(L)НЛ, L(L)ЛН или L(L)ЛЛ. Как видно из приведённых данных, слова *efi* ‘скат’, *fasi* ‘мост’, *nasi* ‘груша’, *isi* ‘камень’, *kosi* ‘платформа’, *kura* ‘седло’, *tuki* ‘чашка’, *kata* ‘сторона’ в сочетании с N1 регистра L дают L(L)ЛН; слова *fira* ‘лепесток, створка’, *kara* ‘скорлупа’, *semi* ‘цикада’, *sita* ‘низ’, *turu* ‘тетива’, *uta* ‘песня’ дают композиты с тонированием L(L)НЛ. *Fito* ‘человек’ ведёт себя сложным образом, но скорее принадлежит к первой группе. Слов, которые в качестве N2 образовывали бы и L(L)НЛ, и L(L)ЛН, не обнаруживается, кроме *imogara* LLLL/xLLH. Затруднительно объяснить, по какому критерию слова класса 2.2 распределяются по этим двум группам: *kura*, *sita* и *uta* препятствуют связывать распределение со звонкостью-глухостью согласного второго слога, а предположение, что влиял конечный гласный (*-i* в первой группе и любой другой во второй группе), тоже работает не для всех слов (исключения: *kata*, *kura*, *semi*).

Некоторые исследователи считают, что класс 2.2 необходимо разделять на 2.2a и 2.2b. Единственным надёжным критерием этого разделения считается рефлексация в диалектах Токио-типа (кроме гайрин-типа, в котором классы 2.1 и 2.2 полностью совпали): 2.2a дал в Токио 0, а 2.2b — 2. Как отмечено в [de Voer 2010: 191—192], С. Мартин некорректно относил слова класса 2.2, имеющие в диалекте Аомори рефлекс 0 при обычном рефлексе 2 в Токио и близкородственных диалектах, к подклассу 2.2a. Диалект Аомори относится к гайрин-типу, поэтому он нерелевантен для вопроса о подклассах 2.2a и 2.2b. При соответствующей корректировке классификации С. Мартина в подклассе 2.2a остаётся всего лишь менее 20 представителей [ibid.: 192]. По-видимому, гипотеза о выделении подклассов 2.2a и 2.2b не помогает решить проблему среднеяпонских рефлексов.

Непросто также объяснить случаи L(L)ЛЛ и выбор между НННН/НННЛ. Вероятно, у каждого слова класса 2.2 в позиции N2 регулярно либо НННН, либо НННЛ для любых N1. Столь запутанная ситуация

¹² Все композиты с N2 = 2.1b и тонированием L(L)ЛЛ, отмечаемым за пределами Кн, начинаются с *ofo-* ‘большой’ (кроме *nomusi* LLL и *ikenife* LLLL). Возможно, они образованы по новой модели для N1 = *ofo-*.

может быть связана с тем, что в классе 2.2 оказались слова из двух или трёх групп, различавшихся между собой структурой корня.

4.2.3. В соответствии с правилами, сформулированными С. Мартином, композиты с N2 = 2.3 должны получать тонирование НННН или LLLL в зависимости от регистра (для трёхсложных композитов, следовательно, ННН или LLL). Так ведут себя *kura* ‘склад’, *moto* ‘основа, источник’, *tama* ‘драгоценный камень’, *tuno* ‘рог’, *mono* ‘вещь, личность’, *sifo* ‘соль, прилив’, *uma* ‘лошадь’, *wata* ‘внутренности’, *asi* ‘нога’, *sima* ‘остров’, *kura* ‘склад’, *kuso* ‘испражнения’, *tuna* ‘верёвка, канат’, *mata* ‘развилка’, *tosu* ‘год’, *mimi* ‘ухо’, *muro* ‘комната’, *musi* ‘бемерия (Boehmeria)’, *fidi* ‘грязь’, *wono* ‘топор’, *yama* ‘гора’, *siri* ‘зад’, *tuti* ‘земля’, *kami* ‘волосы на голове’, *sumi* ‘тушь’, *kifa* ‘край’, *koto* ‘слово, дело’, *mara* ‘membrum virile’, *fusa* ‘гроздь’, *sika* ‘олень’, *yumi* ‘лук (для стрельбы)’, *fari* ‘балка’, *kufa* ‘шелковица’, *take* ‘вершина’.

Однако очень часто встречаются и НННЛ и LLLH. В композитах с N2 = *kusa* ‘трава’ нередко наблюдаются НННЛ и LLHL, поэтому пока оставим N2 = *kusa* в стороне. Рассмотрим композиты вида НННЛ и ННЛ (а также LННЛ, поскольку R-композиты ведут себя подобно композитам с регистром А), чтобы определить, существует ли для них закономерность. Это *takafara*, *kutifibi*, *kosibone*, *tubufusi*, *kigafa*, *kubikasi*, *inaguki*, *fafakuri*, *ya(k)igusi*, *tanasisi*, *asiwata*. У этих слов в позиции N1 находятся *kubi* ‘шея’ 2.1, *take* ‘бамбук’ 2.1, *kuti* ‘рот’ 2.1, *kosi* ‘поясница’ 2.1, *tubu* ‘зёрнышко’ 2.4, *ki* ‘жёлтый цвет’ 1.2, *ine* ‘рис (на корню)’ 2.4, *fafa* ‘мать’, *asi* ‘тростник’ 2.1, *tana* ‘полка’ 2.1. Не может быть совпадением, что почти все они относятся к классу 2.1 (НН) или 2.4 (LH) (у *fafa* ‘мать’ класс неизвестен, поэтому здесь есть только одно исключение: *ki* 1.2). Оба эти класса заканчиваются тоном Н, а у других одноморных и двуморных классов нет тона Н на последней мере, следовательно, причиной такого распределения может быть конечный Н у N1. Обратим внимание на вторую часть этих композитов: *fara* ‘равнина’, *fibi* ‘трещина’, *fone* ‘кость’, *fusi* ‘сухожилие’, *kasi* ‘колодки’, *kafa* ‘кожа’, *kuki* ‘стебель’, *kuri* ‘каштан’, *kusi* ‘вертел’, *nafa* ‘верёвка’, *sisi* ‘мясо’, *wata* ‘хлопок’. У всех этих слов, кроме *fone*, в прапояпонском шумный срединный согласный или *-r-*. Возможно, именно срединный шумный согласный был фактором, который определял такое поведение вторых элементов композита. При этом у перечисленных слов встречается и ожидаемое по С. Мартину ННН и НННН, например *fitokusa* НННН. Рассмотрим все подобные случаи, а также все случаи НННН и ННН, у которых N2 со срединным шумным согласным: *fataasi*, *tufidi*, *fataboko*, *kurabone*, *migifa*, *negoto*, *kanakuso*, *koguso*, *tiguso*, *futamata*, *minamata*, *mitumata*, *timata*, *aramoto*, *minamoto*, *futatose*, *mitake*, к этой же группе относится и пятиморное *maturigoto* ННННН. Всегда, кроме композитов с N2 = *kuso*, когда N1 двусложно и можно определить тоновый класс у N1, это класс 2.2: *fata* ‘ткацкий станок’ 2.2, *kura* ‘седло’ 2.2, *fito* ‘человек’ 2.2. В остальных случаях в позиции N1 наблюдается рэньёкэй, основа с адъективной семантикой или существительное с неопределённым классом. Как и в классе 2.1, рэньёкэй и адъективные основы с регистром А в позиции N1 ведут себя как основы с падающим тоновым контуром (*HL, *F). Правила для четырёхморных композитов с регистром Н и N2 = 2.3 можно сформулировать следующим образом:

Н... + LL (слова с сонорным срединным согласным, а также *kuso* ‘испражнения’) > НННН

НЛ + LL (слова с шумным срединным согласным, а также *fara* ‘равнина’, *fone* ‘кость’, *kuri* ‘каштан’) > НННН

НН + LL (слова с шумным срединным согласным, а также *fara* ‘равнина’, *fone* ‘кость’, *kuri* ‘каштан’) > НННЛ

Аналогично можно сформулировать общее правило: у композитов с регистром А или R-регистром, у которых N2 относится к классу 2.3, на месте N2 в композите реализуется НЛ, если последняя мора у N1 имеет тон Н, а N2 принадлежит ко множеству слов со срединным шумным согласным (и с добавлением *fara* ‘равнина’, *fone* ‘кость’, *kuri* ‘каштан’, но исключая *kuso* ‘испражнения’), и как НН в противном случае¹³.

Теперь обратимся к композитам вида LLH, LLLH и LLLLH: *teboko*, *siribone*, *turabone*, *wobone*, *karakagi*¹⁴, *obikafa*, *okosigome*, *figure*, *famaguri*, *fanagame*, *fukagutu*, *waragutu*, *karasawo*, *kurodafi*, *kafidako*, *nodati*, *motiduki*, с N2 = *foko*, *fone*, *kagi*, *kome*, *kure*, *kuri*, *kutu*, *sawo*, *tafi*, *tako*, *tati*, *tuki*. Пять из этих N2 содержат конечные *-e* или древнеяп. (**-i*)₂ (ср. чередования хифукукэй-росюцукэй *kuru-/kuri* ‘каштан’, *tuku-/tuki* ‘луна’). Напротив, как легко убедиться, композиты вида LLL, LLLL и LLLLL никогда не содержат

¹³ Данное правило ввиду своей сложности может вызывать сомнения, но в дальнейшем будет продемонстрировано, что подобное правило имеется и для класса 1.3а.

¹⁴ У слов *fanagame*, *karakagi*, *kurodafi* наблюдаются колебания LLLL / LLLH, причём вариант LLLL во всех трёх случаях отмечается только в Тк (см. раздел 2.3). Это можно объяснить тем, что в идиолекте составителя Тк действовало более новое тоновое правило Lx + LL > LLLL (для всех слов класса 2.3).

N2 = 2.3 с конечными *-e* или древнеяп. (**-i*)₂. Основным источником среднеяп. *-e* были прааяп. дифтонги **ai* и **ia* (а по гипотезе четырёх прааяпонских гласных дифтонги были единственным источником среднеяп. *-e*). Это позволяет предположить, что распределение здесь то же самое, что и у класса 2.1: LLH, LLLH, LLLLH получались, если у N2 = 2.3 последний слог возник из упрощения двухморной структуры, а при других N2 = 2.3 получались композиты LLL, LLLL, LLLLL. В силу этого можно предложить правила:

L... + LL (второй слог не восходит к сочетанию двух мор) > LLL, LLLL, LLLLL

L... + LL (второй слог восходит к сочетанию двух мор) > LLH, LLLH, LLLLH

4.2.4. Для тонового класса 2.4 почти всегда работают следующие правила образования композитов:

Nx + LH > НННЛ (а) или НННН (б)

Lx + LH > LLLH

Наблюдаются и исключения: *ikusabune* LLLHN, *ofobune* LHHN, *nufiginu* LLLL, *kofada* LHN, *komugi* HLL, *kuromugi* *LL[H]H, т. е. в основном с *fune* 'лодка, корабль' и *mugi* 'зерновые злаки'. Для получения достаточно строгой системы правил при N2 = 2.4 остаётся объяснить, почему одни композиты регистра А с N2 = 2.4 получают тонирование по схеме Н...HL (а), а другие — по схеме Н...НН (б). На первый взгляд, распределение этих двух типов носит случайный характер, однако можно сразу отметить, что те слова класса 2.4, которые образуют R-композиты в позиции N1, образуют немало композитов с тонированием Н...НН, находясь в позиции N2, но ни одного композита вида Н...HL.

Полагаю, в связи с этим можно выдвинуть гипотезу о существовании двух подклассов 2.4а и 2.4б:

LH (2.4а) + ... > LL... (L-композиты)

Н... + LH (2.4а) > Н...HL

LH (2.4б) + ... > LH... (R-композиты), LL... (L-композиты)¹⁵

Н... + LH (2.4б) > Н...НН

Тем не менее выделение двух подклассов, различающихся лишь в двух контекстах и ведущих себя одинаково в прочих случаях, выглядит несколько странно, поэтому следует попытаться найти ещё какие-либо корреляты этому гипотетическому делению. Мне известны две группировки, в которых наблюдается разделение класса 2.4 на два рефлекса, не нашедшее удовлетворительного объяснения:

(1) в рюкюских (острова Рюкю) слова общепонских классов 2.4, 2.5, 3.4 и 3.5 разделены между типами В и С, в то время как прочие классы существительных длиной до трёх мор строго соответствуют лишь одному из рюкюских типов А, В и С;

(2) диалект уездов Кисима (杵島郡) и Фудзицу (藤津郡) префектуры Сага (северо-запад острова Кюсю) принадлежит к группировке диалектов части территории Кюсю, в которых есть лишь два тоновых типа, обозначаемых А и В. Из этой группировки наиболее известен диалект г. Кагосима (см. раздел 1.2). В Кагосиме типы А и В в целом регулярно соответствуют среднеяпонским регистрам А и В, в диалекте уездов Кисима и Фудзицу (далее называемый Кисима-Фудзицу) в классах 2.4, 2.5, 3.5 и 3.7 только около половины слов принадлежат к В, остальные относятся к А (у большинства или примерно у половины информантов в [Хирако, Игараси 2016]).

Таким образом, для проверки гипотезы о подклассах 2.4а и 2.4б нужно изучить возможные корреляции между следующими бинарными делениями:

(1) два типа тонирования (с начальными LL- и LH-) у среднеяпонских композитов с N1 = 2.4;

(2) два типа тонирования (Н...HL и Н...НН) у композитов с регистром А и N2 = 2.4 в среднеяп.;

(3) два типа рефлексов (А и В) у слов класса 2.4 в Кисима-Фудзицу;

(4) два типа рефлексов (В и С) у слов класса 2.4 в рюкюских.

Соответствующая статистика обобщена в таблице 2. Для Кисима-Фудзицу приведены данные из [Хирако, Игараси 2016], с указанием статистики по опрошенным носителям, прарюкюские тоновые типы — по [Igarashi 2022]. Слово класса 2.4 отнесено к R-регистру, если образует хотя бы один композит с начальным LH- при отсутствии или относительно небольшом числе композитов с начальным LL-, в противном случае оно отнесено к L-регистру при наличии хотя бы одного композита, начинающегося с LL-. Приведены данные только по словам, для которых есть информация хотя бы по двум бинарным делениям из (1), (2), (3), т. к. иначе слово нерелевантно для изучения корреляции между этими тремя деления-

¹⁵ Как отмечалось в разделе 4.2, слова, образующие R-композиты в позиции N1, иногда образуют и L-композиты. По-видимому, это связано с постепенной утратой R-регистра как регулярного явления.

ми. Из таблицы видно, что корреляция между бинарными делениями (1), (2) и (3) достаточно сильная, что говорит в пользу того, что различие между подтипами 2.4a и 2.4b отражено и в Кисима-Фудзицу. В то же время рюкюские типы В и С не обнаруживают корреляции с 2.4a и 2.4b.

Нарушение распределения в случае *kata* ‘плечо’ можно объяснить тем, что это слово относилось к 2.4b, а *katazaki* LLHL — единственный пример из РМг* с этим словом в позиции N1, и потому оно непоказательно. В случае *sumi* ‘угол (внутренний)’ и *usu* ‘ступа’ не исключено, что тонирование композитов *sumigi* LHL и *usuba* LHL не связано с R-регистром, см. раздел 4.3 о *ko* ‘ребёнок’, образующем несколько композитов с тонированием LHL. Если *sumigi* и *usuba* нерелевантны, то *sumi* и *usu* могут относиться к классу 2.4a.

При N2 = 2.4 наблюдаются три примера с колебанием тона последней моры, обсуждавшегося в разделе 2.3: *asida* ‘гэта (обувь)’ (< *asi* LL ‘нога’ + *ita* LH ‘доска’), *sobamugi* ‘гречиха’, *yubune* ‘бадя для купания’. Учитывая также, что *nufikinu* LLLL ‘расшитое одеяние’ с аномальным тонированием зафиксировано только в Кн (и потому может отражать *LLLF), можно предположить, что для подкласса 2.4a при регистре В регулярным рефлексом было LLLF (ожидаемо отразившееся в подавляющем числе примеров как LLLH).

Таблица 2. Соответствия для класса 2.4, анализируемые в разделе 4.2.4

Слово класса 2.4	Регистр при N1 = 2.4 в РМг*		Выбор между HL и HH в позиции N2		Рефлексы в Кисима-Фудзицу (преобладающий рефлекс и рефлексы А : В по числу носителей)		Прарюк.
	Регистр	Пример	HL/HH	Кол-во примеров	Преобладающий рефлекс	Число носителей-информантов	
<i>afa</i> ‘чумиза’	L	<i>afagara</i> LLHL	HL	1	В	0 : 10	В
<i>fasi</i> ‘палочки’	L	<i>fasitubo</i> LLLF	HL	1	В	0 : 10	С
<i>fune</i> ‘судно’	L	<i>funani</i> LLL	HL	2	В	1½ ¹⁶ : 16½	С
<i>fari</i> ‘игла’	L	<i>faridutu</i> LLL[H]			В	0 : 18	С
<i>ito</i> ‘нить’	L	<i>itosudi</i> LLLH			В	0 : 18	С
<i>kinu</i> ‘шёлк’	L	<i>kinugasa</i> LLLH	HL	1			В
<i>matu</i> ‘сосна’			HL	1	В	1 : 9	С
<i>mugi</i> ‘злаки’	L	<i>mugiwara</i> LLLH	HL	2	В	0 : 18	В
<i>soba</i> ‘гречиха’	L	<i>sobamugi</i> LLL...			В	0 : 8	
<i>tuti</i> ‘молот’			HL	1	В	1 : 7	С
<i>tuwe</i> ‘посох’			HL	2	В	0 : 10	
<i>uri</i> ‘дыня’	L	<i>uribafe</i> LLLH	HL	3	В	0 : 18	В
<i>wara</i> ‘солома’	L	<i>waragutu</i> LLLH			В	1 : 9	В
<i>fada</i> ‘кожа’	R	<i>fadaka</i> LHH	HH	1	А	8 : 0	В
<i>fata</i> ‘поле’	R?	<i>fatake</i> LHL	HH	1			
<i>kami</i> ‘вершина’			HH	1 (2?)	А/В	3 : 5	С
<i>kasa</i> ‘шляпа, зонг’	R?	<i>kasabiru</i> LHLL			А/В	3 : 7	В
<i>naka</i> ‘середина’	R	<i>nakadati</i> LHHL	HH?	1?	А/В	8 : 10	С
<i>titi</i> ‘отец’	R?	<i>titimuma</i> LHLL			А	8½ : ½	
<i>tubu</i> ‘зёрнышко’	R	<i>tubufusi</i> LHHL			А	7 : 1	С
<i>umi</i> ‘море’	R	(вне РМг*)			А/В	4½ : 5½	С
<i>ine</i> ‘рис (на корню)’	R	<i>inaguki</i> LHHL			В	0 : 10	В
<i>kata</i> ‘плечо’	L	<i>katasaki</i> LLHL			А	11 : 7	В
<i>siru</i> ‘сок’	L	<i>sirukayu</i> LLLL	HL	1	А	13½ : ½	В
<i>sumi</i> ‘угол’	R	<i>sumigi</i> LHL			В	2 : 6	А
<i>usu</i> ‘ступа’	R	<i>usuba</i> LHL			В	2 : 16	В

4.2.5. Для N2 = 2.5 существенно меньше материала, чем для других двухморных классов, однако можно уверенно выделить следующие правила порождения тонового контура композитов:

Nx + (*)LF > (а) НННН или (б) НННЛ

Lx + (*)LF > LLLH

¹⁶ Дробные числа возникли из-за того, что некоторые носители привели оба варианта произношения.

Вопрос в том, по какому принципу выбираются варианты (а) и (б). По аналогии с классом 2.3 можно предположить, что выбор зависел от того, к какому классу относился элемент N1, а точнее — каким тоном заканчивался N1. Действительно, у *fikage* ННН N1 = 1.2, у *kosame* хНН (= *ННН), *mikage* ННН, *osiyu* НННН N1 — рэнъёкэй либо зависимая адъективная основа, которые, как показало распределение в классе 2.3, ведут себя в позиции N1 как *F, *HL, *ННЛ. С этим согласуется и *kananabe* НННЛ (N1 = *kana-/kane* НН 2.1), но проблема в том, что у *utumoto* НННЛ N1 = *utu-/uti* ‘(область) внутри’ засвидетельствован в РМг* с тоновым контуром НЛ. Однако *utu-/uti* зафиксировано как НН в (Нихон Сёки (Маэда-бон)), так что, вероятно, это слово изначально относилось к классу 2.1, а в РМг* отражён переход в класс 2.2 (НЛ) по аналогии с пространственными именами класса 2.2.

Интересно, что *kuri* ‘каштан’ и *fone* ‘кость’, относящиеся к классу 2.3, ведут себя в композитах, подчиняясь правилам для N2 = 2.5. Как показано выше, правилам для N2 = 2.3 они подчиняются, лишь если их относить к группе существительных класса 2.3 со срединным шумным согласным. Это можно объяснить, предположив, что эти два слова относились ранее к классу 2.5 (где шумность/сонорность не играла роли). Доводом в пользу этого служит то, что *fone*, наряду с тремя другими словами класса 2.3, относится в рюкюских к типу С вместо регулярного для 2.3 рюкюского типа В.

4.3. Анализ композитов с односложным вторым элементом.

Тоновый класс 1.3а образует композиты преимущественно с тонированием ННН и LLL, в зависимости от регистра слова N1. Это ожидается для 1.3а по правилам С. Мартина, а также поскольку класс 1.3а — односложный аналог класса 2.3. Однако есть несколько слов с тонированием ННЛ: *fanagi*, *kubiki*, *kutugo*. У каждого из этих слов N2 начинается с шумного согласного (в композите может выступать в озвончённом виде), а N1 всегда принадлежит к классу 2.1. Если же посмотреть на композиты с тонированием ННН, у которых N2 начинается с шумного согласного (*ki* ‘дерево’, *to* ‘точильный камень’, *te* ‘рука’, ...), то оказывается, что у них N1 принадлежит к классу 2.2 (если, конечно, у N1 можно установить тоновый класс) или же представляет собой рэнъёкэй либо адъективную основу, единственное исключение — *toriko* ННН. Если N2 начинается с сонанта (*na* ‘овощи, зелень’, *wa* ‘кольцо’, ...), то встречается только НН и ННН, но не НЛ или ННЛ при любых N1 регистра А. Это полностью соответствует вышеописанному поведению слов класса 2.3 и подтверждает то, что обнаруженная у 2.3 закономерность, связанная с шумностью-сонорностью согласного последнего слога, не может быть случайностью. R-композит *sumigi* LHL также подтверждает это распределение. Правила для 1.3а можно сформулировать следующим образом:

НН + L > ННН (для *na*, *wa*...)
 НН + L > ННЛ (для *ki*, *to*, *te*...)
 НЛ + L > ННН
 Lx + L > LLL

Класс 1.3б образует композиты в основном с ННН и LLL, изредка — с ННЛ и LLН. Похоже, что для него могли действовать те же правила, что и для класса 1.3а: НЛ и ННЛ наблюдаются только у *fime* НЛ, *kiba* НЛ, *sitamo* ННЛ, *ufamo* ННЛ, среди R-композитов конечное L только у *usuba* LHL. Если *mo* ‘юбка’ и *me* ‘женщина’ оказались в 1.3б вторично (например, перешли из 2.4 в 1.3б в результате позднего стяжения: *LH > R), то остальной материал А- и R-регистров подчиняется тем же правилам, что и для 1.3а.

Тоновый класс 1.1, вероятно, вёл себя аналогично двусложному классу 2.1, ср. *fatae* ННЛ (*fata* 2.1) при *fanadi* ННН (*fana* 2.1). *Ko* ‘ребенок’ ведёт себя специфически, образуя ряд композитов с LHL. Возможно, это существительное вызывало переход N1 из L-регистра в R-регистр. Слова с тонированием LF и LLН указывают на то, что, скорее всего, класс 1.1 делился на два подкласса подобно 2.1.

При N2 = 1.2 наблюдаются композиты с НН, ННЛ, НННЛ от слов при регистре А и LLL и LLН — при регистре В. Возможно, 1.2 в позиции N2 вёл себя так же, как 1.1, но материала РМг* с N1 = 1.2, видимо, недостаточно для точных выводов.

4.4. Композиты с трёхморным N2.

Рассмотрим сначала пятиморные композиты. Если N1 относится к регистру А, пятиморные композиты получают тонирование ННННН или ННННЛ. При регистре В композиты с N1 = 3.4 и N1 = 3.5 тонируются LLLLH, для N2 = 3.3 имеется один пример (*ofodikara* LLHLL), для N2 = *fisago* 3.6 есть два примера с LLLHN. В остальных случаях наблюдается LLLHL. У шестиморных встречается LLLLLL, LLLLHL. Четырёхморные композиты, судя по всему, вели себя подобно пятиморным. Имеющегося материала недостаточно, чтобы оценить степень регулярности этих рефлексов.

4.5. Слова *midu* ‘вода’, *asi* ‘нога’, *te* ‘рука’, *me* ‘глаз’ иногда образуют композиты, выступая в виде форм с неясным элементом *-na-*: *minā-*, *ana-*, *tana-*, *mana-*. Это композиты *anaura* LLHL, *tanasoko* LLHL, *tanasuwe* LLHL, *tanaura* LLHL, *minato* HHH, *minamoto* HHHH и некоторые другие. Как видно, тонирование LLHL у них не выводится из полученных выше правил и не зависит от тонового класса слова N2. Часто этот суффикс *-na-* считают вариантом генитивного послелога *no*. Возможное объяснение тонирования таких слов приведено ниже, в разделе 4.7.

4.6. Тонирование пятиморных композитов.

Согласно 4-му правилу С. Мартина, в среднеяпонских пятиморных композитах регистра В обычно наблюдается LLLHL и LLLLH. Однако есть некоторое количество композитов с тонированием LLLLL. Рассмотрим такие случаи (включив материал из М2): *nikimi-bana*, *nigori-sake*, *abura-duno*, *fakari-goto*, *fama-fukuro*, *farafe-goto*, *koyosi-mono*, *maturi-goto*, *sumasi-mono*, *kafa-goromo*, *ni-ofi-(m)uma*, *ofo-di-wodi*, *iki-dofori*, *karefi-tuke*, *kokoro-zasi*, *namita-tari*, *tate-akasi*, *(m)uguro-moti*, *uma-fufuki*, *warafa-yami*, *yama-kagami*, а также *ikufa-dokoro* LLLLL/LLLLHL. Следует отметить, что среди них часто встречаются корни с прааяп. **a*: **kata* ‘слово’, **mana* ‘вещь’, **karama* ‘одежда’, **kakara* ‘сердце’, **takara* ‘место’, **tapa-* ‘проходить’, **kayas-* ‘делать твёрдым, замораживать’. Кроме того, в трёх из них есть мораический носовой (*ni-ofi-(m)uma*, *(m)uguro-moti*, *uma-fufuki*), а *nikimi-bana*, *nigori-sake*, *tate-akasi* и *yama-kagami* засвидетельствованы в РМг* как LLLLL лишь в Кн и только по одному разу (и поэтому теоретически могут быть *LLLLF, см. раздел 2.3). Поскольку гласный [э] во многих языках (причём не только в языках с динамическим ударением и сильной редукцией) звучит существенно короче других гласных, можно ожидать, что некоторые пятиморные слова произносились по длительности примерно как четырёхморные. Мораический носовой, по-видимому, произносился короче большинства мор (и он сравнительно редок в именных композитах). Древнеяп. *o₂* < **a* не отличается частотностью, поэтому такое распределение вряд ли может быть случайностью (однако, например, *abura-duno*, *karefi-tuke* и *warafa-yami* LLLLL остаются без объяснения). Также это позволяет объяснить *mitokoro* HLLL (*mi-* *F ‘три’ + *tokoro* HHH ‘место’) с необычным для *μ* + *μμ* тонированием HLLL, где *tokoro* ведёт себя подобно двухморным HH (см. композиты вида HLL и HHLL в разделе 4.2.1).

При этом HHHHH встречается достаточно часто в М1 (но редко в пятиморных композитах с отглагольным именем в позиции N2). Поскольку LLLHL доминирует среди пятиморных композитов с отглагольным именем в позиции N2, а также среди пятиморных композитов из М1 (см. раздел 4.4), можно попытаться переформулировать 4-е правило С. Мартина: *HHHHH > HHHHL (только если N2 = отглагольное имя), *LLLLL > LLLHL (если композит не воспринимался как относительно короткий из наличия двух и более **a* или мораического носового), *LLLLLL > LLLLHL, *HHHHHH > HHHHHL.

В подразделах 4.2.1 и 4.2.3 было установлено, что композиты *μμ* + *μμ* регистра В, у которых N2 относится к классу 2.1 или 2.3 и имеет чередование хифуку-кэй/росюцу-кэй, склонны получать LLLH или LLLF (и иногда LLL/LLLH, указывающее на *LLF, см. раздел 2.3). Как показано в [Frellesvig 2021], чередование хифуку-кэй/росюцу-кэй восходит к сложному ауслуату *-VR (R — сонант или глайд), поэтому такие слова ранее были трёхморными: **μμ* > *μμ*. При естественном допущении, что такие **μμ*, давшие *μμ* с тонированием HH и LL, имели тонирование HHH и LLL, и применении правила *LLLLL > LLLHL, получаем:

$$\begin{aligned} \mu\mu Lx + \mu\mu HHH &> \mu\mu\mu LLLLL > \mu\mu\mu LLLHL > \mu\mu\mu LLLF \\ \mu\mu Lx + \mu\mu LLL &> \mu\mu\mu LLLLL > \mu\mu\mu LLLHL > \mu\mu\mu LLLF \end{aligned}$$

Это объясняет у подклассов 2.1b и 2.3b рефлексы LLLH и (*)LLLF при регистре В. Как говорилось выше, по крайней мере некоторая часть случаев тонирования LLLH в РМг* должна отражать *LLLF, поэтому данный сценарий полностью объясняет не только LLLF, но и LLLH у подобных композитов.

В РМг* есть три трёхморных композита этого рода: *komudu* LLF < *ko₁mi₁du*, *kozake* LLH, *tamizo* LLL/LLH (с колебанием, объясняемым исходным *LLF, см. раздел 2.3). Их тонирование легко объяснить, предположив, что N1 у подобных слов восходит к двухморным сочетаниям (ср. также поведение четырёхморных композитов *μ* + *μμ* (раздел 4.4)).

Тонирование LLHL у *anaura*, *manabuta*, *tanasoko* и т. д. с N1 = 2.1/2.2/2.3 (см. раздел 4.5 о таких композитах), если морфема *na* или предшественники алломорфов *ta-* ‘глаз’, *ta-* ‘рука’, *a-* ‘нога’ были бимораическими в период действия правила *LLLLL > LLLHL (ср. наличие чередования хифуку-кэй/росюцу-кэй у первых двух из них и *a-/asi* у третьего), тоже объясняется при помощи LLLLL > LLLHL.

Не исключено, что посредством LLLLL > LLLHL объясняются и некоторые другие случаи LLHL и LHL, однако было бы слишком спекулятивным полагаться на подобные объяснения без наличия дополнительных доводов в пользу стяжения мор в соответствующих N1.

4.7. Подводя итоги анализа, проведённого в разделах 4.1—4.6, составим таблицу тоновых правил для четырёхморных композитов с двухморным N2 (таблица 3). Эта таблица в целом применима и при одноморных N1 (заменяя НН на Н, НЛ на F и т. д.). Для одноморных N2, ввиду относительно небольшого объёма материала, трудно говорить о чёткой системе правил, но по крайней мере для N2 = 1.3a выполняются те же правила, что и для N2 = 2.3 (с поправкой на одноморность N2).

Таблица 3. Тоновые правила для четырёхморных композитов с двухморным N2

	НН 2.1a	НН 2.1b	НЛ 2.2	LL 2.3a	LL 2.3b	LH 2.4a	LH 2.4b	LF 2.5
НН	НННН	ННЛЛ	НННЛ, НННН	НННН/НННЛ ¹⁷	НННЛ	?	НННЛ	
НЛ	НННН/ННЛЛ	ННЛЛ	НННЛ, НННН	НННН	НННЛ	НННН	НННН	
Lx	LLLL	LLLH*, LLLL LLLF	LLLH, LLHL, LLLL	LLLL	LLLH*	LLLH* *LLLF	LLLH *LLLF	

* Вероятно, часть LLLH отражает *LLLF (для некоторых классов, возможно, все LLLH отражают исходное LLLF).

Тоновые правила для регистра А, по-видимому, возникли в результате распространения (спрединга) тона Н в направлении конца слова. Однако для меня остаётся непонятным, почему начальные НН- и НЛ- для некоторых классов давали разный результат для последней моры слова.

Для регистра В правило *LLLLL > LLLHL, *LLLLLL > LLLLHL позволяет объяснить тоновые правила относительно простой последовательностью тоновых переходов (с предположением исходных трёхморных 2.1b = *ННН, 2.3b = *LLL):

- 1) начальный тон L у N1 в композите распространился на весь N1: Lx- > LL-, Lxx- > LLL-;
- 2) если N2 = НН/ННН, то начальный тон L распространялся на всё слово: L-НН > L-LL, Lx-ННН > LL-LLL;
- 3) распространение начального L вытесняло тон Н у N2 = НЛ на последнюю мору в большинстве слов. При N2 = LH и N2 = LF тоны Н и F не вытеснялись, потому что уже стояли на последнем слоге;
- 4) LLLLL > LLLHL, LLLLLL > LLLLHL;
- 5) стяжение конечных двухморных слогов в одноморные (-НЛ > -F, -НН > -Н и т. д.).

Распространение тона L блокировалось в R-композиатах. В них происходило распространение тона Н.

4.8. Слова *tori* 2.1 ‘птица’, *musi* 2.1 ‘насекомое’ и *kusa* 2.3 ‘трава’ иногда образовывали композиты с тонированием Н(Н)ННЛ и LLHL, что противоречит правилам для классов 2.1 и 2.3. Большинство таких композитов обозначают виды животных и растений. Известно, что в класс 2.5 входит множество названий животных и растений, и существует тенденция к переходу подобных слов из других двухморных классов в класс 2.5. Видимо, в случае с композитами с *tori*, *musi* и *kusa* тоже существовала подобная тенденция для четырёх- и пятиморных слов.

Попробуем количественно оценить, насколько хорошо полученные правила тонирования композитов работают для материала, приведённого в разделе 3 (см. таблицу 4). При подсчёте исключены слова *yome* 2.1 ‘невеста’ и *nabe* 2.5 ‘сковорода, горшок’, поскольку их в значительной степени аномальное поведение, скорее всего, связано с тем, что они композиты (см. подраздел 4.9.4).

Таким образом, система тоновых правил, предложенная в этой статье, не объясняет только 8,7 % случаев, а также не даёт полноценного объяснения для 5,0 % (варианты 5 и 6). По-видимому, это можно считать относительно успешным результатом. Для одноморных и трёхморных классов слишком мало данных, подобную таблицу может иметь смысл делать, вероятно, лишь с привлечением других древних источников. Правила С. Мартина не объясняют примерно 24 % композитов из тех же 423 композитов с двухморным N2 (вариант 7).

¹⁷ Выбор между НННН и НННЛ зависел от согласного последнего слога у N2.

¹⁸ В силу неясных причин композиты вида 1.1 (Н) + 2.4b, 2.1 (НН) + 2.4b почти полностью отсутствуют в рассматриваемом материале, поэтому затруднительно говорить об их регулярном рефлексе.

Таблица 4. Количество слов в двусложных классах, объясняемых тоновыми правилами

	2.1	2.2	2.3	2.4	2.5	Всего
1. Правила в таблице 3	86	48	137	58	10	339 (80,1 %)
2. Тенденция для животных и растений	9		5			14 (3,3 %)
3. LLHL, LLH у композитов с <i>-na-</i>	3	1	5			9 (2,1 %)
4. Случаи, объяснимые другой интерпретацией проблемной тоновой точки	2			1		3 (0,7 %)
5. Случаи, потенциально объяснимые стяжением двухморных слогов	5		5			10 (2,4 %)
6. Зафиксированы два тонирования: объяснённое и необъяснённое	4	4	3			11 (2,6 %)
7. Необъяснённые случаи	7	14	10	5	1	37 (8,7 %)
Всего	116	67	165	64	11	423

4.9. Композиты, не относящиеся к M1.

4.9.1. Опираясь на правила тонирования композитов, которые основаны на проведенном в разделах 4.1—4.6 анализе материала, приводимого в разделе 3, мы можем перейти к материалу категорий M2 и M3 (материал второстепенной важности), выделенных в соответствии с критериями, обсуждавшимися в разделе 3.1. Среди нескольких сотен композитов, входящих в M2 и M3, многие слова требуют индивидуального подхода (спорные этимологии, наличие двух конфликтующих этимологий, неясный акцентный тип у N2, нарушение закона сохранения регистра или запрета на H-L-H). Композиты из трёх и более элементов слишком немногочисленны в PMг*, что затрудняет установление для них правил, а тоновые правила для композитов с отглагольным именем в качестве N2 связаны со сложностью реконструкции тоновых типов у отглагольных имён и с тоновой системой глагола в целом, что выходит за рамки тематики данной статьи. В силу этого материал категорий будет рассмотрен здесь кратко, с приблизительными оценками эффективности сформулированных в 4.1—4.6 закономерностей для его объяснения. Материал в этих категориях показывает примерно ту же степень регулярности правил, что и в M1.

4.9.2. Композиты с отглагольными именами в позиции N2.

В M2 входит около 200 композитов с отглагольными именами (сегментно совпадающими с рэнъёкэй) в позиции N2. Рассмотрим сначала примеры с N1 = $\mu/\mu\mu$, N2 = $\mu/\mu\mu$. Подавляющее большинство таких композитов тонируется H(H)HH, H(H)HL, L(L)LL, L(L)LH, L(L)LF.

N1 = A, N2 = A, N1 + N2 = H(H)HH: *fani-wari, fosi-duki, isi-zuwe, kura-wi, ti-maki, ...*

N1 = A, N2 = A, N1 + N2 = H(H)HL: *fidi-maki, iwo-zuki, to-bari, ...*

N1 = A, N2 = B, N1 + N2 = H(H)HH: *fiza-tuki, kaza-kiri, kutu-bami, to-nari, tori-ami, ...*

и т. д.

Разделим эти композиты (исключив несколько примеров с колебанием и около 10 случаев, в которых N1 сегментно тоже рэнъёкэй) на две группы: к группе 1 относятся композиты с тонированием H(H)HH и L(L)LL (около 60 примеров), к группе 2 — с тонированием H(H)HL, L(L)LH и L(L)LF (около 40 примеров). По-видимому, распределение H(H)HH и H(H)HL не определялось тоном N1 (или определялось лишь частично). Среди отглагольных имён с аномальным тоновым типом 1 в Токио (приводимых в [JLTT: 280—282]) в позиции N2 в группах 1 и 2 встречаются *maki, muki, nuki, tomi, wemi, kofi, mori, obi, tate* от глаголов *mak-* А ‘свёртывать’, *muk-* А ‘быть обращённым к чему-л.’, *nuk-* А ‘вытаскивать’, *tom-* ?А ‘быть богатым чем-л.’, *wem-* А ‘улыбаться’, *kof-* В ‘упрашивать’, *mor-* В ‘охранять’, древнеяп. *ob-* ‘опоясывать’, *tate-* В ‘ставить, строить’. В группе 1 есть 5 композитов с этими отглагольными именами, а в группе 2 — 14. Поскольку группа 1 примерно в полтора раза больше группы 2, такое распределение, скорее всего, неслучайно и отражает влияние глагола на тон рассматриваемых композитов (по-видимому, обусловленное тоновым типом имён, образованных от вышперечисленных глаголов).

Большинство пятисложных примеров с отглагольным именем в позиции N2 тонируются HHHHL и LLLHL, прочие варианты тонирования в сумме составляют около 10 примеров.

4.9.3. Композиты, у которых неизвестен тоновый класс N2.

В целом данная группа композитов не представляет особых проблем для сформулированных тоновых правил, т. к. N2 с неизвестным тоновым классом обычно ведут себя в композитах в соответствии

с правилами хотя бы одного из тоновых классов. Значительную часть этой группы составляют композиты с одноморным N2. Китаизмы *zeni* ‘деньги’ и *tamu* ‘сладкое вино’ ведут себя как обычные представители классов 2.4 и 2.1 (ср. *kamizeni* НННЛ, *ayametamu* ЛННЛ), поэтому их исключение из M1, возможно, было излишней предосторожностью.

4.9.4. Трёхсоставные композиты.

В РМг* имеется около 100 композитов, не относящихся к M3, у которых N1 или N2, в свою очередь, представляет собой композит. По-видимому, если N1 — композит, а N2 — нет, то для композита N1 + N2 выполняются те же правила, что и для M1 (основного материала). Однако если N2 — композит, то иногда обычные правила для таких N1 + N2 уже не соблюдаются:

ifa НЛ ‘скала’ + *koke* LL ‘мох’ (*ko-/ki* L 1.3а ‘дерево’, *ke* Н ^(?)1.2 ‘волосы’) > *ifagoke* НННЛ ‘мох на скале’ (для НЛ + LL ожидается НННН).

Из-за небольшого объёма материала затруднительно сделать уверенные выводы, но в качестве гипотезы можно предположить, что N1 + (N2 + N3) тонируются так, как ожидалось бы для (N1 + N2) + N3 (т. е. для другого порядка соединения тех же элементов композита). Это не только объясняет случаи типа *ifagoke* НННЛ, но и согласуется с предположением о том, что тоновые процессы, лежащие в основе среднеяпонских правил, были направлены в основном в сторону конца слова. Также эта специфика трёхсоставных композитов позволяет объяснить нерегулярность при N2 = *yome* 2.1 ‘невеста’ и *nabe* 2.5 ‘сковорода, котелок’, поскольку эти два слова, скорее всего, были композитами (см. [JLTT: 490, 576]).

4.9.5. Композиты с нарушением закона сохранения регистра или запрета на Н-Л-Н.

Примеры, нарушающие закон сохранения регистра, обычно встречаются в виде одного примера для конкретного слова и не подтверждаются другими данными. Некоторые такие случаи, обусловленные ошибочной расстановкой точек, разобраны в разделе 2.2. По всей видимости, ошибки постановки точек и были основным источником аномальной тоновой отметки первой моры композитов. Однако есть несколько случаев, когда вряд ли можно говорить об ошибке, в частности *futomugi* НННЛ, *koya* LL 2.3 ‘хижина, лачуга’, *makoto* ЛНН 3.6 ‘искренность, правда’ и два композита регистра А с N1 = *foso-* ‘тонкий (о руках и т. п.)’. Как можно заметить, в большинстве этих примеров N1 имеет адъективную семантику. Композиты с прилагательным *awo-* ‘зелёный, синий’ с регистром А также входят в данную группу случаев. В отличие от существительных и глаголов, где регистр В не сильно преобладает над регистром А численно, у спрягаемых прилагательных регистр В встречается примерно в три раза чаще, чем А. Скорее всего, это связано с какими-то характерными для этой части речи процессами (подобным образом неспрягаемые *ka*-прилагательные почти полностью генерализовали тип В, даже с нарушением закона сохранения регистра, ср. *madaraka* LLНЛ ‘пятнистый’, образованное от *madara* ННх 3.1 ‘пятна’). С. Мартин предполагает такую вторичную экспансию типа В у прилагательных в [JLTT: 346], объясняя этим несоответствие регистра у *hiro-* В ‘широкий’ и *hiroge-* А ‘расширять, распространять, расстилать’. Таким образом, вышеприведённые композиты с аномальным регистром А можно объяснить тем, что они отражают регистр соответствующих прилагательных до действия процессов, которые привели к сильному преобладанию регистра В у спрягаемых прилагательных. Что касается аномального регистра В у *koya* LL 2.3 ‘хижина, лачуга’ и *makoto* ЛНН 3.6 ‘искренность, правда’, здесь можно предполагать влияние односложных спрягаемых прилагательных (каждое из которых относится к В в среднеяпонском) на регистр связанных основ *ko-* А ‘маленький’ и *ma-* А.

Нарушение запрета на Н-Л-Н тоже встречается почти исключительно в виде одного примера для соответствующего слова, и многие из таких слов имеют альтернативное тонирование без Н-Л-Н. Кроме того, эти примеры, по-видимому, не образуют какой-либо системы и практически не встречаются в Дз, и, учитывая их немногочисленность, резонно предположить, что в основном они возникли из-за ошибок расстановки точек (например, (-)НЛН(-) вместо (-)ННН(-)). Между тем среди них есть по меньшей мере один композит, для которого вряд ли возможно предполагать ошибочную постановку точек: *miduumi* НННЛ ‘озеро’ (*midu* НН 2.1 ‘вода’, *umi* ЛН 2.4 ‘море’). Для этого слова есть три примера, указывающие на НННЛ, в том числе один в Дз. Возможно, изначально это было двандва-сочетание (см. 3.1) или же мы имеем дело с неким специфическим явлением.

4.9.6. Композиты с неясным тоновым контуром.

Сюда относятся композиты, у которых в имеющихся в РМг* примерах проставлены не все точки (или, в редких случаях, точка совершенно не поддаётся интерпретации, например у короткого штриха, означающего повтор предыдущей моры слова), а закон сохранения регистра и запрет на Н-Л-Н не позво-

ляют реконструировать исходный контур. Если отбросить композиты, в которых тоновые точки не поставлены у всех мор второго элемента композита (т. к. они в принципе не могут подтверждать или опровергать тоновые правила: *kusa-mura* LLxx, *sofi-mono* HHxx), а также те случаи, когда отсутствие точки сочетается с нарушением закона сохранения регистра (ср. *kadobi* LLx и *nifabi* LLx, рассмотренные в разделе 2.2), в РМг* остаётся лишь около 50 композитов, попадающих в данную категорию. Почти у всех из них поставленные точки соответствуют правилам тонирования композитов, установленным в 4.1—4.6 (в скобках приведено ожидаемое тонирование): *awona* xxL, *funadana* LLLx (*LLLL), *koduno* HHx (*HHH), *mimono* LLx (*LLL), *suasi* LLx (*LLL). Вероятные исключения крайне редки, например *kitunegusa* LLLLx (вместо ожидаемого *LLLHL), где может быть ошибка в постановке точки на четвёртой море, из-за которой точка не была поставлена на пятой.

4.9.7. Композиты с сокращением на одну мору.

В РМг* имеется приблизительно сотня примеров именных композитов, в которых отражено сокращение на одну мору (в самом композите или же в одном из образующих его основ). Сокращения в целом обусловлены стяжением гласных, омбином или выпадением моры *-ri-*. В ряде случаев выпадение моры затруднительно объяснить регулярными фонетическими изменениями. Подавляющее большинство композитов в этой категории не вступают в противоречие со сформулированными в 4.1—4.7 правилами: *nodo* LH ‘горло’, *fude* HH ‘кисть для письма’ наряду с нестянутыми *nomu-do* LLH, *fumi-de* HHH.

4.9.8. Композиты неясного происхождения.

Сюда относятся более 200 слов, для которых в РМг* известно тонирование, но неизвестна этимология композита или одного из его составляющих. В эту категорию входят слова, этимологизация которых как композитов ненадёжна, а также композиты с неясным первым или вторым элементом и композиты с двумя и более конкурирующими этимологиями. Рассмотрим несколько примеров:

1) *fanada* LLL ‘оттенок синего’

Этимология *fana* LL 2.3 ‘цветок’ + *ta* L 1.3a ‘поле’, отражённая в одном из вариантов написания яп. *hanada* < *fanada*, согласуется с тонированием LLL.

2) *katuuri* LLLH ‘вид дыни’ (N2 = *uri* LH 2.4 ‘дыня’)

Первый элемент композита неясен, но, каким бы он ни был, наблюдается регулярное тонирование для регистра В.

3) *kuzika* HHL (Дзи два раза, X3) / HLL (X3) ‘водяной олень’ (N2 = *sika* LL 2.3 ‘олень’)

С. Мартин интерпретирует N1 как китаизм. Однако, учитывая, что для этого вида оленьих характерны длинные клыки до восьми сантиметров, можно также предложить этимологию с N1 = *ku-/ki* ‘клык’. Это согласуется с рюкюскими данными, по которым реконструируется **kui* с регистром А [JLTT: 450], и предположение о существовании у данного слова чередования хифукукэй/росюцукэй не создаёт никаких проблем. Обе этимологии согласуются с тонированием HHL, однако для обеих проблематично HLL (возможно, это ошибка постановки тоновой точки).

4) *toriko* LLL ‘пленник’. В [JLTT: 551] приводятся две этимологии: с N2 = *ko* 1.1 ‘ребёнок’ и с N2 = *ko* 1.3a ‘корзина’ (везде N1 = *tor-* В ‘брат’). В обоих случаях LLL соответствует тоновым правилам.

5. Заключение

5.1. Приведённая в разделе 4.7 система тоновых правил для среднеяпонских именных композитов, а также более точная формулировка для 4-го правила С. Мартина и предположения о тоновых процессах, которые сформировали эти правила, обладают значительной предсказательной силой, что позволяет поставить вопрос о том, подтверждаются ли они фактами других древних источников и могут ли они помочь лучше понять историю тоновых систем современных японских диалектов. Это темы большого объёма, которые выходят за пределы тематики данной статьи.

В заключение попробуем рассмотреть вопрос о том, какие тоновые процессы могли привести к системе правил, выведенной в настоящем исследовании. Но, в отличие от предыдущих разделов статьи, где можно было использовать символы H, L, R, F вне контекста их фонетической сущности, в случае тоновых процессов уже необходимо учитывать, помимо стандартной интерпретации H как высокого тона, L как низкого и т. д., также альтернативную теорию, предложенную Робертом Рэмзи. Согласно этой теории, праяпонский и среднеяпонский тон, традиционно обозначаемый буквой H, был на самом деле не высоким, а низким, а тон L — высоким (поэтому, по Р. Рэмзи, обозначения H и L для среднеяпонского должны быть инвертированы, чтобы больше соответствовать фонетической реальности; например, тра-

диционное НННЛ в действительности было LLLH и т. д.). Р. Рэмзи выдвинул свою теорию в [Ramsey 1979], в [de Boer 2010] и ряде других публикаций Элизабет де Бур содержится подробное обоснование и детальная разработка этой теории, а также её преимущество по сравнению со стандартной теорией. Для удобства далее будем помечать интерпретацию тонов в среднеяпонском по Р. Рэмзи приписной буквой Р: ННЛЛ = LLНН_Р, LF = HR_Р и т. д.

К существенным преимуществам теории с инвертированными по Р. Рэмзи тонами по сравнению со стандартной теорией относятся следующие.

1. Более естественное лингвогеографическое распределение инноваций и архаизмов (диалекты Киото-типа составляют единый связный и относительно компактный ареал, в то время как диалекты Токио-типа разделены этим ареалом диалектов Киото-типа на не связанные между собой области).
2. Более простая схема тонологических изменений от среднеяпонского к современным диалектам: безусловный сдвиг тонового контура на одну мору к началу слова в диалектах Киото-типа, а также превращение первого в фонетическом слове места падения тона (т. е. первого такого Н, за которым сразу следует L) в акцентный локус в диалектах Токио-типа (и автоматический локус на последней море, если падения тона в слове нет). Сходный безусловный тоновый сдвиг к началу слова реконструируется для кёнсанского диалекта корейского [Ito 2013: 170—173]. В качестве иллюстрации перехода от акцентной системы к тоновой Э. де Бур приводит в пример некоторые языки банту. К этому следует добавить, что В. А. Дыбо обнаружил (см. [Дыбо 2000: 660—734]) в абхазском деление морфем на так называемые доминантные (+) и рецессивные (-), при этом ударение обычно ставится в конце первой платформы из (+)-морфем (т. е. на первой такой (+)-морфеме, сразу за которой не следует другая (+)-морфема), а слова без (+)-морфем получают автоматическое ударение на последнем слоге. В. А. Дыбо предположил, что для праабхазо-адыгского характеристики (+) и (-) следует интерпретировать как высокий и низкий тоны гласных в составе соответствующих морфем, т. е. с точно такой же трансформацией в абхазском, что и в диалектах Токио-типа согласно Р. Рэмзи.

Таблица 5. Происхождение тоновых систем Киото- и Токио-типа согласно Р. Рэмзи — Э. де Бур¹⁹

Класс	Среднеяпонский (по Р. Рэмзи)	Коти (Киото-тип)	Хиросима (Токио-тип)
2.1	LL-L	НН-Н	LL-Н
2.2	L <u>Н</u> -L	<u>Н</u> L-L	L <u>Н</u> -L
2.3	Н <u>Н</u> -L	<u>Н</u> L-L	L <u>Н</u> -L
2.4	<u>Н</u> L-L	*LL-L > LH-Н	<u>Н</u> L-L
2.5	<u>Н</u> R-L > <u>Н</u> L-Н	L <u>Н</u> -L	<u>Н</u> L-L
3.1	LLL-L	ННН-Н	LLL-Н
3.2	LL <u>Н</u> -L	L <u>Н</u> L-L	LL <u>Н</u> -L
3.4	НН <u>Н</u> -L	Н <u>Н</u> L-L	LL <u>Н</u> -L
3.5	Н <u>Н</u> L-L	<u>Н</u> LL-L	L <u>Н</u> L-L
3.6	<u>Н</u> LL-L	*LLL-L > LНН-Н	<u>Н</u> LL-L
3.7	<u>Н</u> LH-L	L <u>Н</u> L-L	<u>Н</u> LL-L

3. Некоторые явления, которые затруднительно объяснить в рамках стандартной теории, например поведение генитивно-определяющего *no* в современных диалектах и разделение диалектов Токио-типа на подтипы найрин, тōрин и гайрин.

¹⁹ Как видно из таблицы, при инвертированной интерпретации среднеяпонских тонов тоновый контур в диалектах Киото-типа оказывается смещённым на одну мору к началу слова, а первое в слове падение тона (выделено подчёркиванием) совпадает в среднеяпонском и в хиросимском диалекте (и совпадает с хиросимским локусом, см. описание токийской системы, очень близкой к хиросимской, в разделе 1.2), диалект Коти при этом, как и токийский и многие другие японские диалекты, претерпел *LLL > LНН, *LLLL > LННН (появление автоматического локуса на последней море, если отсутствует место падения тона). После дефиса идёт тон одноморной энклитики (которые, согласно Р. Рэмзи, были в основном с тоном L). Диалект Коти, в отличие от диалекта Киото, сохраняет различие между 3.4 и 3.5. Диалект Хиросимы, как и многие другие диалекты Токио-типа, отражает 3.5 как 2 и 3.6 как 1, по сравнению с Токио, где у этих классов труднообъяснимые рефлексы (в основном 3.5 > 1 и 3.6 > 0).

К числу вероятных недостатков теории Рэмзи — де Бур можно отнести следующие проблемы.

1. Наблюдающийся в РМг* запрет на тоновую мелодию Н-Л-Н в стандартной теории можно объяснить явлением, называемым даундрифт (англ. *downdrift*): во многих тоновых языках вторая последовательность тонов Н звучит ниже, чем первая (HLH > HLM), что может приводить к редукции второй последовательности высоких тонов: HLH > HLM > HLL. В теории Рэмзи — де Бур, напротив, разрешена мелодия Н-Л-Н_р, но запрещена Л-Н-Л_р, что, по-видимому, типологически необычно.
2. Несоответствие японских и среднекорейских тонов в древнекорейских заимствованиях в японском. В [de Boer 2010: 494—495] высказывается мнение, что значимость этого несоответствия (обычно демонстрируемого пятью примерами) преувеличена, поскольку просодия языка Пэкче (вероятного источника данных заимствований) не засвидетельствована, и она могла значительно отличаться от среднекорейской (засвидетельствованной на много веков позже, чем период, когда были заимствованы эти кореанизмы).

5.2. Возникает вопрос, в пользу какой из этих двух теорий указывают сформулированные в данной статье правила. Для этого рассмотрим элементы этих правил по отдельности.

1. Разделение класса 2.1 на два подкласса (восходящее, согласно предложенной в п. 4.2.1 гипотезе, к различию в числе мор): 1-й подкласс (*fako, futu, kane, ...*) в позиции N2 даёт композиты без локуса в осакском при N1 = μ и среднеяп. LLLL при N1 = Lx (т. е. при регистре В); 2-й подкласс (*fati, midu, sake, ...*) в позиции N2 даёт композиты с локусом на третьей с конца море в осакском при N1 = μ и среднеяп. LLLF (или LLLH/LLLF) при N1 = Lx.

Стандартная теория обычно объясняет рефлексы классов 2.3, 3.4 и 3.5 в диалектах Киото-типа переходами LL > HL, LLL > NHL, LLH > HLH > HLL (в начальной платформе низких тонов все тоны, кроме последнего, повысились). Если применить этот закон к среднеяп. LLLL и LLLF/LLLH, мы получим, соответственно, LLLL > «пракиотское» *NHL и LLLF > *NHLF > «пракиотское» NHLL (и точно так же для среднеяп. LLLH: LLLH > *NHLH > NHLL). Если же мы инвертируем тоны по Р. Рэмзи, 1-й подкласс давал NHHN_р, а 2-й — NHHN_р/(NHHN_р). Далее, тоновый сдвиг и редукция второй последовательности высоких тонов в предковой стадии диалектов Киото-типа должны были привести к NHHN_р > NHLL и NHHN_р (NHHN_р-Н с клитиками *ga, ni, no, fa*) > *NHLH > *NHLL (и с тем же результатом для NHHN_р: NHHN_р > *NHLL), т. е. получается то же самое, что и для стандартной теории. При N1 = А оба подкласса давали NHHN = LLLL_р, которое регулярно переходит в NHHN в диалектах Киото-типа в рамках обеих теорий.

В современном осакском диалекте 1-й подкласс даёт NHHN при регистре А и LHNN при регистре В (т. е. отсутствие локуса), а 2-й подкласс даёт NHLL при регистре А и LHLL при регистре В (т. е. локус на 2-й море). Безлокусность у 1-го подкласса можно объяснить тем, что она аналогически распространилась из *NHHN (рефлекс в «пра-Киото» при среднеяп. регистре А) на оба регистра осакского диалекта, и таким же образом локус на 2-й море у 2-го подкласса объясняется распространением из *NHLL (рефлекс в «пра-Киото» при среднеяп. регистре В)²⁰. Поскольку обе теории одинаково прямолинейно предсказывают эти *NHHN и *NHLL в «пра-Киото», то и данные осакские рефлексы объясняются ими одинаково удовлетворительно.

2. Выше (в п. 4.2.3 и 4.3) было продемонстрировано, что согласный между предпоследней и последней морями композита влиял на тонирование, если N2 относилось к классам 2.3 и 1.3а, а N1 — к 1.1, 2.1, 3.1, 3.6 или 2.4b (в случае 3.6 и 2.4b — при условии, что происходило «переключение» в Н-регистр). Если этот согласный был сонантом (*m, n, r, y, w*), то все моря таких композитов получали тон Н, а если он был шумным (*f, t, k, s, b, d, g, z*), то последняя мора получала тон L, а остальные — тон Н (т. е. этот согласный влиял на тон идущего после него гласного).

Многочисленные исследования демонстрируют, что звонкие согласные коррелируют с низким тоном, а глухие — с высоким [Bradshaw 1999], например, звонкий согласный может вызывать распространение низкого тона на соседний слог, а глухой согласный — блокировать такое распространение. В связи с этим очень трудно объяснить в рамках стандартной теории, почему в таких композитах тон последнего гласного высокий после сонанта и низкий после глухого, а не наоборот. Японские *b, d, g, z* происходят от сочетаний *Np, *Nt, *Nk, *Ns, поэтому оппозиция «шумный-сонант», наблюдаемая в тоновом поведении классов 2.3 и 1.3а, видимо, восходит к тому периоду, когда в рефлексах *Np, *Nt, *Nk, *Ns не завершилось озвончение. Таким образом, интерпретация тонов по Р. Рэмзи даёт здесь типологически ес-

²⁰ Поскольку регистры А и В в диалектах Киото-типа не связаны напрямую со среднеяпонскими регистрами А и В (ввиду того, что классы 2.3, 3.4, 3.5 стали отличаться по регистру от классов 2.4, 2.5, 3.6, 3.7), подобные аналогические переносы локуса из А в В и/или в обратную сторону так или иначе ожидаемы для процесса формирования нового закона сохранения регистра, действующего в диалектах Киото-типа.

тественную картину: тон Н на последнем слоге после глухого согласного легко объяснить тем, что глухой согласный блокировал распространение низкого тона с предыдущего слога (или вызывал повышение тона конечного гласного).

3. Правила для $\mu\mu\mu\mu$ и $\mu\mu\mu\mu\mu$: $*LLLLL > LLLHL$, $*ННННН > ННННЛ$ (в случае отглагольных имён в позиции N2). В рамках стандартной теории $*ННННН > ННННЛ$ можно попробовать объяснить даунстепом, а $*LLLLL > LLLHL$ — дрейфом в сторону большей «акцентности» (наличие кульминативной вершины слова) или стремлением избежать длинной последовательности тонов L. Интерпретация тонов по теории Р. Рэмзи, возможно, тоже может сводиться к подобным явлениям, но неясно, насколько типологически правдоподобна вставка ещё одного высокого тона на конце длинных слов (например, $*ННННН > *ННННЛ > *ННННН > ННННЛ_p$).

4. Возвращаясь к проблеме запрета на $L-H-L_p$ в РМг*, можно предположить, что на самом деле этот запрет — не более чем следствие процессов правостороннего распространения тона (спрединга), которые «сминали» структуры с двумя и более сменами тона (типа $L-H-L_p$ и $H-L-H-L_p$), сдвигая их вправо, и не затронули среди них лишь $H-L-H_p$ (потому что тон Н плохо поддавался выталкиванию вправо за пределы слова). При этом вполне вероятно, что *miduumi* ННЛН = LLHL_p ‘озеро’ — не исключение, а регулярный рефлекс композитов с N1 = 2.1, N2 = 2.4b (по каким-то неясным причинам композиты с N1 = 2.1, N2 = 2.4b крайне редки в РМг*, *miduumi* — чуть ли не единственный релевантный пример).

5.3. Выводы, сделанные по результатам данного исследования, можно кратко сформулировать следующим образом:

1) разделение классов 2.1, 2.3, 2.4 на подклассы (на два подкласса каждый), а также предположение о влиянии звонкости-глухости согласного последнего слога на тонирование позволяют сформулировать достаточно строго выполняющиеся правила тонирования среднеяпонских композитов;

2) звонкость-глухость согласного последнего слога влияла на тонирование композитов, у которых N2 относилось к 1.3а, 2.3 и, возможно, к 2.5;

3) подклассы классов 2.1 и 2.3 сильно коррелируют с реконструируемой праяпонской структурой последнего слога и — в случае 2.1 — с подклассами класса 2.1, выделяемыми на основании акцентуации композитов в диалекте г. Осака;

4) тон второго слога N1 играет значительную роль при тонировании композитов (вопреки правилам С. Мартина, в которых он практически не учитывается);

5) следует выделять особую группу слов (ряд слов вида R, LH, LHH, которые в качестве N1 иногда сохраняют свой тоновый контур) с R-регистром и двояким поведением в качестве N1;

6) выделение подклассов 2.4а и 2.4b, основанное на корреляции между поведением слов класса 2.4 в первой части композита и их поведением во второй части композита, позволяет также объяснить специфические рефлексы класса 2.4 в части префектуры Сага;

7) предположение о наличии более старого и более нового правил целесообразно в основном лишь для относительно небольшой части материала (для HL + HH > HHLL/HHHH и для R-композигов);

8) переформулировка одного из тоновых правил С. Мартина в виде $*LLLLL > LLLHL$, $*ННННН > ННННЛ$ позволяет сформулировать тоновые правила значительно более простым способом;

9) полученная система тоновых правил для композитов примерно одинаково хорошо совместима с обеими (стандартной и Рэмзи — де Бур) интерпретациями среднеяпонских тонов, но указывает в пользу второй из них.

Источники

Б1 — 1-й том секции Буцу книги Канти-ин-бон
 Б2 — 2-й том секции Буцу книги Канти-ин-бон
 Б3 — 3-й том секции Буцу книги Канти-ин-бон
 Б4 — 4-й том секции Буцу книги Канти-ин-бон
 Дз — Дзусё-рё-бон
 Дзи — Дзикё (Ивасаки-бон)
 Ир — Ироха Дзируйсё (Маэда-бон)
 Кдз — Кбдзан-дзи-бон
 Кн — Канти-ин-бон
 Ман — Манъёсё
 НСК — Нихон Сёки

РМг — Руйдзю Мёгисё
 РМг* — Руйдзю Мёгисё, Дз, Ир и Хо
 С1 — 1-й том секции Сб книги Канти-ин-бон
 С2 — 1-й том секции Сб книги Канти-ин-бон
 С3 — 1-й том секции Сб книги Канти-ин-бон
 Тк — Тинкоку-Сюококу-дзиндзя-бон
 Х1 — 1-й том секции Хб книги Канти-ин-бон
 Х2 — 1-й том секции Хб книги Канти-ин-бон
 Х3 — 1-й том секции Хб книги Канти-ин-бон
 Хо — Хокэжё-гандзи

Литература

- Дыбо 2000 — В. А. Дыбо. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. I. М.: Языки русской культуры, 2001. (Studia philologica).
- Дыбо 2005 — В. А. Дыбо. Работы Е. Д. Поливанова по японским акцентным системам и общая акцентология // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: памяти И. Ф. Вардуля. М.: Восточная литература, 2005. С. 101—176.
- Маэда 1953 — 前田勇, 大阪アクセントの複合法則—四音節無活用語の場合— // 近畿方言, 19, 音声・音韻, 1953. И. Маэда. Ōсака-акусэнто но фукугō-хōсоку: ён-онсэцу мукацуёго но бааи (Акцентные правила композитов в диалекте Осаки: четырёхсложные неспрягаемые слова) // Кинки хōгэн, 19, Онтё, онъин. 1953.
- Морита 1977 — 森田武, 音韻の変遷 (3) // 岩波講座日本語, 1977. Т. Морита. Онъин но хэнсэн (3) (Звуковые изменения (3-я часть)) // Иванами кōдза нихонго. 1977. Т. 5. С. 253—281.
- Мотидзуки 1974 — 望月郁子. 類聚名義抄四種声点付和訓集成. 笠間書院, 1974. И. Мотидзуки. Руйдзю Мёгисё ёнсю-сётэн цуки вакун сёсэй (Компиляция японских чтений (иероглифов) в Руйдзю Мёгисё, снабжённых тоновыми точками четырёх типов). Касама сёин, 1974.
- Сакураи 1976 — 桜井茂治. 中世国語アクセント史論考. 桜楓社, 1976. С. Сакураи. Тёсэй кокуго акусэнто-си ронкō (Очерк истории среднеяпонской тоновой системы). Ōфуся, 1976.
- Сэки 1977 — 関一雄. 国語複合動詞の研究. 笠間書院, 1977. К. Сэки. Кокуго фукугō-дōси но кэнкю (Исследования составных глаголов японского литературного языка). Касама сёин, 1977.
- Умэгаки 1963 — 楳垣実, 音調差異とその法則—京都市方言を例として— // 『国語研究』, 15, 国学院大学, 1963. М. Умэгаки. Онтё-сай то соно хōсоку: Кёто-си-хōгэн о рэй тоситэ (Тоновые различия и их законы: на примере диалекта Киото) // Кокуго кэнкю, 15, Кокугакуин дайгаку, 1963.
- Хирако 2013 — 平子達也. 平安時代京都方言における下降調に関する試論: 観智院本 『類聚名義抄』に見られる平声軽点の粗雑な写しを手がかりにして // 日本語の研究. 2013. Т. 9, № 1. С. 1—15. Т. Хирако. Хэйан-дзидай Кёто-хōгэн ни окэру какётё ни кансуру сирон: Канти-ин-бон Руйдзю Мёгисё ни мирарэру хёсёкэйтэн но содзацу на уцуси о тэгакари ни ситэ (О падающем тоне в диалекте Киото эпохи Хэйан: наблюдаемые в Канти-ин-бон Руйдзю Мёгисё грубо скопированные точки падающего тона) // Нихонго но кэнкю. 2013. Т. 9, № 1. С. 1—15.
- Хирако, Игараси 2016 — 平子達也, 五十嵐陽介. 佐賀県中南部諸方言の二型アクセントについて // 実践国文学. 2016. Т. 89. С. 107—69. Т. Хирако, Ё. Игараси. Сага-кэн тёнамбу сёхōгэн но нигата-акусэнто ни цуитэ (О двухтипных акцентных системах диалектов южной части префектуры Сага) // Дзиссэн кокубунгаку. 2016. Т. 89. С. 107—69.
- de Boer 2010 — E. de Boer. The historical development of Japanese tone. Part I: From proto-Japanese to the modern dialects. Part II: The introduction and adaptation of the Middle Chinese tones in Japan. Veröffentlichungen des Ostasien-Instituts der Ruhr-Universität Bochum, 59. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010.
- Bradshaw 1999 — M. Bradshaw. A cross-linguistic study of consonant-tone interaction. PhD dissertation. Ohio State University, 1999.
- EDAL 2003 — S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Etymological dictionary of the Altaic languages: In 3 vol. Leiden: Brill, 2003.
- Frellesvig 2021 — B. Frellesvig. On otsu-rui Ci₂ and Ce₂ and root-final consonants in Pre-Old Japanese // Studies in Asian Historical Linguistics, Philology and Beyond. Leiden: Brill, 2021. P. 35—48.
- Igarashi 2022 — Y. Igarashi. Reconstruction of Ryukyuan tone classes of Middle Japanese Class 2.4 and 2.5 nouns // Open Linguistics. 2022. Vol. 8, № 1. P. 232—257.
- Ito 2013 — Ch. Ito. Korean accent: internal reconstruction and historical development // Korean Linguistics. 2013. Vol. 15, № 2. P. 129—198.
- JLTT = Martin 1987.
- Kubozono 1995 — H. Kubozono. Constraint interaction in Japanese phonology: Evidence from compound accent // Phonology at Santa Cruz. 1995. Vol. 4. P. 21—38.
- Martin 1987 — S. E. Martin. The Japanese Language Through Time. New Haven; London: Yale University Press, 1987.
- McCawley 1968 — J. D. McCawley. The accentuation of Japanese noun compounds // The Journal-Newsletter of the Association of Teachers of Japanese. 1968. Vol. 5, № 1. P. 1—9.
- Ramsey 1979 — S. R. Ramsey. The Old Kyoto dialect and the historical development of Japanese accent // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1979. Vol. 39, № 1. P. 157—175.
- Shimabukuro 2002 — M. Shimabukuro. A reconstruction of the accentual history of the Japanese and Ryukyuan languages. University of Hawai'i at Manoa, 2002.
- Vance et al. 2021 — T. J. Vance, S. Kawahara, M. Miyashita. The diachronic origins of Lyman's Law: evidence from phonetics, dialectology and philology // Phonology. 2021. Vol. 38, № 3. P. 479—511.
- Whitman 1985 — J. Whitman. The phonological basis for the comparison of Japanese and Korean. PhD dissertation. Harvard University, 1985.

References

- de Boer 2010 — E. de Boer. The historical development of Japanese tone. Part I: From proto-Japanese to the modern dialects. Part II: The introduction and adaptation of the Middle Chinese tones in Japan, Veröffentlichungen des Ostasien-Instituts der Ruhr-Universität Bochum 59. Harrassowitz Verlag, 2010.
- Bradshaw 1999 — M. Bradshaw. A cross-linguistic study of consonant-tone interaction. PhD dissertation. Ohio State University, 1999.
- Dybo 2000 — V. A. Dybo. Morfonologizovannyye paradigmatische aktsentnye sistemy: Tipologiya i genezis. Vol. I. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 2001. {V. A. Dybo. Morphophonologized paradigmatic accent systems: typology and genesis. Vol. I. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2001}
- Dybo 2005 — V. A. Dybo. Raboty E. D. Polivanova po yaponskim aktsentnym sistemam i obshchaya aktsentologiya. In: Aktual'nye voprosy yaponskogo i obshchego yazykoznanija: Pamyati I. F. Vardulya. Moskva: Vostochnaya literatura, 2005. S. 101—176. {V. A. Dybo. E. D. Polivanov's works on Japanese accent systems and general accentology. In: Actual questions of Japanese and general linguistics: In memory of I. F. Vardul. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. P. 101—176.}
- EDAL 2003 — S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Etymological dictionary of the Altaic languages: In 3 vol. Leiden; Brill, 2003.
- Frellesvig 2021 — B. Frellesvig. On *otsu-rui* Ci₂ and Ce₂ and root-final consonants in Pre-Old Japanese. In: Studies in Asian Historical Linguistics, Philology and Beyond. Brill, 2021. P. 35—48.
- Hirako 2013 — T. Hirako. Heian-jidai Kyooto-hoogen ni okeru kakoochoo ni kansuru shiron {On the falling tones in Kyoto Middle Japanese: Miscopied light ping tone marks in the Kanchi-in-bon Ruiju-myogisho}. Kanchi-in-bon Ruiju Myoogishoo ni mirareru hyooshookeiten no sozatsu na utsushi o tegakari ni shite. In: Nihongo no kenkyuu. 2013. Vol. 9, No. 1. P. 1—15.
- Hirako, Igarashi 2016 — T. Hirako, Y. Igarashi. Saga-ken chuunanbu shohoogen no niki-akusento ni tsuite {On the two-pattern accent in the dialects of the south-central part of Saga Prefecture}. In: Jissen kokubungaku. 2016. Vol. 89. P. 107—69.
- Igarashi 2022 — Y. Igarashi. Reconstruction of Ryukyuan tone classes of Middle Japanese Class 2.4 and 2.5 nouns. In: Open Linguistics. 2022. Vol. 8, No. 1. P. 232—257.
- Ito 2013 — Ch. Ito. Korean accent: internal reconstruction and historical development. In: Korean Linguistics. 2013. Vol. 15, No. 2. P. 129—198.
- JLTT = Martin 1987.
- Kubozono 1995 — H. Kubozono. Constraint interaction in Japanese phonology: Evidence from compound accent. In: Phonology at Santa Cruz. 1995. Vol. 4. P. 21—38.
- Maeda 1953 — I. Maeda. Oosaka-akusento no fukugoo-hoosoku: yon-onsetsu mukatsuyoo no baai {The compound accent rules in the Osaka dialect: four-syllable unconjugated words}. In: Kinki hoogen, 19. Onchoo, on'in. 1953.
- Martin 1987 — S. E. Martin. The Japanese Language Through Time. New Haven; London: Yale University Press, 1987.
- McCawley 1968 — J. D. McCawley. The accentuation of Japanese noun compounds. In: The Journal-Newsletter of the Association of Teachers of Japanese. 1968. Vol. 5, No. 1. P. 1—9.
- Mochizuki 1974 — I. Mochizuki. Ruiju Myoogishoo yonshu-shooten tsuki wakun shuusei {A collection of Japanese readings with four-tone marks in Ruiju Myogisho}. Kasama shoin, 1974.
- Morita 1977 — T. Morita. On'in no henshen (3) {Sound change (3)}. In: Iwanami kooza nihongo. 1977. Vol. 5. P. 253—281.
- Ramsey 1979 — S. R. Ramsey. The Old Kyoto dialect and the historical development of Japanese accent. In: Harvard Journal of Asiatic Studies. 1979. Vol. 39, No. 1. P. 157—175.
- Sakurai 1976 — S. Sakurai. Chuusei kokugo akusento-shi ronkoo {On the history of Middle Japanese accent}. Oofuusha, 1976.
- Seki 1977 — K. Seki. Kokugo fukugoo-dooshi no kenkyuu {Research on compound verbs in Standard Japanese}. Kasama shoin, 1977.
- Shimabukuro 2002 — M. Shimabukuro. A reconstruction of the accentual history of the Japanese and Ryukyuan languages. University of Hawai'i at Manoa, 2002.
- Umegaki 1963 — M. Umegaki. Onchoo-sai to sono hoosoku: Kyooto-shi hoogen o rei to shite {Tonal distinctions and their rules: on the example of the Kyoto dialect}. In: Kokugo kenkyuu. 1963, 15. P. 17—65.
- Vance et al. 2021 — T. J. Vance, S. Kawahara, M. Miyashita. The diachronic origins of Lyman's Law: evidence from phonetics, dialectology and philology. In: Phonology. 2021. Vol. 38, No. 3. P. 479—511.
- Whitman 1985 — J. Whitman. The phonological basis for the comparison of Japanese and Korean. PhD dissertation. Harvard University, 1985.

Агентивность японских результативных конструкций: скрытый деятель и семантика состояния

Стрижак Ульяна Петровна,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва);
ustrizhak@hse.ru

В статье рассматриваются японские результативные конструкции с точки зрения степени выраженности в них прототипических агентивных характеристик. Материалом исследования послужили японские лексемные глагольные пары с регулярным семантическим соответствием, в которых непереходному глаголу противостоит переходный глагол. Наличие семантической парности позволяет сопоставить аспектуальные глагольные конструкции с разной агентивной нагрузкой на основе единой знаменательной морфемы. Количественный анализ корпусного материала и его грамматическая интерпретация с привлечением носителей показали, что для японского языка характерно использование субъективной результативной конструкции, отображающей результат, полученный в ходе естественного развития событий, элиминирующей волевое начало и дефокусирующей производителя действия. Результаты анализа значимых расхождений показателей результата внутри и за пределами лексемных пар позволили пополнить комплекс агентивных метрик критерием непарности японских переходных глаголов. Были изучены и неканонические результативные сочетания; на их примере выявлена важность критерия визуальной верификации не только продукта как итога объектного воздействия, но и эффекта совершенного действия, результирующего в состоянии исходного субъекта, в том числе одушевленного. Отдельное внимание было уделено классам глаголов психического воздействия, движения и другим неоднозначно трактуемым в типологической перспективе предикатам результативных сочетаний. Выстроенная шкала агентивности результатов была соотнесена с пространством «состояние — действие», что позволило определить онтологическую сущность доминирующего типа результата в японском языке.

Ключевые слова: японский язык, результатив, агентивность, деятель, состояние, действие, одушевленность, аспектуальность

AGENTIVITY OF JAPANESE RESULTATIVES: IMPLICIT ACTOR AND STATE SEMANTICS

Uliana P. Strizhak, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow);
ustrizhak@hse.ru

This article deals with Japanese resultatives in terms of the degree of prototypical agentive characteristics expressed by their participants. The research material was Japanese lexical verb pairs with regular semantic correspondence, in which an intransitive verb is opposed by a transitive verb. Such semantic pairing makes it possible to compare aspectual verb constructions with different agentive loads based on the same root morpheme. Quantitative analysis of the corpus material and its grammatical interpretation, including commentaries of the native speakers, showed that Japanese is characterized by using subjective resultative constructions which reflects the natural development of events, eliminating the volitivity and defocusing the actor. Discovering significant discrepancies in the indicators of performance within and beyond lexical pairs made it possible to top up the complex of agentive features with the criterion of the non-pairing of Japanese transitive verbs. Furthermore, the study of non-canonical resultatives proved the importance of the criterion of the observable verification of a “product” as the result of the object’s impact as well as of the “effect” of the completed event, resulting in the new state of the original object either animate or inanimate. Special attention was paid to the classes of verbs of mental influence, movement, and other predicates that are ambiguously interpreted in a typological perspective. The constructed agentivity scale of resultatives was correlated with the ‘state-action’ space, which made it possible to determine the ontological essence of the dominant type of resultative in Japanese.

Keywords: Japanese language, resultative, agentivity, actor, state, action, animacy, aspect

Введение

Результативные конструкции¹ широко представлены в языках мира: в научной литературе подробно описаны диатезные, формально-структурные и семантические типы результатов — как в типологической перспективе [Типология 1983; Плулунгян 1989; Тестелец 2001; Сичинава 2014; Аркадьев 2018; Татевосов 2019 и др.], так и на материале отдельных языков. Под результатом обычно понимается специализированная языковая конструкция, которая выражает результирующее состояние, предполагающее предшествующее действие. Результаты часто рассматриваются в соотношении со смежными категориями перфекта, пассива, статива, а также с другими аспектуальными конструкциями, причем многие исследователи отмечают сложность дифференциации данных семантически близких категорий. Так, результаты анализируются в паре с перфектом в диахроническом контексте, описывающем этапы грамматикализации данных категорий и проблемы разграничения омонимии перфекта и результата: в [Шлуинский 2006] на материале карачаево-балкарского языка о связи результата с количественными аспектуальными значениями; в [Сичинава 2008; 2014] на материале литовского, болгарского, хинди и других языков и в [Аркадьев 2018] на материале западнокавказских языков с привлечением европейских о путях развития от объектного результата к пассиву; в [Дундуа 2020] на материале армянского языка об общем «результативно-перфектном прототипе»; в [Типология 1983: 149—160; Падучева 1993; Петрухина, Канэко 2017] на материале русского языка и др. На материале китайского языка результаты рассматриваются в паре с конструкциями длительного вида, совпадающими с ними по способу грамматического оформления, но семантически являются скорее стативами, как указывает С. Е. Яхонтов в [Типология 1983: 67—80]. Японские результативные конструкции также близки к стативам, т. к. содержат глаголы экзистенциальной семантики ‘иметься, существовать’, что примерно соответствует бытийному типу результата, образуемому в разных языках сочетанием причастия и глагола «быть» [Типология 1983: 49]; там же примеры из разных языков, например из немецкого: *Er ist gekommen* как ‘Он есть пришел’; см. также примеры В. А. Плулунгяна на материале языка томмо-со: *nama gè yam-a wò, tèmènagu* ‘мясо испортившись есть, не-ешь’ как ‘мясо протухшее, не ешь его’ [Плулунгян 1989: 61]. Описанное семантическое родство результатов с различными типами стативных конструкций в разных языках побуждает обратить особое внимание на агентивные характеристики субъекта результативной конструкции и других ее партиципантов, а также всего высказывания в целом. В настоящей работе данный аспект будет впервые рассмотрен на материале японского языка.

Японские результаты были выделены и описаны в работах Д. Мацусита (цит. по [Takami, Kuno 2017: 212]), его трактовка с некоторыми корректировками сохраняется в японистике и сейчас; основная дискуссия по вопросам результативной предикации ведется вокруг классификации японских акциональных классов [Киндайти 1976]; далее детальный обзор становления японской аспектуальной грамматикализации, включая результаты, в [Конума 2011: 69—73]; отдельные вопросы затрагивались в обзорах [Shirai 1998: 663—665; Петрухина, Канэко 2017: 23—27] и др. Вопрос совмещения и/или дифференциации стативной, перфектной, результативной семантики в японском языке поставили Н. А. Сыромятников, описавший «страдательный оттенок значения» соответствующих конструкций [Сыромятников 2004 (1978): 210—212], и А. А. Холодович, объединивший перфектное и результативное значение в рамках одного раздела грамматики результативности и определивший результативный перфект или статально-перфектную форму [Холодович 1979: 138—160]. В. М. Алпатов указывает на их функционально значимую семантическую общность с длительностью: «По семантике результирующие сочетания всегда обозначают некоторые длящиеся состояния», а результирующие сочетания с *te aru* называет полностью стативными комплексами [Алпатов 2005: 49—50]. Помимо этого, в японских исследованиях результаты часто рассматриваются в контексте дуративной семантики ([Масуока 1984; Shirai 1998; Сугимура 2003] с описанием радикальных подходов к анализу результатов, где полностью уравниваются результативные и длящиеся состояния; [Takami, Kuno 2017] и т. д.). В целом во многих исследованиях семантика и соответствующее синтаксическое оформление стативности, дуративности, результативности нередко рассматриваются в сопоставлении, а формальные характеристики соответствующих языковых конструкций пересекаются.

В данной статье будут системно описаны японские результативные конструкции с целью определить степень выраженности агентивных характеристик их участников. Таким образом, в японском языкознании, равно как и в работах, выполненных на материале других языков, впервые ставится исследовательский вопрос об агентивной семантике результатов. Следует отметить, что в японском языке результативные конструкции занимают значительную долю предикатных конструкций. Настоящее исследование

¹ Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания по содержанию и структуре работы.

выполнено на материале веб-корпуса Tsukuba (TWC), разработанного совместно Национальным институтом японского языка и лингвистики (NINJAL) и Институтом языка Лаго (NINJAL-LW)², общим объемом 1,1 млрд слов, данные которого показывают, что полисемичная аспектуальная концовка *te iru*, оформляющая наряду с дуративными конструкциями и один из видов результатов, является наиболее употребительной глагольной формой в современном японском языке. Грамматические свойства результатов — валентностная и семантическая вариативность предикатов; наличие и количество обязательных и необязательных партиципентов, а также распределение их актантных ролей; выраженность признаков одушевленности и вовлеченности; скрытая семантика волитивности и намеренности результирующего действия — прототипические агентивные характеристики, и, соответственно, они могут быть рассмотрены как факторы, во многом определяющие агентивность японского высказывания.

Основная выборка данных для настоящего исследования была сформирована из результатов, образованных от лексемных глагольных пар с общей корневой морфемой; такую пару А. А. Холодович назвал суперлексемой, и этот активно используемый в японистике термин мы будем применять в данной работе. Под суперлексемой понимается лексемная глагольная пара с регулярным семантическим соответствием, в которой непереходному глаголу противостоит переходный глагол. Такой тип глагольного материала был выбран в качестве основного, т. к. он соответствует и формальному, и семантическому требованиям, предъявляемым к предикатам результативных конструкций. Кроме того, свойства лексемной пары «непереходный + переходный глаголы» дают возможность провести количественный и качественный сопоставительный анализ соотношения субъектного и объектного результата, а также некоторых смежных конструкций на материале одной и той же морфемы. Помимо этого, в работе будут последовательно рассмотрены случаи образования результатов от предикатов психического воздействия и предикатов движения, т. к. они имеют особые семантические и синтаксические характеристики в японском языке.

В первом разделе статьи представлена общая семантика японских результатов. Второй раздел включает системное описание предикатов японских результативных конструкций, в том числе особых групп глаголов психического воздействия и движения, а в третьем проанализированы случаи отклонения от описанных в первых разделах прототипических вариантов. Четвертый раздел посвящен анализу характеристик субъекта результативных конструкций, в частности с учетом вариативности их падежного оформления. Далее, согласно цели работы, выделенные виды анализируемых конструкций выстраиваются на шкале по степени возрастания агентивности соответствующих сочетаний, что демонстрирует разницу в степени выраженности у них агентивных признаков.

Для данного исследования из корпуса TWC методом сплошной выборки по принципу убывания частотности были отобраны 50 лексемных пар (см. Приложение); общий объем исследуемого материала составил 10 063 282 употребления. Каждая лексемная пара была проверена на способность образовывать результативные конструкции; помимо этого, были изучены контексты их употребления. Примеры корпусных вхождений, в том числе с расширенным контекстом, не только легли в основу итогового вычисления соотношения японских результатов с разными агентивными характеристиками в ходе количественного анализа данных, но и неоднократно были использованы в процессе описания семантики результативности в японском языке для иллюстрации и контекстно-обоснованной интерпретации примеров. К исследованию были привлечены информанты — носители японского языка³ для комментирования и интерпретации теоретических положений и результатов корпусных проверок.

1. Результативные конструкции в японском языке

Результатив в японском языке образуется путем присоединения к глаголу предшествования бытийных глаголов *iru* ‘иметься (об одушевл.)’ и *aru* ‘иметься (о неодушевл.)’ в их аспектуальном значении⁴. Соотнесенность знаменательного глагола *iru* с одушевленными, а *aru* — с неодушевленными субъектами была утеряна в ходе грамматикализации, хотя в некоторых случаях унаследованная экзистенциальная семантика живого и неживого оказывает влияние на структуру результативных конструкций, о чем будет сказано ниже. Получившаяся конструкция обозначает результат изменения, произошедшего

² <https://tsukubawebcorpus.jp/> Все примеры в работе, если не указано иное, были взяты из этого источника.

³ В опросе информантов приняли участие три носителя японского языка. Прямые цитаты информантов оформлены в тех же кавычках, что и цитаты из литературы.

⁴ Глагол *oru*, пересекающийся в данном аспектуальном значении с глаголом *iru*, не будет рассматриваться в настоящей работе, т. к. в TWC он не включается в результативные конструкции и описывается преимущественно в этикетных контекстах, а также в силу своей функциональной синонимичности с *iru* и малой употребимости.

в ходе состоявшегося намеренного действия, что требует соблюдения двух условий: результатив преимущественно образуется от 1) моментальных или предельных глаголов, т. к. процессуальная семантика не всегда обеспечивает возможность логического завершения действия и перехода в результирующее состояние; 2) глаголов с семантикой воздействия (иначе не будет оснований для изменения и перехода в новое состояние). Эти условия в целом формируют прототипическую результативную конструкцию, но в типологической литературе описаны варианты образования результативов и от неопределенных глаголов [Плунгян 1989]; такие случаи также будут отдельно рассмотрены и проверены на материале японского языка с точки зрения выраженности агентивных признаков у партиципантов как в нормативных вариантах, так и в маргинальных.

Описываемая в результате ситуация может затрагивать разных ее участников, поэтому выделяют два его вида: субъектный и объектный. Следует отметить, что А. А. Холодович выделяет и третий вид результата — локативный, по типу ‘Я собрал вещи в коробку — Коробка существует в состоянии, когда в ней собраны вещи’ [Холодович 1979: 150—151; пример наш. — У. С.], а также говорит о теоретической возможности образования подобных конструкций с разными партиципантами: «можно сказать, что результативов может быть столько, сколько имеется разных участников ситуации» [там же: 141]⁵; такие случаи в используемом корпусе обнаружены не были.

Субъектный результатив вследствие самостоятельности исполнения изменяющего действия образуется от непереходных глаголов путем присоединения *iru*, а объектный — от переходных глаголов присоединением *aru*. Соответственно, результат воздействия «находиться в сумке» в японском языке можно передать двояко: *kaban ni haitte iru* (непереходный глагол *hairu* ‘входить’ + *iru*) или *kaban ni irete aru* (переходный *ireru* ‘вкладывать’ + *aru*). Первый вариант — это отображение результата, полученного в ходе естественного развития событий, без связи с производителем действия; второй вариант подразумевает наличие логического субъекта⁶: кто положил, а также имплицитно цель: зачем положил.

Объектный результатив часто сопоставляется с аспектуальным значением подготовленности действия, выражаемым модификатором *te oku* (об этом см. отдельные исследования [Сугимура 2003] и [Кондо 2018: 102—107]; разбор ошибок, связанных со смежностью результативной и подготовительной семантики см. в [НГД 2010: 421—422] и др.). Действительно, обе конструкции кодируют одну и ту же связку действие — результат, но при этом фокусируются разные фазы ситуации: *te oku* высвечивает действие, а *te aru* — результат, что, соответственно, обуславливает их разную агентивную нагрузку. Помимо разницы в степени выраженности деятеля (поверхностное в первом варианте и скрытое во втором), их употребление определяется как семантикой предиката: **wasurete oita* неграмматично, т. к. кошелек не может быть ‘забыт намеренно’, а ‘обнаружиться забытым’ в результате *wasurete atta* — может, — так и требованиями к субъекту, который должен обладать выраженными агентивными признаками: дерево может лежать, будучи повалено намеренным воздействием лесоруба, но не намеренным воздействием ветра. Краткий обзор этой аспектуальной концовки в сопоставительном аспекте будет приведен в конце работы, где мы опишем перспективы возможного дальнейшего изучения фактора агентивности в рамках японской аспектуальности.

С точки зрения выраженности агентивных признаков важно разграничивать также семантику результативности и пассива. В типологической литературе отмечается корреляция результативных и пассивных конструкций. Так, Я. Г. Тестелец указывает, что «пассив во многих языках часто одновременно имеет результативное значение», различить которое можно, например, с помощью обстоятельственных выражений: *Крепость все еще осаждена противником* (обстоятельство *все еще*, не сочетающееся с формами со значением действия, указывает на значение состояния)» [Тестелец 2001: 421]. В. П. Недялков говорит о пересечении «интересов» результатива и пассива: «результатив от переходных глаголов, как правило, обозначает состояние, носителем которого является объект действия, поэтому субъекту исходной конструкции не оказывается соответствия в конструкции с результативом» [Типология 1983: 13].

⁵ Действительно, гипотетически можно представить *целевой результатив* (понимая цель как семантическую роль goal и принимая за результат достижение цели — как в прямом, так и в переносном значении): ‘Ветер бросил песок мне в лицо (цель) — Мое лицо в состоянии обсыпанности песком’; но из-за запрета на синтаксическую реализацию агенса здесь возникает потенциальный конфликт, связанный с наличием неодушевленного каузатора, проблемы с разграничением локативных и целевых аргументов и т. д. Еще сложнее представить *инструментальный результатив*, который высвечивал бы изменения, произошедшие с причиной или орудием выполняемого действия.

⁶ В данной работе мы будем использовать понятия *логический* и *синтаксический субъекты*, понимая первый как субъект пропозициональной структуры высказывания (или исходный, логически подразумеваемый деятель, не всегда эксплицируемый), а второй — как субъект поверхностной языковой структуры; то же — применительно к объекту.

Японские исследователи также признают данное сходство с точки зрения синтаксического возвышения объекта [Масуока 1984: 129—131; Kishimoto 2017: 482 и др.], но указывают на два принципиальных отличия. Во-первых, семантическое отличие: пассив кодирует не только ситуации прямого воздействия, но и любые процессы и состояния. Во-вторых, формальное: возвышаемый в результате объект, в отличие от пассива, не обязательно входит в аргументную структуру основного глагола, что требует наличия дополнительных аргументов (участников). Эти два фактора обуславливают более высокую агентивность результата даже при запрете синтаксического проявления агенса, т. е. исходного субъекта (возможно, вернее даже будет обратное — запрет на агенс является следствием его сильной выраженности в грамматических признаках результативного предиката). Для проверки данного положения мы попросили информантов сравнить два варианта предложения ‘Письмо написано’: в виде результативной конструкции *Tegami ga kaite aru* и в виде пассивной *Tegami ga kakarete iru*. Комментарии информантов показали, что в первом случае явно ощущается деятель, например: «чувствуется *kaita jimbutsu no koi* ‘действие человека, который написал письмо’»; во втором было единодушно отмечено: «не чувствую, кто это сделал», «здесь в первую очередь виден собственно предмет, *bun sono mono* ‘предмет — письмо или текст как таковой’». Представляет интерес развернутый комментарий информанта о связи с сознанием: «Во втором варианте, наверное, есть человек, который это написал; но это только если специально задуматься над этим». То есть на глубинном уровне возможно разделение степеней присутствия агенса в пропозициональной структуре высказывания; и в результативных конструкциях деятель ближе к потенциальному выходу на поверхность высказывания. Этот вывод о более высокой агентивной нагрузке объектного результата по сравнению с пассивом может помочь точнее определить место результатов на континуальной шкале агентивности предикатов.

Далее последовательно будут рассмотрены ограничения, накладываемые на предикат и субъект результативных конструкций, строгость их выполнения и возможные случаи отклонения от прототипа, обусловленные вариативностью выраженности в них агентивных признаков.

2. Предикат японской результативной конструкции

Как было сказано выше, результативы образуются от предельных или моментальных глаголов, которые имеют в своем значении логический предел, толкуемый в аспектологии двояко: как начальная точка перехода в новое состояние по достижении предела (в понимании А. А. Холодовича, который ввел понятие степени свободы и определил предельность единственно возможным результирующим состоянием; этих же взглядов на предел придерживаются японские лингвисты) или как конечная точка совершения действия, по Ю. С. Маслову, который выделяет, помимо внутренней, еще и внешнюю предельность, когда действие достигает предела в силу внешних условий [Маслов 2004: 29—30, 32]. Природа предельности в этих случаях различна: внутренняя, изначально свойственная глаголу в первом варианте и обусловленная внешним фактором — невозможностью продолжать действие далее — во втором⁷. Семантика предела и момента во многом схожа (с некоторой долей условности скажем, что любой предел может стать моментом в зависимости от длительности предшествующей фазы), т. к. в описываемой ситуации главное, чтобы наступило изменения состояния в определенный момент времени, что позволяет объединить предельные и моментальные глаголы в одну подгруппу при рассмотрении результата⁸.

В зависимости от акционального класса основного глагола японские результативные сочетания с *te iru* могут быть интерпретируемы двояко: присоединение к процессуальным глаголам дает прогрессив, а к предельным и моментальным — результатив. Сочетания прогрессива мы также рассматриваем в ходе исследования и включим их в материал для итогового количественного анализа, т. к. вместе с результативами они образуют триаду *сделал — его сделано — оно сделано*, общую по составу участников (в разной степени эксплицированности и, как следствие, различной по агентивности) и поэтому наглядно дифференцирующую способы отображения одного и того же фрагмента действительности. Четвертая

⁷ Для понимания сущности результата эта разница не имеет принципиального значения, но данное положение значимо для общего представления японского подхода к описанию процессов и событий в целом: в японском подходе предел понимается не как конец *действия*, а как наступление *состояния*.

⁸ Критической точкой дифференциации предела и момента может служить проверка на образование прогрессива, результаты которой, впрочем, не всегда могут быть интерпретированы однозначно, т. к. часто обусловлены контекстом. Так, глагол *kuwaeru* ‘добавлять’: *hon o kuwaete iru* — предшествующая динамическая фаза (добавить книгу, например, к имеющимся) ничтожно мала, книга добавлена «в моменте», что дает результатив ‘книга добавлена’; или *shio o kuwaete iru* ‘добавлять соль (в суп при готовке *постепенно, по мере необходимости*)’ — в силу процессуальности ситуации сочетание может пониматься как прогрессив.

комбинация данной парадигмы (непереходный глагол + *aru*) является невозможной, на что указывает А. Миядзи в грамматическом описании ошибочных употреблений языковых конструкций 1956 г. (цит. по [Tsujiura 2007: 438]): сочетания «переходный глагол + *iru*» и «непереходный глагол + *aru*» не допускают вариаций, поскольку их «абсолютный и уникальный грамматический статус не подвергается сомнениям». Объясняется это тем, что *aru* не присоединяется к непереходным глаголам, т. к. скрытый деятель не может входить в аргументную структуру результативной конструкции одновременно и как субъект, и как объект (пример от информанта):

- (1) **Ji ga kiete aru.*
 знак NOM исчезать.INTR иметься.OB.RES
 ‘Знаки *{исчезли + стерли}’.

Тем не менее такие нетривиальные случаи в современном японском языке встречаются и будут рассмотрены ниже.

Стаивные глаголы, будучи ориентированными на носителя состояния, могут образовывать только субъектные результативы, но и это представляется затруднительным в силу уже выраженной в них ставивной семантики. Они немногочисленны; к ним мы отнесем и так называемые «глаголы четвертого типа», выделяемые Х. Киндайти [Киндайти 1976: 9] для обозначения ингерентного, сущностного свойства субъекта: *sobieru* ‘возвышаться’, *sugureru* ‘быть выдающимся’, результативы от которых он называет «квазирезультативами», т. к. в таких случаях отсутствует предшествующая фаза разворачивания действия. Их исходный глагол обозначается как «фикция», необходимая лишь для внесения в словарь [Холодович 1979: 157—160], что может говорить об их парадигматической дефектности. Некоторые глаголы этой группы, связанные с изменяемыми характеристиками человека, также могут образовывать сочетания с двояким прочтением в силу того, что в их значение одновременно входит как состояние, так и наступление этого состояния. Пример и комментарий от информанта:

- (2) a. *Hito wa futotte iru.*
 человек TOP толстеть.INTR.DUR
 ‘Этот человек толстый’
 «описание внешности; толстый здесь — это прилагательное».
- b. *Hito wa <nikagetsu de 3 kiro> futotte iru.*
 человек TOP два месяца TEMP 3 кг толстеть.INTR.SUB.RES
 ‘Этот человек потолстевший’
 «это результат его усилий за 2 месяца усиленного питания».

В (2b) результативное прочтение обеспечивается четко обозначенным промежутком времени. Если же в семантике имеется только значение состояния, например *mieru* ‘виднеться’, то результатив *miete iru* ‘виднеться’ подчеркивает или актуальность состояния относительно говорящего, или интенсивность выраженности признака.

К этой же группе квазирезультативов можно отнести случаи, когда даже при наличии предиката из подходящего — предельного — класса исходная ситуация результирующего состояния трудно представима в силу невыраженности субъекта — он теоретически возможен, но его участие в ситуации не ощущается:

- (3) a. *Kugi ga magatte iru.*
 гвоздь NOM изгибаться.INTR иметься.SUB.RES
 ‘Гвоздь гнутый (согнут)’.
- b. *Michi wa migi ni magatte iru.*
 дорога TOP вправо изгибаться.INTR иметься.[?]SUB.RES
 ‘Дорога поворачивает вправо’ [Конума 2011: 76]⁹.

Рассмотрим данные варианты с точки зрения наличия у участников агентивных признаков: вынесенный за пределы как синтаксической, так и пропозициональной структуры скрытый исходный деятель может изогнуть как *гвоздь*, так и, с некоторой долей условности, *дорогу* (например, в момент ее прокладывания). Но информанты оценили потенциальный исходный вариант в (3a) как приемлемый, а ситуацию в (3b) назвали «труднопредставимой», отметив, что состояние изогнутости «ассоциируется прежде

⁹ Ю. Конума использует данный пример для демонстрации других грамматических характеристик, отличных от предмета исследования настоящей работы.

всего с собственными частями тела человека или мелкими подручными предметами»; «мне трудно представить, кто мог бы иметь к этому (изгибанию дороги) отношение». Такую необходимую когнитивную сопряженность ситуации, ее участников и говорящего можно обозначить как *вовлеченность*, что является одним из важных признаков агентивности. Здесь же она в сознании носителей не выражена, поэтому при описании изгиба дороги результативное прочтение затруднительно, а квазирезультатив, в свою очередь, лишает ситуацию «труднопредставляемого» участника и тем самым снижает агентивность высказывания. Итак, можно резюмировать, что в описании результирующего состояния в японском языке в разной степени участвуют не только предельные и моментальные, но и стативные глаголы, все несущие разную агентивную нагрузку.

Вторым требованием к предикату результативных конструкций является наличие в глаголе семантики изменения состояния или локации объекта. Данное семантическое ограничение относительно японского языка в строгом варианте было выдвинуто С. Миягава в 1989 г. и дополнено Т. Кагэяма в 1996 г. (цит. по [Takami, Kuno 2017: 214]). Позднее это положение обсуждалось и корректировалось; так, К. Таками и С. Куно частично опровергают ограничения, накладываемые в указанной работе на глаголы нанесения удара из-за отсутствия конкретного результата, приводя в пример ситуацию у массажиста, который перед сеансом задает вопрос «размяты ли у вас плечи?», употребляя глагол *tataku* ‘стучать, хлопать, бить’ в результативной форме: *tataite arimasu ka* [ibid.: 215—216].

Для проверки этого положения мы проанализировали количество вхождений в TWC объектных результатов от глаголов с похожей семантикой: 1) *nigiru* ‘сжимать, <крепко> держать в руке’ и 2) *osu* ‘нажимать, давить’. Обнаружилось, что первый глагол дает всего пять вхождений (из 24 649), и показателен контекст вхождения — все они связаны с процессом изготовления суши, т. к. именно этим глаголом описывается действие мастера во время их приготовления: сжимание горсти риса в руке для придания ему определенной требуемой формы; т. е. на выходе действительно имеется измененное состояние в виде конкретного продукта. Со вторым глаголом ситуация сложнее, т. к. с точки зрения обозначения результирующего состояния он неоднозначен: что может считаться *результатом* после *надавливания*? Логично представить в составе данной конструкции нажатие кнопки в каком-либо устройстве, которое обусловит легко верифицируемый результат в виде его включения; сложнее представить конкретный результат в случае, если нажали на плечо человека. И действительно, 187 вхождений объектного результата (из 49 190) распределились следующим образом: 184 употребления представили *результат* в виде печатей, отпечатков, штемпелей и прочих разнообразных оттисков (один случай *oshite aru hana* ‘придавленные, нажатые цветы’ потребовал дополнительного рассмотрения расширенного контекста, показавшего, что речь шла о специальном виде ремесла с использованием засушенных под прессом цветов); только в трех случаях было зафиксировано переносное значение данного глагола с косвенным воздействием на человека: два случая давления на оппонента (в составе коллокации *убедительно аргументировать*) — описание хода дебатов в министерстве и аргументации спортивного тренера, а также один случай оставленного *отпечатка в душе человека*. При этом показательно, что собственно человек (как и отдельные части его тела) ни разу не стал объектом прямого воздействия в рамках таких конструкций: очевидно, **нажатое плечо*, **подталкиваемый человек* и т. д. трудно представимы как результирующие состояния. В итоге можно констатировать, что результат давления, сжимания, толкания и других вариантов не финализирующегося в явном виде сильного физического воздействия трудно верифицируем, но не исключаем — в определенных обстоятельствах ‘отпечаток в душе’, ‘размятые плечи’, ‘сжатая рука’ (как результирующий показатель, например, сильного чувства сжимающего) могут служить конечной точкой одного состояния и началом перехода в другое, как того требует семантика результата.

Помимо глаголов нанесения удара, С. Миягава также исключает возможность образования объектных результатов от глаголов психического воздействия [ibid.: 214—215] по той же причине отсутствия фиксируемого результата. К. Таками и С. Куно в ответ на его запрет употребления в объектном результате глагола *homeru* ‘хвалить’ приводят следующий контрпример с расширенным контекстом (после концерта руководитель уточняет, имеются ли *еще непохваленные дети*):

- (4) *Joshu: Taroo kun to Natsuko san wa homete arimasu*
 Помощник: Таро и Нацуко TOP хвалить.TR иметься.OB.RES
ga, Hanako san wa mada homete arimasen.
 но Ханакано TOP еще хвалить.TR иметься.OB.RES.NEG
 ‘Taro and Natsuko have (already) been praised, but Hanako hasn’t been praised yet’.

Пример (4), по мнению К. Таками и С. Куно, является грамматичным, несмотря на то что здесь нарушается не только ограничение в семантике предиката, но и запрет на одушевленность логического объекта (об этом подробнее далее). Очевидно, это можно объяснить тем, что *дети* понимаются здесь как

показатель *результата* одобряющих действий руководителя. Данное положение, на наш взгляд, требует дополнительной проверки.

Для этого проанализируем на корпусном материале возможность рассмотрения глаголов психического воздействия как предикатов, кодирующих результирующие состояния каузативных процессов. С одной стороны, психическое воздействие, несомненно, демонстрирует наличие как каузативной, так и результативной семантики: эмоциональные состояния предполагают предварительно разворачивающиеся действия, приводящие к наступлению предела, т. е. к точке вхождения в результирующее эмоциональное состояние (на материале русского языка в сопоставлении с осетинским С. Г. Татевосов подробно описывает такой механизм дескрипции результирующего состояния, когда «в русском языке оно возникает как денотат грамматического элемента, получающего фонологическую реализацию с помощью префикса» [Татевосов 2019: 47]; Е. В. Петрухина описывает возможность концептуализации статических состояний, обозначаемых глаголами *по-любить*, *воз-ненавидеть*, *за-хотеть* и т. д., как *событий* «при помощи фазисной префиксации, сопровождаемой перфективацией глагола» [Петрухина, Канэко 2017: 328]). То есть выполняются оба условия, предъявляемые к предикатам результативных конструкций. С другой стороны, *человек* как логический объект результата, будучи при этом экспериментером психического воздействия по своей семантической роли, скорее должен быть возвышен как наиболее значимый элемент высказывания с помощью продвижения в фокус внимания и соответствующую позицию пациенса в страдательном залоге. А описываемая выше, приписываемая *человеку* в составе результативной конструкции роль *результата воздействия*, особенно в случае неодушевленного деятеля (а нас часто приводят в соответствующие эмоциональные состояния различные события, стихийные явления, предметы и т. д.), нарушает принятую в японском языке когнитивную иерархию первостепенности человека как центра разворачивания события, имплицитно наличие неодушевленного каузатора.

Итак, для проверки мы отобрали предикаты психического воздействия, которые можно отнести к группе предельных глаголов, т. к. в их основе лежит процесс психической каузации, подразумевающий результат в виде доведения объекта до какого-либо состояния или вызывания у него каких-либо эмоций: *odorokasu* ‘удивлять’, *nagusameru* ‘утешать’, *nayamasu* ‘беспокоить’, *sainamu* ‘терзать’, *kurushimeru* ‘мучить’, *yorokobasu* ‘радовать’, *tanoshimeru* ‘веселить’, *bujoku suru* ‘оскорблять’, *kizutsukeru* ‘ранить’, *uragiru* ‘предавать’, *korashimeru* ‘качать’, *kansha suru* ‘благодарить’, *shikaru* ‘ругать’, *togameru* ‘укорять’, *otoshiireru* ‘вовлечь’, *homeru* ‘хвалить’, *hagemasu* ‘вдохновлять’, *sasou* ‘увлекать’, *obi yakasu* ‘пугать’. Корпусная проверка данной группы глаголов на их сочетаемость с *te aru* показала, что первые 15 из них не образуют ни одного результативного сочетания. Считаем, что это может быть связано не только с описанной выше обязательной одушевленностью субъекта в случае психической каузации, но и с неопределенностью финальной результирующей точки, а именно, сложностью ее визуальной верификации: результат психического воздействия может быть никак не проявлен внешне. Действительно, следующие варианты даже при наличии обстоятельственных выражений, уточняющих достижение предела, представляются недостаточно грамматичными как раз в силу этой причины: *’bujoku ni shite aru* ‘<из-за этих разговоров я в конце концов> пришел в оскорбленное состояние’; *’yorokobashite aru* ‘она <увидела его и мгновенно> оказалась в состоянии радости’. Оскорбленное или радостное состояние может быть выражено на лице, с помощью телодвижений, словесно, но может быть и не выражено вовсе, если человек переживает это чувство глубоко внутри себя. Здесь же нарушается еще одно правило, выдвинутое К. Таками и С. Куно в рамках функционального подхода к описанию результатов: *важность* (significance; в приведенной в начале работы классификации агентивных признаков мы называем это *вовлеченностью*) — если человек хорошо владеет собой, то результаты психической каузации будут не видны и, как следствие, труднооцениваемы с точки зрения их значимости для субъекта, что затрудняет их результативнообразующую продуктивность¹⁰.

Тем не менее в корпусе встретилось несколько вариантов объектного результата с глаголами психического воздействия; приведем некоторые из них. Глагол *homeru* ‘хвалить’: восемь вхождений, в трех случаях похвалены люди или животные (работа переводчика, школьники, животное), в пяти случаях — неодушевленные объекты (книги, город). По одному вхождению обнаружилось с тремя глаголами: *hagemasu* ‘вдохновлять’ (в описании дружеских отношений молодых людей, которые *o-tagai ni hagemashite atte gambatte ita* ‘стараятся, будучи взаимно ободренными друг другом’); *sasou* ‘увлекать’ (в описании военной стратегии *sankaoru wa teki o sasotte aru* ‘врага было привлечено на запах’);

¹⁰ В арабском языке, напротив, эмотивные глагольные предикаты являются одним из самых употребительных лексических классов, образующих результативы; В. С. Храковский объясняет это так: «Каузируемое эмоциональное состояние визуально не наблюдается, но о его наличии свидетельствует внешний вид, речь и поведение человека» [Типология 1983: 172].

obi yakasu ‘пугать’ (в описании угрожающего поведения с у п р у г о в при разводе, когда одна из сторон *obi yakashite arimasu* ‘была напугавшись’ требованием о выплате денежной компенсации). В целом результаты корпусной проверки и комментарии информантов показали допустимость образования результатов от глаголов психического воздействия (с некоторыми оговорками, связанными с силой эмпатического фактора в японском языке).

Особую группу в японском составляют глаголы д в и ж е н и я; они имеют в основном аккумулятивное управление (в случае предикатов с исходной семантикой допускается аблативное, как в примере (5)) и образуют конструкции, которые принято преимущественно трактовать как результативы, несмотря на их выраженную процессуальную составляющую: *dete iru* не ‘находиться в процессе выхода’, а ‘находиться где-то в результате выхода’. Трудноразличимость результативного и прогрессивного значений обуславливается, с одной стороны, наличием локативного партиципанта, который часто выступает целью движения и его внешним пределом, что позволяет отнести данные глаголы к предельным, а с другой стороны, разностью длительности динамической фазы перемещения: изменение локации может пониматься не только как моментальное *выйти из дома*, с четко обозначенным пределом в виде порога дома, который пересекается одномоментно, но и как процессуальное с невыраженным пределом, что затрудняет результативное прочтение. Такой пример приводит Н. Цудзимура, опровергая тезис С. Кита о невозможности прогрессивной интерпретации глаголов входа и выхода в японском языке [Tsuji-mura 2002: 168], контекстно расширяя нерезультативное, по мнению С. Кита, сочетание ‘*лошадь выходит из конюшни’ путем акцентирования актуальности происходящего действия:

- (5) *Uma ga ima umagoya kara dete iru (no o mite goran).*
 лошадь NOM сейчас конюшня ABL выходить.SUB.RES (subst ACC смотреть.IMP)
 ‘(Смотрите,) лошадь сейчас выходит из конюшни’.

Как сказано выше, исходная конструкция в (5) (без учета возможного контекстного расширения в скобках) не может кодировать ситуацию перемещения, а просто демонстрирует изменение состояния как результат — действительно, такое высказывание проходит проверку и на одну степень свободы по А. А. Холодовичу (процесс *deru* ‘выходить’ может закончиться только выходом), и на невозможность продолжения действия по Ю. С. Маслову (вышел — действие завершилось); но в расширенной трактовке Н. Цудзимура динамическая фаза оказывается достаточно длинной для прогрессивной интерпретации. Это показывает, что аккумулятивное оформление глаголов движения в японском языке дает возможность как результативной, так и прогрессивной интерпретации их сочетаний с *te iru* и *te aru*.

Итак, можно констатировать, что в японском языке к образованию объектного результата допускаются любой глагол, который способен управлять прямым дополнением, даже если в нем не выражена семантика воздействия. Далее будут рассмотрены случаи еще более выраженного отклонения от прототипа результативной конструкции — употребление в них непереходных глаголов, которое, согласно некоторым японским исследователям, постепенно приближается к норме в современном японском языке.

3. Неканонические объектные результативы в японском языке

Образование объектного результата от непереходных глаголов, как было сказано в начале работы, не допускается как в классических, так и в современных грамматических описаниях, однако примеры таких употреблений были встречены нами и в корпусе TWC, и в научной литературе. Н. Цудзимура называет подобные способы образования результатов «инновационными» за счет их неканоничности; в ее работе была описана тенденция к увеличению случаев нарушения канонического оформления результативных конструкций и приведены примеры неграмматичного употребления непереходных глаголов с *te aru*, встречающиеся в современных японских текстах все чаще [Tsuji-mura 2007: 442], в следующем виде: *Komichi ga hashitte aru* (неперех. *hashiru* ‘бежать’ + *aru*) ‘A small path is running’.

В упомянутой работе высказывается предположение, что одним из объяснений этой языковой аномалии изначально может служить часто встречающаяся среди носителей языка в современной языковой практике речевая ошибка формального характера (смещение глаголов внутри одной суперлексемы), которая обусловлена нерегулярностью и высокой вариативностью образования лексемных пар в японском языке. С другой стороны, это может свидетельствовать о возрастающем стремлении языка к прогрессивной интерпретации — тогда происходит смешение и/или унификация значений вспомогательных аспектуальных модификаторов. Истоки этого явления восходят еще к 70-м гг. XX в.: в работах Ё. Морита упоминается эффект «накопления результата» в ситуациях неканонического оформления результата (цит. по [Масуока 1984: 128]), где далее развивается это положение и признается грамматичным, напри-

мер, следующее предложение: *Sakuya juubun nete aru node, shinpai wa iranai* ‘Вчера ночью я достаточно выпался (неперех. *neru* ‘спать’ + *aru* как ‘выспавшийся’), так что можно не беспокоиться’. Допустимость здесь аргументируется тем, что «накопленный эффект сна обеспечивает текущее нормальное состояние субъекта» [там же: 130].

У К. Таками и С. Куно такие высказывания обозначаются как «условно приемлемые» [Takami, Kuno 2017: 224—226]: *Daigaku jidai ni juubun asonde arimasu kara, korekara wa shigoto ni sennen shimasu* ‘<Результат времяпрепровождения таков, что> я, вдоволь нагулявшись в студенческие годы, <в результате имею накопленную физическую и душевную силу и> теперь могу сосредоточиться на работе’ (неперех. *asobu* ‘развлекаться’ + *aru* как ‘вдоволь наразвлекавшийся’). Дальнейшее развитие данная интерпретация получила в работах А. Кондо, где подобное неканоническое оформление признается уже полностью грамматичным: «предшествующее действие порождает не продукт, но “длящийся эффект”, дающий результат в виде перехода в новое состояние и обеспечивающий его» [Кондо 2018: 104]: *Kono michi wa nankai mo aruite aru kara, tochiu no yousu wa yoku wakatte iru* ‘В результате многократного прохождения этого пути хорошо знаю, что тут вокруг’ (неперех., движ. *aruku* ‘идти пешком’ + *aru* как ‘исходивший’).

Данные примеры демонстрируют такой существенно значимый параметр результативных конструкций, как визуализация результата: она легко обеспечивается в нормативных вариантах (результат = продукт) и труднее — в неканонических (результат = эффект), т. к. эффект трудноверифицируем, тем не менее получившийся результат должен быть вычленим в каком-либо виде. К. Таками и С. Куно в случаях затруднений с верификацией предлагают компенсировать отсутствие видимого результата личным засвидетельствованием (evidence), иначе основания для фокусировки результата — уже оттанцевавших детей — в следующем предложении отсутствуют: **Kodomotachi ga butai de odotte aru* ‘The children have danced on the stage’ (от неперех. *odoru* ‘танцевать’) [Takami, Kuno 2017: 225]. Действительно, внешние признаки (раскрасневшиеся лица) или местоположение детей (уже спустились в зал после выступления) не могут полностью гарантировать завершенность действия; это тоже должно быть подтверждено личным знанием о том, что лица раскраснелись не в результате беготни за сценой или что еще не выступившие дети ждут своей очереди за кулисами, а не в зале. В типологической литературе встречаются подобные описания на материале других языков: так, В. А. Плунгян на результативном материале языка томмо-со в описании ситуаций, не имеющих естественного результата (естественность здесь трактуется в классическом понимании этого термина в [Типология 1983] как единственность и предсказуемость), определяет эти свидетельства как «наблюдаемые признаки»: P_{res} описывает ситуацию, когда «в момент речи существуют такие (наблюдаемые) признаки, которые свидетельствуют о том, что до момента речи имело место P », и приводит примеры похожих признаков состоявшихся действий — ‘он бежав есть’ интерпретируется информантами как ‘запыхавшийся’; ‘он певши есть’ предлагается для описания ситуации ‘у него сел голос’ [Плунгян 1989: 61—62].

Данные количественного анализа используемой в настоящей работе корпусной выборки из 50 самых частотных лексемных пар продемонстрировали, что доля неканонических конструкций с объектным результативом стремится к нулевым показателям; 38 из 50 анализируемых суперлексем дали ничтожно малые значения в диапазоне от $9,95E-05$ до 0; у 11 вхождений показатель частотности составил более высокий, но все равно недостаточно значимый показатель $\leq 0,001$ ¹¹. Было обнаружено, что самый употребляемый непереходный глагол с *aru* (единственное вхождение с показателем частотности $> 0,001$, или 0,12 %, 22 из 17 878) — это *matomaru* ‘быть приведенным в порядок, уладиться’, т. е. можно предположить, что выражения типа <результаты> систематизированы, <вещи> уложены и т. д. имеют относительную допустимость в языковом сознании носителей японского языка. Интересным в данном отношении получился комментарий информанта, который при описании других примеров с неканоническим результативом **atsumatte aru* ‘собрано’ от неперех. *atsumaru* ‘собираться’ определил их как неграмматичные и предложил вариант замены на *matomatte aru* ‘собрано, приведено в порядок’, неосознанно порекомендовав такую же неканоническую конструкцию. При указании на это информант не изменил своего решения, признав, что второй вариант «почему-то звучит естественно». Так данные корпусного анализа дополнились ощущениями носителя языка, подтвердившими и максимальный числовой показатель самого частотного неканонического вхождения, и общую тенденцию, обозначенную Н. Цудзимура, о постепенном закреплении подобных конструкций в современном японском языке.

¹¹ Помимо суперлексем, мы проверили в корпусе TWC и наличие квазирезультативных конструкций со стативными глаголами. Только три самых частотных по общему количеству вхождений глагола дали по одному результату: *mieru* ‘виднеться’, *kikoeru* ‘слышаться’, *niru* ‘быть похожим’. Показательно, что все эти три глагола кодируют ситуацию, достоверно верифицируемую органами чувств.

В целом все информанты отмечали неестественность таких конструкций; интерпретация этих сочетаний вызывала значительное затруднение и занимала длительное время¹². В ходе их описания было выявлено, что фокус внимания здесь сосредоточен на вспомогательном глаголе *aru* 'иметься', а основной глагол отвечает на вопрос «в каком виде имеется?»¹³. Были получены многократные комментарии следующего характера: *sonzai no imi/yousu ga tsuyoi* «сильный смысловой акцент на наличие ч.-л.»:

- (6) [?]*Hondana ni wa chousho ga ippai tsumatte arimasu.*
 книжная полка LOC TOP книги NOM много наполниться.INTR иметься.OB.RES
 'На книжной полке навалено много книг'
 «имеются в нагроможденном состоянии».
- (7) [?]*Usunigori shita ekitai ga ippai tsumatte aru bin.*
 мутная жидкость NOM много наполняться.INTR иметься.OB.RES бутылка
 'Бутылка с (скопившейся) мутной жидкостью'
 «имеется на дне».
- (8) [?]*Daidokoro ni mata sake ga nokotte aru hazu desu.*
 кухня LOC еще сакэ NOM оставаться.INTR должна иметься.OB.RES
 'На кухне должно было остаться сакэ'
 «оно там есть, должно быть; вроде оставалось».

Комментарий информанта в (8) отчетливо продемонстрировал порядок следования смыслов в представлении носителей языка при восприятии неканонического объектного результата: первая реакция *aru!* 'есть, 'имеется' и только следом *nokotta!* 'осталось'. Возможность трансформации других примеров таким же образом была подтверждена всеми информантами, например: 'Смотри, на дне <имеется>! Осадок какой-то собрался' в (7).

Кроме того, в ходе опросов носителей языка была определена еще одна функция глагола *aru* как аспектуального модификатора: он привносит в неканоническую результативную конструкцию роль обозначения цели совершаемого действия. Так, информантам был предложен фрагмент текста о совместном проживании с престарелыми родственниками, где действия остальных членов семьи были обозначены в неканоническом результативном формате как **tabete aru* 'есть' и **sunde aru* 'жить'. Совокупность ответов показала, что такое оформление имплицитно волевое начало и ощущение долга по отношению к престарелым родственникам, а результирующее состояние было интерпретировано и сформулировано как *issho ni taberu beki de aru joutai* 'состояние морального долженствования совместного принятия пищи' или *sono gimu o hatasu beki joutai* 'состояние морального обязательства выполнить свой долг <перед родственниками — жить вместе и облегчить им существование>'. Комментарии данного и других подобных фрагментов неоднократно были усилены обстоятельственными выражениями типа *waza to shita* 'специально сделано' или *ishiteki ni suru* 'действовать осознанно, согласно своему намерению', подчеркивающими сохранность волевого и целеполагающего начала даже при замене основного глагола на переходный, что показывает выраженность в них агентивных признаков.

И наконец, была подтверждена важность критерия визуальной верификации; разница в интерпретации сочетаний субъектного и неканонического объектного результатов была подчеркнута в интерпретации информанта употреблением императива *smotrite*:

- (9) [?]*Kono machi ni sunde {a. iru b. aru}.*
 этот город LOC жить.INTR {a. SUB.RES b. OB.RES}
 a. Мы живем в этом городе.
 b. <Смотрите: сложилась такая ситуация, что> мы живем в этом городе <и из этого что-то должно следовать>.

Это позволило определить данную императивную конструкцию «Смотрите: сложилась такая ситуация, что...» как контрольный контекст для проверки неканонического объектного результата на естественность, т. к. она непосредственно реализует описанный выше критерий визуальной верификации. Дополнительная проверка нескольких сочетаний в данном диагностическом контексте подтвердила

¹² Один из информантов категорически признал все предложенные варианты ошибочными, и любой комментарий этой группы примеров начинал с: «Ну, только если теоретически предположить, что это предложение правильное, то...».

¹³ Похожий взгляд на такие структуры описывает Т. Масуока: «Само действие, которое привело к результирующему состоянию, имеет всего лишь второстепенное значение» [Масуока 1984: 134].

выдвинутое предположение: *kuruma ga tomatte aru* было интерпретировано как ‘Смотри, что здесь <имеется>! Машина стоит’; *sodatte aru* как ‘Смотри, вот он <в наличии>, результат воспитания <каким он сможет вырасти человеком...>’; см. выше в (7) и т. д.

Таким образом, в ходе анализа неканонических форм объектного результата было выявлено, что они сохраняют волевое начало в осуществлении действия, имплицитно так наличие скрытого деятеля, свойственное нормативному употреблению, даже с учетом непереходности основного глагола. Возможно, это обусловлено тем, что акцентирование аспектуального значения снижает роль основного непереходного глагола (у Н. И. Конрада в таком контексте основной глагол называется «отглагольным наречием на *te*» [Конрад 1937: 179])¹⁴ — он лишь уточняет формат существования субъекта, что приближает его статус к обстоятельству. В итоге можно констатировать, что неканонические объектные результаты сохраняют свойственную прототипу значимую агентивность.

4. Субъект японской результативной конструкции

Результативное значение акцентирует логический, исходный объект состоявшегося действия, поэтому он выводится на позицию центрального аргумента, а остальные актаны или элиминируются, или по мере их задействованности выводятся в разной степени на периферию высказывания. В японских субъектных результатах даже в случае изначального присутствия логического деятеля его грамматическая реализация невозможна в силу непереходности предиката; на одушевленный статус субъекта не накладывается ограничений. В объектных результатах, несмотря на явно выраженный в предикате процесс переноса действия на объект, роль производителя действия также нивелируется, поэтому логический (реальный) субъект в таких конструкциях чаще всего может только подразумеваться, но его поверхностная реализация запрещена — синтаксическим субъектом в этих конструкциях становится логический объект действия (претерпевший изменения в ходе предшествующего процесса и перешедший в результирующее состояние после его завершения). Теоретическая модель результивизации предложена Е. А. Лютиковой и С. Г. Татевосовым в работе [Лютикова, Татевосов 2014: 151—165], где определяется суть данного процесса как инактивация событийного аргумента посредством связывания соответствующей переменной: «Результирующее состояние, которое мы наблюдаем у результатов, в действительности присутствует в семантике глагола с самого начала, а результатив лишь делает его явным, создавая предикат, обозначающий состояния», что означает обязательное наличие у глагола сложной структуры, изначально включающей и событийный, и стативный элементы [там же: 152]. Следуя этой логике, обязательное исключение деятеля в такой ситуации в японском языке можно обозначить как часть процедуры по инактивации событийной составляющей путем связывания переменной (деятеля), ответственной за реализацию события.

Во многих работах указано, что в качестве исходного объекта изменению с последующим переходом в результирующее состояние может подвергаться только неодушевленный предмет. Так, И. В. Головнин подчеркивает, что *aru* «выражает длительность и наличие результата в действиях, связанных с неодушевленными предметами» [Головнин 1986: 283]; В. М. Алпатов отмечает невозможность присоединения лица в роли субъекта результативных конструкций, допуская на эту позицию предмет, животное или ситуацию [Алпатов 1986: 18]; в последующих его работах также упоминается ограниченность выбора в подобных случаях по критерию одушевленности, но при этом приводятся примеры возможных редких исключений типа *Toodori ni wa, <...> kaichou no posuto o o negai shite arimasu* ‘Прошу у директора пост председателя’, дословно: ‘Директор попросен о выдаче поста’ [Алпатов и др. 2008: 309]. А. А. Холодович не эксплицирует данный критерий как ограничительный, но в многочисленных примерах приводит только один с одушевленным субъектом — *куруцей*, причем рассматриваемой как объект животноводства [Холодович 1979: 152]. В японских исследованиях Т. Масуока отмечает, что это широко принятое ограничение выглядит «слишком строгим», признавая допустимость исходных одушевленных объектов, кроме лиц: допускается *inu ga kusari ni tsunaide aru* ‘собака посажена на цепь’, но при этом не принимается как грамматичное **seito ga rooka ni tatasete aru* ‘школьники поставлены в коридоре’. Отчасти он объясняет эту строгость возможным влиянием знаменательного значения глагола *aru*, за редким исключением не применяющимся в отношении людей [Масуока 1984: 124—125].

В некоторых современных работах также выдвигаются контрпримеры с участием лиц или животных: например, использование результативной конструкции *nigitte aru* ‘сжато’ от глагола *nigiru* ‘сжимать, <крепко> держать за руку’ в описании особенностей сложного туристического маршрута — если ребе-

¹⁴ Показательно, что Н. И. Конрад вообще не считал данные аспектуальные глаголы вспомогательными, а, наоборот, особо подчеркивал вторичную роль основного глагола [Конрад 1937: 179].

нок будет ‘крепко взят за руку’, вы можете не беспокоиться, проходя с ним по опасному мосту [Takami, Kuno 2017: 216—217].

Выборочная¹⁵ корпусная проверка показала наличие сильной обусловленности таких результатов семантикой основного глагола: в частности, глаголы манипулятивной каузации типа *tsukau* ‘использовать’ не образуют сочетаний с одушевленным логическим объектом — **hito ga tsukatte aru* ‘человек использованный’ трудно представимо с точки зрения денотативной ситуации. Напротив, глагол *yobu* ‘звать’ в качестве центрального субъектного аргумента имеет только человека (или, как вариант, — ‘обозначенное вслух’ имя). Редкие примеры одушевленного объекта встретились в корпусе с глаголами *tukaeru* ‘встречать’, *tataku* ‘ударять’, *nozoku* ‘исключать’ и т. п.; в совокупности они дали ничтожно малые показатели, а семантически такие объекты не являются типичными лицами. Например, в случае *nozoku* исходные одушевленные объекты встретились в контексте статистических подсчетов, т. е. человек или животное как единица измерения (при подсчете рабочей силы были исключены такие-то лица или категории лиц; из медицинской статистики поэтапно исключают детей, достигших такого-то возраста; из истории наблюдения за птицами исключили такой-то вид и т. п.). В таблице 1 приведены примеры контекстов употребления одушевленного объекта (в сопоставлении с неодушевленным); некоторые из них суммируют еще один тип одушевленного объекта — в его репрезентативной функции, как представителя группы или сообщества: *кандидаты были выбраны, подчиненные были собраны, группа была представлена, монахи (как персонажи игр) исчезли*; пример одушевленного исходного объекта в конструкции с глаголом *pokosu* ‘оставлять’ представляет человека как исполнителя определенной функции, которая при других обстоятельствах могла бы быть возложена на неодушевленный контролирующий механизм. Малое количество исходных одушевленных объектов, обнаруженное в ходе данной корпусной проверки, доказывает положение о непрототипичности лица как центрального аргумента японских объектных результативных конструкций.

Показательно, что все приведенные в таблице японские предикаты свободно сочетаются с одушевленным лицом как исходным объектом воздействия: *забыть человека*; *включить в отбор старшеклассников*; *использовать женщин как рабочую силу*; *удалить из списка лиц, несоответствующих требованиям* и т. д., но при образовании объектных результатов такая возможность управления одушевленными лицами сильно ограничивается. Вообще, в силу значимости критерия одушевленности в японском языке, регулирующего образование многих конструкций, изучение субъектно-объектного материала в результативном поле заслуживает дальнейшего изучения на более обширном корпусном материале.

Рассмотрим далее особенности падежного маркирования актантов в объектных результатах.

Логический объект (он же синтаксический субъект) в таких конструкциях имеет два варианта оформления: номинативное — и тогда фокус внимания сосредоточен на результате действия, а «фигура агенса не видна» или аккузативное — тогда «образ агенса присутствует в воображении говорящего» [Идзухара 2010: 275]: *Kono futari, itsumo kenka shimasu kara, seki {a. ga b. o} hanashite aru no desu*. Выбор номинатива в (а) представляет происходящее как результирующее состояние дел с акцентом на расположение мест: ‘у них места расположены далеко друг от друга, так как они все время ссорятся’; выбор аккузатива в (b) позволяет интерпретировать высказывание как ‘их рассадили, так как они все время ссорятся’. Видно, что в (а) описан безагентивный ход развития событий, а в (b) очевиден скрытый деятель, в результате действия которого образовалось состояние (а); акцентированы именно его действия. Т. Масуока называет такое смещение акцента «растущевыванием результата» [Масуока 1984: 129]. Х. Кисимото обозначает номинативную модель оформления как «детранзитивизирующую, продвигающую объект на позицию субъекта и дефокусирующую агенса» [Kishimoto 2017: 481—482]. А. Кондо уточняет, что номинативное оформление логичнее при обозначении результирующего состояния конкретного предмета, т. к. именно он требует фокусировки на себе, будучи доказательством завершённого действия: *sara ga kirei ni aratte aru* ‘тарелки <в каком состоянии?> чисто вымытые’; *ringo ga futatsu ni kitte aru* ‘яблоко <в каком виде?> в виде двух половинок’. Аккузативное оформление подчеркивает эффект завершённого действия, т. к. его результат трудноверифицируем визуально — он является неким неосязаемым новым состоянием субъекта высказывания: *denwa bangou o shirasete aru* ‘<субъекту> сообщен номер телефона’ [Кондо 2018: 103]. У К. Таками и С. Куно разница между двумя вариантами наглядно видна в англоязычном переводе: номинативный вариант *mame ga katte aru* ‘Delicious coffee beans have been bought’ и аккузативный *mame o katte aru* ‘I have bought delicious coffee beans’ [Takami, Kuno 2017: 227].

¹⁵ Данное положение не было подвергнуто строгой проверке, т. к. мы принимаем ограничение по критерию одушевленности как априорное, а результаты проверки интересны семантическими кластерами, где наиболее максимально будут представлены нетривиальные примеры результативной субъектности.

Таблица 1. Примеры контекстов употребления исходного объекта (синтаксического субъекта) в объектных результативных конструкциях

	Всего <i>te aru</i>	Кол-во одуш. суб.	Одушевленный исходный объект	Неодушевленный исходный объект
<i>nokosu</i> 'оставлять'	377	7	«Дзюдзо остался на корабле для присмотра за выловленной рыбой»	завоевать оставшиеся замки рукопись сохранилась до сих пор старое имя остается в скобках сохранившиеся диалекты острова
<i>tsukau</i> 'использовать'	305	0	X	письма содержали милые смайлы звуки используются необычно я не ем сахаросодержащую еду обои были в хорошем состоянии (аккуратно использовались)
<i>kaeru</i> 'менять'	251	0	X	рычаг имеет другой цвет и форму элементы выделены разными цветами (изменили цвет) баланс сильно отличается
<i>atsumeru</i> 'собирать'	100	1	«им была собрана неплохая группа подчиненных»	адреса собраны в базе данных газета имеет большую коллекцию рекламы у меня есть коллекция книг
<i>kesu</i> 'удалять, тушить'	74	1	«все остальные монахи тоже исчезли» (персонажи в игре, досл. <i>фигуры монахов</i>)	цифры на ценнике зачеркнуты переписка по электронной почте стерта продукт лишен запаха режим стереозвuka выключен царапины удалены в фотошопе
<i>erabu</i> 'выбирать'	50	1	«несколько кандидатов были отобраны исходя из их увлечений и способностей»	учебники выбраны удачно отобраны необходимые значения родившиеся в «стране по выбору» осознанный выбор возраста
<i>arawasu</i> 'выражать'	45	1	«младшая группа представлена в верхней части рисунка, а молодежная — в нижней»	размеры показаны на плане чувство выражено словами данные представлены на графике результаты отображены в списке
<i>ateru</i> 'накладывать, предназначать'	23	0	X	марля наложена на рану знак применен для обозначения база данных включена в программное обеспечение
<i>fukumu</i> 'включать'	7	0	X	хлор, содержащийся в воде музыкальные интервалы, вошедшие в сериал утверждение содержит ошибку
<i>wasureru</i> 'забывать'	6	0	X	жить, забыв о времени оставить iPad рядом с кроватью одежда, которую забыл снять вернуть забытый кошелек

Видится, что в упомянутых выше примерах аккузатив, акцентируя действие, имплицитно и целенаправленно: бобы во втором варианте явно куплены для готовки (действие не завершается их демонстрацией, как в номинативе); знание телефонного номера делает возможными некие последующие события; иными словами, везде предполагается дальнейшее разворачивание действия. Можно резюмировать, что более высокая агентивность аккузативного оформления обеспечивается:

- 1) необязательной, но допускаемой экспликацией деятеля;
- 2) фокусировкой на действии, а не на состоянии;
- 3) необходимостью большего количества участников.

В целом японские лингвисты подчеркивают, что естественный ход развития событий (выраженный номинативным оформлением и нивелирующий значимость деятеля) более соответствует японским

представлениям о природе происходящих событий¹⁶. Однако предоставляемая японским языком системная вариативность в данном вопросе позволяет при необходимости, напротив, вывести на поверхность деятеля, подчеркнув тем самым его значимость, если денотативная ситуация того требует. В следующем примере [Кондо 2018: 106] описывается ситуация сопровождения заселения постояльцев в гостиницу: *O heya no mado wa {a. akete arimasu b. aite imasu} ga, kaze ga tsuyosugimashitara, o shime kudasai* ‘У вас в комнате {а. открыто <кем-то> б. открытое <само по себе>} окно, но, если будет слишком сильный ветер — закройте, пожалуйста’. Оба предложения грамматически корректны, и выбор обуславливается только прагматическими факторами: в (а) акцентируются усилия персонала по организации отдыха «все было специально подготовлено для вас», а (б) выглядит неестественным, т. к. в данном случае беспристрастное описание ситуации (информант обозначил это как *jijitsu* ‘объективный факт’) исключает личное участие гостиничного персонала не только на поверхностном синтаксическом уровне, но и на уровне пропозиции за счет непереходности глагола (например, окно могло открыться само по себе; неясно, хорошо это или плохо для гостя; и т. д.). Скрытый деятель в (а) позволяет восполнить это прагматическое упущение: его явное присутствие (все информанты подчеркнули здесь интенсивность ощущения наличия деятеля) подчеркивает старания персонала гостиницы. Отметим, что здесь даже при аккумулятивном оформлении объекта деятель не выведен на поверхность, т. к. им может быть любой работник гостиницы, а при совпадении субъекта референции с реальным говорящим он тем более будет скрыт во избежание подчеркивания служащим гостиницы своей личной роли в ситуации. Грамматически допустимый пассив *Окно открыто* также прагматически некорректен: избыточное возвышение исходного объекта смещает фокус внимания и тем самым нарушает логику гостеприимности (фокус внимания на окне, а не на госте, что прагматически некорректно).

Проверка такого падежного чередования массива суперлексем в корпусе TWC показала, что около четверти вхождений объектных результатов имеют аккумулятивное оформление, а контекстная разница в употреблении номинативного и аккумулятивного оформления логического объекта свидетельствует об акцентировании безагенсного результирующего состояния в виде продукта в первом случае и в виде эффекта, ощущаемого агенсом, — во втором. Рассмотрим такое перемещение фокуса на примере массива корпусных вхождений глагола *noseru* ‘посадить (в транспорт), поместить, внести’ (всего 61 вхождение, из них 14 — аккумулятивно оформленных). Так, в сочетании *ne o nosete arimasu* ‘внести <новую> цену’, взятом из текста обсуждения на международном совещании ценовых изменений в положении о топливных стандартах, использование аккумулятивного оформления объекта ‘цена’ автоматически высвечивает роль скрытого деятеля — в данном случае вносящих поправки стран как производителей этого действия, — а также имплицитно дальнейший экономический эффект, который будут на себе ощущать эти страны. Та же фокусировка на роли скрытого деятеля и эффекте длящегося действия встречается и в следующих примерах из корпуса:

- (10) *Kuma o booto ni nosete arimasu.*
медведь ACC лодка LOC посадить.TR иметься.OB.RES
‘Медведь в лодке’.

В описании фотографии новогоднего путешествия подчеркивается, что семья взяла с собой мишку покататься на лодке <и вот он с нами, в лодке, как здорово>.

- (11) *Rinku saki o ichiban saigo ni nosete arimasu.*
ссылка ACC самый конец LOC помещать.TR иметься.OB.RES
‘В конце для вас <специально> размещены ссылки’.

- (12) *Kono saito de wa samazama na jouhou o nosete arimasu.*
этот сайт LOC TOP разный информация ACC помещать.TR иметься.OB.RES
‘На этом сайте размещена разнообразная информация’
(дальнейшая детализация контекста: сайт для любителей тенниса; предупреждены все ваши желания, вплоть до режима питания).

- (13) *Ryouken'you no keeji o nosete aru kuruma.*
для охотничьих собак корзина ACC помещать.TR иметься.OB.RES машина
‘Машины со встроенными клетками для перевозки охотничьих собак’.

¹⁶ См., например, работу Ё. Икэгами о японском языке как become-language — языке, в котором, в противоположность do-language, преобладают выражения, акцентирующие результат действия и зачастую элиминирующие роль деятеля [Икэгами 2011 (1981)].

Видно, что в (10)—(13) акцентируется не продукт, а эффект, ориентированный на субъекта производимого действия или его адресата, причем как в актуальный момент времени, так и с расчетом на продолжающееся в будущем воздействие: удовольствие в (10) ощущается здесь и сейчас; размещенная на сайтах информация в (11)—(12) пригодится в ближайшее время; специальный функционал автомобиля, предназначенного для перевозки животных, в (13) разработан с учетом потенциального долгого использования. При этом альтернативный вариант оформления объекта здесь не исключается, и можно проследить смещение смыслового фокуса целеполагания при замене маркера на номинативный: тогда в (10) будет представлен результат размещения медведя в лодке (цель в этом, а не в положительных эмоциях семьи); встроенная клетка для животных в (13) будет интерпретироваться как характеристика машины, а не как результат действий разработчиков, и т. д. Похожая мена фокуса и в следующих примерах:

- (14) *Sekyuriti sofuto wa saishin deeta beesu*
 безопасность программное обеспечение TOP новейшая база данных
 {a. *o atete* b. *ga atatte*} *arimasu.*
 {a. ACC предназначить.TR. b. NOM быть предназначенным.INTR} иметься.OB.RES
 ‘Программное обеспечение безопасности {a. получило b. имеет} новую базу данных’.

Вариант (14a) акцентирует действия разработчика, подразумевая наличие его как скрытого деятеля (синтаксическая реализация логического субъекта здесь также не запрещена), а (14b) подает тот же результат, но как свойство программного обеспечения.

- (15) *Haha no ryouri wa eiyou baransu* {a. *o* b. *ga*} *kangaete arimasu.*
 мама GEN кухня TOP питание баланс {a. ACC b. NOM} думать.TR иметься.OB.RES
 ‘Кухня мамы продумана по балансу питательных веществ’.

Вариант (15a) подчеркивает результат маминых усилий, а в (15b) — акцент на сбалансированность еды как ее характеристику.

- (16) *Waga uchi no baai tsutsumashii ruuru*
 наш дом GEN случай скромное правило
 {a. *o kimete* b. *ga kimatte*} *arimasu.*
 {a. ACC решать.TR b. NOM решаться.INTR} иметься.OB.RES
 ‘У нас в доме {a. я установил b. установлено} скромное правило: <...>’.

Роль хозяина дома в (16) или имплицитруется в (a), или нивелируется в (b); тогда акцент смещается на порядок, заведенный в этом доме.

Таким образом, падежное оформление в структуре объектного результата повышает или понижает присутствие деятеля; глагол *aru* снижает валентность высказывания только в номинативе, а в аккумулятиве сохраняются все участники с исходным маркированием. Данные свойства находятся в прямой корреляции с агентивными признаками, поэтому можно считать результат такой дифференциации значимым признаком при определении агентивности японского высказывания.

Итак, учтем все описанные выше характеристики субъекта и предиката результативов и расположим три вида анализируемых конструкций на шкале по степени возрастания агентивности соответствующих сочетаний, поместив их в онтологическое поле «состояние — действие».

Таблица 2. Шкала агентивности результативных конструкций (+ прогрессив)

	Субъектный результатив	Объектный результатив		Прогрессив
		номинатив	аккумулятив	
Деятель (логический субъект)	самостоятельно претерпевает изменения без внешнего воздействия	подразумевается, но не допускается в поверхностной структуре	подразумевается и допускается в поверхностной структуре	совпадает с синтаксическим субъектом
		Переходный		
	<i>~ga (NOM) ~te iru</i>	<i>~ga (NOM) ~te aru</i>	<i>[~ga(NOM)] ~o (ACC) ~te aru</i>	<i>~ga (NOM) ~o (ACC) ~te iru</i>
Предикат	<i>Minna ga atsumatte iru</i>	<i>Minna ga atsumete aru</i>	<i>Minna o atsumete aru</i>	<i>Minna o Atsumete iru</i>
	‘все собрались’	‘все собраны’	‘(кто-то) всех собрал’	‘(кто-то) всех собирает’
		состояние		действие

Левая часть шкалы представлена безагентным результатом, лишенным исходного деятеля; в правой части обозначен переход к конструкциям, акцентирующим действие в противовес состоянию. В центральной части шкалы, выделенной серым фоном, наблюдается наложение ее фрагмента, обозначенного переходными (агентивными) предикатами, на низкоагентивную категорию состояния, что на первый взгляд выглядит противоречивым. Это пересечение показывает, что при описании агентивности недостаточно просто указывать абсолютные и относительные значения количества, частотности, долей и других показателей соотношения переходных и непереходных предикатов, как это иногда встречается в исследовательском поле. Из таблицы 2 видно, что при образовании результатов от переходных предикатов в силу понижения их валентности деятель в той или иной степени уходит за рамки синтаксической (а иногда и пропозициональной) структуры высказывания, что приводит к уменьшению, иногда значительному, степени его агентивности.

Соотношение этих типов результатов было проверено далее на корпусном материале японских суперлексем. Сначала было определено соотношение между двумя видами результата, что, в свою очередь, показало доли высокоагентивных и низкоагентивных сочетаний в данном фрагменте японского языка. Позже в анализ был включен третий вид конструкций — сочетание основного глагола с глаголом *iru*, но в прогрессивном значении (как уже было сказано выше, *te iru* при обозначении изменения образует результатив, а при обозначении действия — прогрессив), что дало возможность проверить не только долю результатов разной степени агентивности в японском языке, но и на основе каждой из корневых морфем в лексемной паре описать триаду «результат безагентного совершения действия (субъектный результат) — результат совершения действия скрытым деятелем (объектный результат) — процесс совершения действия (прогрессив)», что внесет вклад в изучение агентивности с точки зрения онтологического противопоставления «состояние — действие». Корпусная проверка дополнялась контекстным анализом, если того требовало, например, неоднозначное падежное маркирование. Затем по каждой суперлексеме было проверено количество корпусных вхождений двух видов результата и конструкции прогрессива для определения их соотношения между собой.

Таблица 3. Количественное соотношение результативных и прогрессивных конструкций

Суперлексемы	Результативы		Результативы + прогрессив		
	субъектный	объектный	субъектный	объектный	прогрессив
результативы	681 828	673 941 (98,84 %)	7887 (1,16 %)		
результативы +	945 488		673 941 (71,28 %)	7887 (0,83 %)	263 660 (27,89 %)
прогрессивы					

Как видно из таблицы 3, при сравнении двух видов результативных конструкций выяснилось, что доля объектного результата составляет чуть более 1 % от общего количества, т. е. подавляющее большинство результативных конструкций — субъектные.

Это положение косвенно подтверждается и результатами вычисления степени продуктивности глагольных лексем в образовании результатов путем подсчета доли последних в общем массиве употреблений соответствующего исходного глагола. Данный показатель также послужил признаком для сравнения двух видов результатов с учетом дополнительно привлеченных двух подвидов переходных глаголов, сложившихся в отдельные группы в ходе кластеризации, о чем будет сказано ниже. Для выбора корректного метода вычисления среднего значения по каждой из групп была проведена предварительная статистическая обработка данных с целью определить нормальность выборки, т. к. среднее значение может выступать адекватной мерой центральной тенденции по выборке только в случае нормального, т. е. гауссова, распределения признака. Статистический анализ отобранных данных (с использованием теста согласия Харке — Бера на нормальность) показал, что выборка неоднородна и, как следствие, чувствительна к выбросам, поэтому для характеристики центральной тенденции в каждой группе был выбран другой параметр — медианное значение. Результаты представлены в таблице 4: непереходные предикаты охотно образуют результативы (11 % от общего употребления исходной лексемы), а продуктивность переходных не превышает 0,2 %.

Из таблицы 4 видно, что анализ объектного результата был проведен на материале не только основной выборки парных переходных глаголов в составе суперлексем, но и с привлечением непарных переходных глаголов: в ходе пробного сопоставительного анализа парных и непарных

Таблица 4. Степень продуктивности исходных глаголов в образовании результата

		Доля результатов от общего количества употреблений исходного глагола (медианное значение)
непереходные		0,11
переходные	переходные парные	0,001
	переходные непарные	2,81888E-05
	переходные созидания	0,002

переходных глаголов была обнаружена первичная значимая разница числового выражения главного признака, что побудило провести дополнительную корпусную проверку с привлечением глагольного материала, выходящего за пределы суперлексем. При объединении и последующей кластеризации данных они естественным образом разделились на два кластера, которые выявили существенную разницу числового показателя: продуктивность парных переходных глаголов оказалась в 36 раз выше, чем у непарных. Ранее в научной литературе мы находили единственное (и не подтвержденное данными количественного анализа) указание на невыраженность семантики изменения у непарных переходных глаголов [Хаяцу 1989: 231—256], которое интуитивно казалось спорным, но безусловно подтвердилось в ходе настоящей проверки. Помимо этого, в массив данных по объектному результату была включена еще одна группа: исходя из критерия визуальной верификации результата, мы предположили, что продуктивность глаголов созидания в образовании результатов окажется самой высокой, т. к. наглядные результаты в виде 'сшито', 'выгравировано', 'нарисовано' — это закономерный результат процесса созидания (в группу вошли глаголы *tsukuru* 'создать, изготовить', *egaku* 'рисовать', *tateru* 'учреждать, ставить', *tateru* 'строить', *kizuku* 'строить (конструировать)', *yaku* 'жарить, печь', *taku* 'варить', *horu* 'рыть', *ami* 'вязать, плести', *oru* 'ткать', *nuu* 'шить', *horu* 'гравировать', *tagayasu* 'возделывать', *wakasu* 'кипятить', *tsumugu* 'прясть', *arawasu* 'создать (письменный труд)'). Это положение также было подтверждено результатами количественного анализа: продуктивность глаголов созидания на 100 % превысила этот показатель у парных переходных глаголов.

Таким образом, более детальный анализ объектного результата позволил эмпирическим путем разделить массив переходных глаголов на две группы по критерию парности/непарности (глаголы созидания в итоге не формируют отдельной группы, т. к. встречаются и среди парных, и среди непарных) и доказать существенно большую выраженность семантики изменения в одной из групп. В результате можно выделить данный критерий (парность — непарность) как значимый признак предиката при измерении агентивности японского высказывания. Эта проверка подтвердила также важность описанного в теоретической части работы критерия визуальной верификации конечного продукта или эффекта в составе результативных конструкций.

Проанализируем итоговое распределение значений внутри триады, описывающей соотношение в японском аспектуальном поле результативности онтологических категорий состояния и действия. Для этого соотнесем полученные количественные данные по трем типам представления ситуации: «результат безагентного совершения действия (субъектный результатив) — результат совершения действия скрытым деятелем (объектный результатив) — совершение действия (прогрессив)» со шкалами выраженности деятеля и агентивности предиката высказывания. Для наглядности представим полученное распределение ниже в виде таблицы.

Таблица 5. Пространство «состояние — действие» в японском аспектуальном поле результативности

			27,89 %
↑ выраженность деятеля		0,83 %	
	71,28 %		
	неперех. + <i>iru</i>	перех. + <i>aru</i>	перех. + <i>iru</i>
	агентивность предиката →		

Основной массив анализируемых конструкций сосредоточился в левой нижней части таблицы, которая имеет самые низкие показатели агентивности как по оси Y, где отложена степень выраженности деятеля, так и по оси X, с растущей вправо агентивностью предиката — здесь представлены сочетания, описывающие ситуацию результирующей формулой «так сложилось». Центральная часть таблицы не выражена значимыми числовыми показателями, но ее внутреннее наполнение неоднородно и представляет интерес с точки зрения разности агентивной нагрузки нескольких подвидов объектного результата; в силу малых числовых показателей оно было продемонстрировано ранее отдельно в таблице 4. Центральная часть таблицы 5 может рассматриваться как переходный к области в правой верхней части с высокими агентивными показателями по обеим осям, фокусирующим действия участников ситуации. Вернее, результирующая направленность данного вектора обратная: «в результате совершения некоего действия (акцентируемого примерно в четверти корпусных вхождений) → сложилась следующая ситуация (почти три четверти вхождений)».

Контекстное описание соответствующих конструкций в корпусе демонстрирует детали, обуславливающие эту вариативность. Согласно получившемуся соотношению числовых показателей, в ситуации выбора между переходным и непереходным глаголами большее предпочтение отдается вторым. Например, непереходный глагол *tsutawaru* ‘передаваться’ будет предпочтен переходному *tsutaeru* ‘передать’: *kimochi o tsutaete iru* ‘<праздничное> настроение <в окружающей атмосфере> передают нам’ и *kimochi ga tsutawatte aru* ‘мы в <праздничном> настроении <которое передалось нам окружающей атмосферой>’; то же с парой *modoru* ‘возвращаться’ и *modosu* ‘возвращать’ при обсуждении хода событий в мире в разрезе промышленных и технологических революций: *tokei no hari o modoshite iru* ‘<технологии> возвращают стрелку часов <согласно ходу истории>’ менее предпочтительно, чем *tokei no hari ga modotte iru* ‘стрелка часов возвращена <технологической революцией согласно ходу истории>’. Получается, что около четверти языковых решений следуют модели «в отношении нас <кем-то> совершается действие», а три четверти употреблений описывают происходящее согласно модели «мы являемся носителями <сложившегося без чьего-либо участия> состояния».

Дальнейшее рассмотрение континуальности на шкале агентивных значений аспектуальных концовок может осуществляться в двух направлениях — как в сторону увеличения степени присутствия агенса (подготовительное действие, эвиденциальность и др.), так и в сторону нивелирования его выраженности. Не случайно объектный результатив, как было обозначено выше, часто сопоставляют с конструкцией подготовительного действия, выражаемого глаголом *oku* в его аспектуальном значении [Сугимура 2003; Кондо 2018 и др.], описывающим действие, осуществляемое для достижения какого-либо результата, в котором заинтересован агенс (что восходит к основному значению глагола *oku* — ‘класть про запас’). Логично, что для этого *oku*, как и *aru*, должно присоединяться всегда к осознанным и контролируемым действиям. Следует отметить, что при сходной семантике этих аспектуальных концовок данное противопоставление показательно именно с точки зрения степени выраженности скрытого деятеля: *oku*, в отличие от *aru*, подчеркивает не результирующее состояние предшествующего подготовительного действия, а само это действие по подготовке перехода логического объекта в новое состояние. В обоих случаях необходимо наличие волевого действия одушевленного агенса, совершаемого с определенной целью, но в случае с *aru* его присутствие грамматически нивелируется:

- (17) *Kyou kesseki shita Hanako ni ashita no shiken o itte*
 сегодня отсутствовавшая Ханako DAT завтра GEN экзамен ACC сказать.TR
 {a. *oita* b. *atta*} *node, mou denwa suru no wa hitsuyou wa nai.*
 {a. PREP b. OV.RES} т. к. уже звонить SUBST TOP необходимости нет
 ‘{a. (Кто-то) предупредил отсутствовавшую сегодня Ханako
 b. Отсутствовавшая сегодня Ханako предупреждена} о содержании
 завтрашнего экзамена, так что можно уже ей не звонить’.

Оба варианта имплицитно подразумевают потенциальное (т. к. грамматически он не выражен ни в одном из них) наличие субъекта, который предупредил объект об экзамене, но если в (17a) намеренно подчеркивается роль скрытого деятеля ‘(Кто-то) предупредил Ханako’, то в (17b), как было описано в ходе работы, он не просто скрыт, но и грамматически обязательно элиминируется ‘Ханako предупреждена’. Второй вариант на уровне поверхностной структуры резко снижает агентивность высказывания и устраняет субъект: важен не его поступок как таковой, а результат этого поступка. Наличие такой альтернативы в обозначении подготовительных действий позволяет прагматически варьировать акценты в японском высказывании, подчеркивая или скрывая роль деятеля. Приведем еще один пример информанта:

(18) *Buchou: Kaigi no shiryō no kopii, shinakucha.*

Joshu: Hai, kopii wa mou yatte {a. okimashita b. arimasu}.

Помощник: Да, копии TOP уже делать.TR {a. PREP b. OV.RES}

‘Начальник: «Надо сделать копии материалов завтрашней конференции».

Помощник: «Да, копии уже {a. сделаны <мною заранее> b. сделаны}»’.

В (18a) подчеркиваются усилия подчиненного по выполнению поручения, а в (18b) они нивелируются. Второй вариант более соответствует японской корпоративной культуре, в рамках которой не поощряется подчеркивание индивидуального вклада в общее дело; но выбор остается за сотрудником — при желании существующая в языке альтернатива обеспечивает ему возможность особо выделить результат своего труда или следовать принятому в японском социуме традиционному позиционированию себя как части коллектива.

Подлежат дальнейшему изучению и аспектуальный глагол *shimau*, реализующий сему неподконтрольного, необратимого, нежелательного и чаще всего неожиданного изменения ситуации; аспектуальная концовка *te miru*, которая в большинстве случаев требует наличия прототипического агенса, т. к. подразумевается, что действие будет выполнено с перспективой оценивания результата, и т. д. Таким образом, поле аспектуальности в японском языке представляет собой обширный материал, релевантный для продолжения системного изучения и измерения агентивности японского высказывания. ###

Заключение

Проверка выраженности агентивных характеристик (одушевленности и количества участников, волеивности, намеренности действия и т. д.) японских результативных сочетаний на базе обширного корпусного материала с привлечением комментариев информантов показала, что для японского языка характерно использование субъектной результативной конструкции, отображающей результат, полученный в ходе естественного развития событий, без связи с производителем действия. Второй вид — объектный результатив — требует наличия логического, преимущественно скрытого, субъекта действия, а также имплицитно его цель, что существенно увеличивает общую агентивность высказывания. Выявлено, что степень экспликации деятеля в разной степени регулирует агентивность японского высказывания. В ходе сопоставительного рассмотрения функционирования в японском языке этих двух видов результатива с привлечением семантически и формально смежных конструкций было обнаружено значимое расхождение показателей их частотности, выстроена соответствующая шкала агентивности компонентов результативных сочетаний и график их соотносительности с онтологическими категориями *состояние* и *действие*. Изучение взаимодействия основных и вспомогательных аспектуальных глаголов позволило выдвинуть предположение, что аспектуальные свойства глаголов *iru* и *aru* в составе результативов можно соотносить с их знаменательными значениями, к которым они восходят: глагол *iru*, в основном значении используемый с живыми субъектами, оформляет конструкции, в рамках которых действие совершается самостоятельно даже в случае грамматической неодушевленности деятеля. В свою очередь, глагол *aru*, описывающий действия с неживыми субъектами, в рамках результативов представляет результат, который не может осуществиться сам по себе, а требует еще одного участника — одушевленного деятеля (скрытого или выведенного на поверхность), что приводит к варьированию валентности и, соответственно, числа партиципантов.

Анализ теоретических положений и корпусного материала по всем видам результатива доказал значимость такого редко выделяемого в японистической лингвистической литературе свойства результативных конструкций, как *визуальная верифицируемость* результата, причем не только в очевидных случаях прототипических сочетаний типа *nutte aru* ‘сшито’ с легко верифицируемым итоговым продуктом, но и для периферийных вариантов объектного результатива (составляющих, по результатам количественного анализа, не более четверти сочетаний) с выведением на поверхность скрытого деятеля и акцентированием субъектно-ориентированного, длящегося во времени эффекта типа *nonde aru* ‘в состоянии принятия лекарства <смог уснуть>’ в качестве результата.

Помимо этого, был выявлен ряд случаев нетривиального взаимодействия основного и аспектуального глаголов при образовании объектного результатива, а именно: описан неканонический подтип результатива, совмещающий в своей внутренней форме как переходную, так и непереходную модель управления. Проведенный анализ таких неканонических конструкций определил семантический приоритет вспомогательного глагола, соответственно понижающий значение знаменательного предиката до обстоятельного.

В ходе корпусной проверки массива данных путем кластеризации по показателю продуктивности образования объектного результатива были выделены три подгруппы: парные и непарные переходные

глаголы, а также группа предикатов созидания. Количественный анализ данных показал значимую разницу их степени продуктивности, что позволило определить парность/непарность переходных глаголов как один из возможных критериев измерения общей агентивности высказывания. Тем не менее этот вывод нуждается в дальнейшей проверке в силу неоднородности массива непарных переходных глаголов, что требует увеличения и нормирования выборки. Также видится перспективным привлечение глаголов не только с о з и д а н и я, но и р а з р у ш е н и я для пополнения выборки конструкциями с отрицательным результатом.

В работе было проведено сопоставление японских результатов со смежными функциональными зонами: конструкциями страдательного залога, подготовительного действия, завершённого действия с неконтролируемым результатом. Итоги исследования подтвердили, что поле аспектуальности в японском языке представляет собой обширный материал, релевантный для продолжения системного изучения и измерения агентивности японского высказывания, что определяет дальнейшие перспективы данного исследования.

Сокращения

ABL — аблатив	NEG — отрицание
ACC — аккузатив	NOM — номинатив
DAT — датив	OB.RES — объективный результатив
DUR — длительный вид	PREP — подготовительность
GEN — генитив	SUB.RES — субъективный результатив
IMP — императив	TEMP — промежуток времени
INTR — непереходный глагол	TOP — тема высказывания
LOC — локатив	TR — переходный глагол

Литература

- Алпатов 1986 — В. М. Алпатов. Вспомогательные глаголы длительности состояния в японском языке // Актуальные проблемы японского языкознания М., 1986. С. 14—20.
- Алпатов 2005 — В. М. Алпатов. Семантические классы японских глаголов // Актуальные вопросы японского и общего языкознания. М., 2005. С. 45—57.
- Алпатов и др. 2008 — В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлесская. Теоретическая грамматика японского языка. Т. 1. М., 2008.
- Аркадьев 2018 — П. М. Аркадьев. От результата к пассиву: данные западнокавказских языков // Типология морфосинтаксических параметров. 2018, 1 (1). С. 31—50.
- Головнин 1986 — И. В. Головнин. Грамматика современного японского языка. М., 1986.
- Дундуа 2020 — Д. Д. Дундуа. Причастие в древнеармянском языке и диахрония результативных конструкций // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей: Сборник статей к юбилею В. А. Плунгяна / Ред. А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева. М., 2020. С. 523—528.
- Идзухара 2010 — С. Идзухара. Нихонго руйги хэгэн цукаивакэ дзитэн (Словарь правильного употребления синонимичных выражений японского языка). Токио, 2010.
- Икэгами 2011 (1981) — Ё. Икэгами. «Суру» то «нару» но гэнгогаку (Лингвистика: «язык-делать» и «язык-становиться»). Токио, 2011 (1981).
- Киндаити 1976 — Х. Киндаити. Нихонго до:си но асупэкуто (Аспект японского глагола). Токио, 1976. С. 5—26.
- Кондо 2018 — А. Кондо. «Нихонгорасиса» но бумпо (Грамматика «японскоподобного» японского языка). Токио, 2018.
- Конрад 1937 — Н. И. Конрад. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937.
- Конума 2011 — Ю. Конума. Понятие суперлексемы и аспектуальная характеристика японского глагола // Вопросы языкознания. 2011, 6. С. 67—89.
- Лютикова, Татевосов 2014 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов. Постоянная Кибрика // Язык. Константы. Переменные: Памяти А. Е. Кибрика / Отв. ред. В. А. Плунгян. СПб., 2014. С. 140—168.
- Маслов 2004 — Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Масуока 1984 — Т. Масуока. Тэ ару ко:дзо: но бумпо (Грамматика структуры тэ ару) // Гэнго кэнкю. 1984, 86. С. 122—138.
- НГД 2010 — Нихонго гоё дзитэн (Словарь ошибок в японском языке). Токио, 2010.

- Падучева 1993 — *Е. В. Падучева*. Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное // *Вопросы языкознания*. 1993, 1. С. 64—74.
- Петрухина, Канэко 2017 — *Е. В. Петрухина, Ю. Канэко*. Роль грамматики и аспектуальных классов глаголов в репрезентации событий в русском и японском языках // *Репрезентация событий. Интегрированный подход с позиции когнитивных наук* / Ред. В. И. Заботкина. М., 2017. С. 312—336.
- Плунгян 1989 — *В. А. Плунгян*. К определению результата (универсальна ли связь результата и предельности?) // *Вопросы языкознания*. 1989, 6. С. 55—63.
- Сичинава 2008 — *Д. В. Сичинава*. Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // *Динамические модели. Слово. Предложение. Текст*. М., 2008. С. 711—749.
- Сичинава 2014 — *Д. В. Сичинава*. «Длинные» и «короткие» формы на пути грамматикализации «результатив — перфект / эвиденциальность» (материалы к типологии) // *Язык. Константы. Переменные: Памяти А. Е. Кибрика* / Отв. ред. В. А. Плунгян. СПб., 2014. С. 232—243.
- Сугимура 2003 — *Я. Сугимура*. Тэ оку ко:бун то тэ ару ко:бун но хитайсё:сэй ни цуитэ (О несимметричности структур тэ оку и тэ ару) // *Нагая дайгаку гэнго бунка ронсю*. 2003, 24 (2). С. 95—110.
- Сыромятников 2004 (1978) — *Н. А. Сыромятников*. Развитие новояпонского языка. М., 2004 (1978).
- Татевосов 2019 — *С. Г. Татевосов*. Аспекты славянского стиля // *Вопросы языкознания*. 2019, 2. С. 47—81.
- Тестелец 2001 — *Я. Г. Тестелец*. Диатеза, залог, актантная деривация // *Введение в общий синтаксис*. М., 2001. С. 411—436.
- Типология 1983 — Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) / Отв. ред. В. П. Недялков. Л., 1983.
- Хаяцу 1989 — *Э. Хаяцу*. Ю:тай тадо:си то мутай тадо:си но тигаи ни цуйтэ (О различиях парных и непарных переходных глаголов) // *Гэнго кэнкю*. 1989, 95. С. 231—256.
- Холодович 1979 — *А. А. Холодович*. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Шлуинский 2006 — *А. Б. Шлуинский*. Акциональные свойства конструкций со вспомогательным глаголом *tur* // *Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский*. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006. С. 362—402.
- Kishimoto 2017 — *Н. Kishimoto*. Case marking // *Handbook of Japanese Syntax* / Eds. M. Shibatani, S. Miyagawa, H. Noda. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. P. 447—496.
- Shirai 1998 — *Y. Shirai*. Where the Progressive and the Resultative Meet: Imperfective Aspect in Japanese, Chinese, Korean and English // *Studies in Language*. 1998, 22 (3). P. 661—692.
- Takami, Kuno 2017 — *K. Takami, S. Kuno*. Functional syntax // *Handbook of Japanese Syntax* / Ed. M. Shibatani, S. Miyagawa, H. Noda. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. P. 187—234.
- Tsujimura 2002 — *N. Tsujimura*. Japanese enter/exit verbs revisited. A reply to Kita (1999) // *Studies in Language*. 2002, 26 (1). P. 165—180.
- Tsujimura 2007 — *N. Tsujimura*. Language Change in Progress: Evidence from Computer-Mediated Communication // *BLS* 33. 2007, 1. P. 436—446.

References

- Alpatov 1986 — *V. M. Alpatov*. Vspomogatel'nye glagoly dlitel'nosti sostoyaniya v yaпонском языке. In: Aktual'nye problemy yaпонского yazykoznanija. Moskva, 1986. S. 14—20. {V. M. Alpatov. Auxiliary duration verbs of the state in Japanese. In: Actual issues of Japanese linguistics. Moscow, 1986. P. 14—20.}
- Alpatov 2005 — *V. M. Alpatov*. Semanticheskie klassy yaпонских glagolov. In: Aktual'nye voprosy yaпонского o iobshchego yazykoznanija. Moskva, 2005. S. 45—57. {V. M. Alpatov. Semantic classes of Japanese verbs. In: Topical issues of Japanese and general linguistics. Moscow, 2005. P. 45—47.}
- Alpatov i dr. 2008 — *V. M. Alpatov, P. M. Arkad'ev, V. I. Podlesskaya*. Teoreticheskaya grammatika yaпонского yazyka. T. 1. Moskva, 2008. {V. M. Alpatov, P. M. Arkad'ev, V. I. Podlesskaya. Theoretical grammar of the Japanese language. Vol. 1. Moscow, 2008.}
- Arkad'ev 2018 — *P. M. Arkad'ev*. Ot rezul'tativa k passivu: dannye zapadnokavkazskih yazykov. In: Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. 2018, 1 (1). S. 31—50. {P. M. Arkad'ev. From resultative to passive: data from Western Caucasian languages. In: Typology of morphosyntactic parameters. 2018, 1 (1). P. 31—50.}
- Dundua 2020 — *D. D. Dundua*. Prichastie v drevnearmyanskom yazyke i diahroniya rezul'tativnykh konstrukcij. In: VAProsy yazykoznanija: Megasbornik nanostatej: Sbornik statej k yubileyu V. A. Plungyana / Red. A. A. Kibrik, Ks. P. Semyonova, D. V. Sichinava, S. G. Tatevosov, A. Y. Urmanchieva. Moskva, 2020. S. 523—528. {D. D. Dundua. Participle in the Old Armenian language and diachrony of resultatives. In: VAProsy Linguistics: Mega Collection of Nanoarticles: Collection of articles to the anniversary of V. A. Plungyan / Eds. A. A. Kibrik, Ks. P. Semenova, D. V. Sichinava, S. G. Tatevosov, A. Y. Urmanchieva. Moscow, 2020. P. 523—528.}

- Golovnin 1986 — I. V. Golovnin. *Grammatika sovremennogo yaponskogo yazyka*. Moskva, 1986. {I. V. Golovnin. *Grammar of Modern Japanese*. Moscow, 1986.}
- Hayacu 1989 — E. Hayacu. *Yuutaj tadousi to mutaj tadousi no tigai ni kujte*. In: *Gengo kenkyu*. 1989, 95. S. 231—256. {E. Hayatsu. *On the differences between paired and unpaired transitive verbs*. In: *Studies in Linguistics*. 1989, 95. P. 231—256.}
- Holodovich 1979 — A. A. Holodovich. *Problemy grammaticheskoy teorii*. Leningrad, 1979. {A. A. Kholodovich. *Problems of grammatical theory*. Leningrad, 1979.}
- Idzuhara 2010 — S. Idzuhara. *Nihongo rujgi hyogen cukaivake dziten*. Tokio, 2010. {S. Izuhara. *Dictionary of the correct use of synonymous expressions in Japanese*. Tokyo, 2010.}
- Ikegami 2011 (1981) — Yo. Ikegami. *‘Suru’ to ‘naru’ no gengogaku*. Tokio, 2011 (1981). {Yo. Ikegami. *Linguistics of “do” and “become”*. Tokio, 2011 (1981).}
- Kindaiti 1976 — H. Kindaiti. *Nihongo do:si no asupekuto*. Tokio, 1976. S. 5—26. {H. Kindaichi. *Aspect of a Japanese verb*. Tokyo, 1976. P. 5—26.}
- Kishimoto 2017 — H. Kishimoto. *Case marking*. In: *Handbook of Japanese Syntax* / Eds. M. Shibatani, S. Miyagawa, H. Noda. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. P. 447—496.
- Kondo 2018 — A. Kondo. *‘Nihongorasisa’ no bumpo*. Tokio, 2018. {A. Kondo. *Grammar of “Japanese-like” Japanese*. Tokyo, 2018.}
- Konrad 1937 — N. I. Konrad. *Sintaksis yaponskogo nacional'nogo literaturnogo yazyka*. Moskva, 1937. {N. I. Konrad. *Syntax of the Japanese national literary language*. Moscow, 1937.}
- Konuma 2011 — Yu. Konuma. *Ponyatie superleksemy i aspektual'naya harakteristika yaponskogo glagola*. In: *Voprosy yazykoznanija*. 2011, 6. S. 67—89. {Yu. Konuma. *The concept of superlexeme and aspectual characteristics of the Japanese verb*. In: *Topics in the study of language*. 2011, 6. P. 67—89.}
- Lyutikova, Tatevosov 2014 — E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov. *Postoyannaya Kibrika*. In: *Yazyk. Konstany. Peremennye: Pamyati A. E. Kibrika* / Otv. red. V. A. Plungyan. Sankt-Peterburg, 2014. S. 140—168. {E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov. *Kibrik constant*. In: *Language. Constants. Variables: In memory of A. E. Kibrik* / Ed. V. A. Plungyan. Saint Petersburg, 2014. P. 140—168.}
- Maslov 2004 — Y. S. Maslov. *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie*. Moskva, 2004. {Y. S. Maslov. *Selected works: Aspectology. General linguistics*. Moscow, 2004.}
- Masuoka 1984 — T. Masuoka. *Te aru koudzou no bumpou*. In: *Gengo kenkyuu*. 1984, 86. S. 122—138. {T. Masuoka. *The structure of the construction te aru*. In: *Studies in Linguistics*. 1984, 86. P. 122—138.}
- NGD 2010 — *Nihongo goyo dziten*. Tokio, 2010. {*Dictionary of Mistakes in Japanese*. Tokyo, 2010.}
- Paducheva 1993 — E. V. Paducheva. *Rezultativnye znacheniya nesovershennogo vida v russkom yazyke: obshchefakticheskoe i akcional'noe*. In: *Voprosy yazykoznanija*. 1993, 1. S. 64—74. {E. V. Paducheva. *Effective meanings of the imperfect form in the Russian language: general factual and actional*. In: *Topics in the study of language*. 1993, 1. P. 64—74.}
- Petruhina, Kaneko 2017 — E. V. Petruhina, Yu. Kaneko. *Rol' grammatiki i aspektual'nyh klassov glagolov v reprezentacii sobytij v russkom i yaponskom yazykah*. In: *Reprezentaciya sobytij. Integrirovannyj podhod s pozicii kognitivnyh nauk* / Red. V. I. Zobotkina. Moskva, 2017. S. 312—336. {E. V. Petrukhina, Y. Kaneko. *The role of grammar and aspectual classes of verbs in the representation of events in Russian and Japanese*. In: *Representation of events. An integrated approach from the standpoint of cognitive science* / Ed. V. I. Zobotkina. Moscow, 2017. P. 312—336.}
- Plungyan 1989 — V. A. Plungyan. *K opredeleniyu rezultativa (universal'na li svyaz' rezultativa i predel'nosti?)*. In: *Voprosy yazykoznanija*. 1989, 6. S. 55—63. {V. A. Plungyan. *On the definition of the resultative (is the relationship between the resultativity and telicity universal?)*. In: *Topics in the study of language*. 1989, 6. P. 55—63.}
- Shirai 1998 — Y. Shirai. *Where the Progressive and the Resultative Meet: Imperfective Aspect in Japanese, Chinese, Korean and English*. In: *Studies in Language*. 1998, 22 (3). P. 661—692.
- Shluinskij 2006 — A. B. Shluinskij. *Akcional'nye svojstva konstrukcij so vspomogatel'nym glagolom tur*. In: E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. G. Pazel'skaya, A. B. Shluinskij. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke*. Moskva, 2006. S. 362—402. {A. B. Shluinskij. *Actional properties of constructions with the auxiliary verb tur*. In: E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. G. Pazel'skaya, A. B. Shluinskij. *Event structure and verb semantics in the Karachay-Balkar*. Moscow, 2006. P. 362—402.}
- Sichinava 2008 — D. V. Sichinava. *Svyaz' mezhdru formoj i semantikoj perfekta: odna neizuchennaya zonomernost'*. In: *Dinamicheskie modeli. Slovo. Predlozhenie. Tekst*. Moskva, 2008. S. 711—749. {D. V. Sichinava. *Connection between the form and semantics of the perfect: one unexplored regularity*. In: *Dynamic models. Word. Sentence. Text*. Moscow, 2008. P. 711—749.}
- Sichinava 2014 — D. V. Sichinava. *“Dlinnye” i “korotkie” formy na puti grammatikalizacii “rezultativ — perfekt / evidencial'nost’” (materialy k tipologii)*. In: *Yazyk. Konstany. Peremennye: Pamyati A. E. Kibrika* / Otv. red. V. A. Plungyan. Sankt-Peterburg, 2014. S. 232—243. {D. V. Sichinava. *“Long” and “short” forms on the way of grammaticalization “resultative — perfect / evidentiality” (materials for typology)*. In: *Language. Constants. Variables: In memory of A. E. Kibrik* / Ed. V. A. Plungyan. Saint Petersburg, 2014. P. 232—243.}

Sugimura 2003 — Yu. Sugimura. Te oku koubun to te aru koubun no hitajsyousej ni cuite. In: Nagoya dajgaku gengo bunka ronsyuu. 2003, 24 (2). P. 95—101. {Yu. Sugimura. Regarding the asymmetry between the ‘te oku’ and ‘te aru’ constructions. In: Nagoya University Language and Culture Collection. 2003, 24 (2). P. 95—101.}

Syromyatnikov 2004 (1978) — N. A. Syromyatnikov. Razvitie novoyaponskogo yazyka. Moskva, 2004 (1978). {N. A. Syromyatnikov. The development of the modern Japanese language. Moscow, 2004 (1978).}

Takami, Kuno 2017 — K. Takami, S. Kuno. Functional syntax. In: Handbook of Japanese Syntax / Ed. M. Shibatani, S. Miyagawa, H. Noda. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. P. 187—234.

Tatevosov 2019 — S. G. Tatevosov. Aspekty slavyanskogo stilya. In: Voprosy yazykoznanija. 2019, 2. S. 47—81. {S. G. Tatevosov. Aspects of the Slavic style. In: Topics in the study of language. 2019, 2. P. 47—81.}

Testelec 2001 — Ya. G. Testelec. Diateza, zalog, aktantnaya derivaciya. In: Vvedenie v obshchij sintaksis. Moskva, 2001. S. 411—436. {Ya. G. Testelecs. Diathesis, voice, actant derivation. In: Introduction to General Syntax. Moscow, 2001. P. 411—436.}

Tipologiya 1983 — Tipologiya rezul'tativnyh konstrukcij (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt) / Ed. V. P. Nedyalkov. Leningrad, 1983. {Typology of resultative constructions (result, stative, passive, perfect) / Ed. by V. P. Nedyalkov. Leningrad, 1983.}

Tsujimura 2002 — N. Tsujimura. Japanese enter/exit verbs revisited. A reply to Kita (1999). In: Studies in Language. 2002, 26 (1). P. 165—180.

Tsujimura 2007 — N. Tsujimura. Language Change in Progress: Evidence from Computer-Mediated Communication. In: BLS 33. 2007, 1. P. 436—446.

Приложение

Список используемых в работе лексемных пар

Deru ‘выходить’ / *dasu* ‘вынимать’, *hairu* ‘входить’ / *ireru* ‘вкладывать’, *ukaru* ‘проходить’ / *ukeru* ‘принимать’, *kawaru* ‘меняться’ / *kaeru* ‘менять’, *hajimaru* ‘начинаться’ / *hajimeru* ‘начинать’, *ikiru* ‘жить’ / *ikasu* ‘оживлять’, *toreru* ‘быть полученным’ / *toru* ‘брать’, *nokoru* ‘оставаться’ / *nokosu* ‘оставлять’, *kimaru* ‘решаться’ / *kimeru* ‘решать’, *okoru* ‘происходить’ / *okosu* ‘вызывать’, *fueru* ‘увеличиваться’ / *fuyasu* ‘увеличивать’, *tsutawaru* ‘передаваться’ / *tsutaeru* ‘передавать’, *umareru* ‘рождаться’ / *umu* ‘рождать’, *tatsu* ‘стоять’ / *tateru* ‘ставить’, *agaru* ‘подниматься’ / *ageru* ‘поднимать’, *sugiru* ‘проходить’ / *sugosu* ‘проводить’, *tsuku* ‘быть прикрепленным’ / *tsukeru* ‘прикреплять’, *modoru* ‘возвращаться’ / *modosu* ‘возвращать’, *arawareru* ‘появляться’ / *arawasu* ‘проявлять’, *sadamaru* ‘быть определенным’ / *sadameru* ‘определять’, *tsunagaru* ‘быть связанным’ / *tsunagu* ‘связывать’, *tomaru* ‘останавливаться’ / *tomeru* ‘останавливать’, *ugoku* ‘двигаться’ / *ugokasu* ‘двигать’, *noru* ‘садиться’ / *noseru* ‘помещать’, *atsumaru* ‘собираться’ / *atsumeru* ‘собирать’, *mitsukaru* ‘обнаружиться’ / *mitsukeru* ‘обнаружить’, *ataru* ‘попадать’ / *ateru* ‘предназначать’, *hirogaru* ‘расширять’ / *hirogeru* ‘расширяться’, *sodatsu* ‘воспитываться’ / *sodateru* ‘воспитывать’, *ochiru* ‘падать’ / *otosu* ‘ронять’, *takamaru* ‘повышаться’ / *takameru* ‘повышать’, *muku* ‘быть обращенным’ / *mukeru* ‘обращать’, *matomaru* ‘уладиться’ / *matomeru* ‘улаживать’, *heru* ‘понижаться’ / *herasu* ‘понижать’, *kuwawaru* ‘быть добавленным’ / *kuwaeru* ‘добавлять’, *wataru* ‘переходить’ / *watasu* ‘переправлять’, *kireru* ‘быть разрезанным’ / *kiru* ‘резать’, *tooru* ‘проходить’ / *toosu* ‘пропускать’, *todoku* ‘достигать’ / *todokeru* ‘доставлять’, *hanareru* ‘отделяться’ / *hanasu* ‘отделять’, *sagaru* ‘понижаться’ / *sageru* ‘понижать’, *tawaru* ‘вращаться’ / *tawasu* ‘вращать’, *nukeru* ‘выпадать’ / *nuku* ‘вытаскивать’, *nobiru* ‘удлиняться’ / *nobasu* ‘удлинять’, *kieru* ‘исчезнуть’ / *kesu* ‘удалить’, *kasanaru* ‘быть сложенным’ / *kasaneru* ‘складывать’, *michiru* ‘наполняться’ / *mitasu* ‘наполнять’, *kakaru* ‘висеть’ / *kakeru* ‘вешать’, *hazureru* ‘открепляться’ / *hazusu* ‘открепить’, *kakureru* ‘прятаться’ / *kakusu* ‘прятать’.

Scientia potentia est: памяти профессора В. К. Кельмакова (1942—2023)

Кондратьева Наталья Владимировна, Институт истории, языка и литературы Удм ФИЦ УрО РАН (Ижевск); nataljakondratjeva@yandex.ru

Стрелкова Ольга Борисовна, Удмуртский государственный университет (Ижевск); olstr@mail.ru

Статья посвящена памяти выдающегося удмуртского лингвиста, доктора филологических наук, профессора Валея Кельмаковича Кельмакова, внёсшего значительный вклад в развитие финно-угорского языкознания, основавшего научную школу «Удмуртский язык в системе пермских и финно-угорских языков: сравнительно-исторические и типолого-контактологические исследования», инициатора научного симпозиума «Пермистика: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками».

Ключевые слова: удмуртский язык, В. К. Кельмаков, удмуртская диалектология, историческая фонетика удмуртского языка, история развития удмуртского языкознания

SCIENTIA POTENTIA EST: IN MEMORY OF PROFESSOR V. K. KEL'MAKOV (1942—2023)

Natalia V. Kondratieva, Institute of History, Language and Literature, Udm FIC RAN (Izhevsk); nataljakondratjeva@yandex.ru

Olga B. Strelkova, Udmurt State University (Izhevsk); olstr@mail.ru

The article is dedicated to the memory of the outstanding Udmurt linguist, Doctor of Philology, Professor Valey Kel'makov, who made a significant contribution to the development of Finno-Ugric linguistics; founded the scientific school “Udmurt language in the system of Permian and Finno-Ugric languages: comparative historical and typological-contactological studies”; initiator of the symposium “Permistics: Dialects and History of Permian languages in interaction with other languages”. Among the most significant discoveries of the scientist are the following: development of criteria for dialect division of the Udmurt language; creation of a modern classification of Udmurt dialects; identification and description of the most important trends of the proto-Permian stage of development of the Udmurt and Komi languages; reconstruction of Proto-Udmurt vocalism; restoration of paradigmatics and some features of syntagmatics of Proto-Udmurt consonantism; periodization of the history of Udmurt linguistics; research of the creative biography of leading linguists-researchers of Permian languages; development of the principles of teaching the Udmurt language to foreign students; formation of traditions of Udmurt textual studies, etc. The bio-bibliographic index (2022), published on the 80th anniversary of the scientist's birth, contains 527 titles of scientific works. Among them are monographs, textbooks, collections, articles, reviews, methodological developments on morphology, syntax, word formation, lexicology, lexicography, etymology, onomastics.

Keywords: Udmurt language, V. K. Kel'makov, dialectology of the Udmurt language, historical phonetics of the Udmurt language, history of the development of Udmurt linguistics

28 декабря 2023 г. перестало биться сердце выдающегося финно-угроведа Валея Кельмаковича Кельмакова (1942—2023) — доктора филологических наук (1994), профессора Удмуртского государственного университета (1996), Заслуженного деятеля науки Удмуртской АССР (1991) и Российской Федерации (1997), почётного члена Финно-угорского общества (Финляндия, 1994), члена Оргкомитетов Международных конгрессов финно-угроведов (1990), члена редколлегии журналов — международного «Linguistica Uralica» (Таллин, 1996) и всероссийского «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола, 1995), кавалера ордена «Золотой почётный крест Венгрии» (2014), лауреата национальной премии имени Кузубая Герда (2022), члена диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций Удмуртского государственного университета (Ижевск), члена Союза писателей Удмуртской Республики и Российской Федерации.

Ещё совсем недавно мы с благоговейным трепетом готовили тексты выступлений и статьи к юбилею нашего великого Учителя: подбирали подходящие эпитеты, яркие и меткие выражения, характеризующие его образ мышления и принципы жизни... А всё потому, что быть учеником великого Учёного — это большая ответственность. Тогда и в голову не приходила мысль, что настанет день, когда статья о нём будет иметь подзаголовок «Памяти...».

С уходом В. К. Кельмакова финно-угорская наука потеряла одного из ярчайших исследователей. К числу наиболее значимых открытий учёного относятся: разработка критериев диалектного членения удмуртского языка; создание современной классификации удмуртских диалектов; выявление и описание важнейших тенденций прапермского этапа развития удмуртского и коми языков; реконструкция праудмуртского вокализма; восстановление парадигматики и некоторых особенностей синтагматики праудмуртского консонантизма; периодизация истории развития удмуртского языкознания; исследование творческой биографии ведущих лингвистов-исследователей пермских языков; разработка принципов преподавания удмуртского языка для зарубежных студентов; формирование традиций удмуртской текстологии и др.

Валей Кельмакович прошел тернистый путь от обычного сельского парнишки до исследователя высочайшего уровня. Родился В. К. Кельмаков 14 января 1942 г. в деревне Верхняя Юмья (Тыло) Кукморского района Татарской АССР в крестьянской семье. После окончания Ошторма-Юмьинской средней школы в 1959 г. поступил на удмуртское отделение историко-филологического факультета Удмуртского пединститута. Окончив аспирантуру Института языкознания АН СССР в 1968 г., молодой специалист пошёл работать в Удмуртский научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР. В 1971 г. В. К. Кельмаков перешёл в Удмуртский пединститут, преобразованный в 1972 г. в Удмуртский государственный университет, где он с присущей ему энергичностью и целеустремлённостью плодотворно трудился до последних дней.

В. К. Кельмаков — автор свыше 500 научных трудов. Он стал первопроходцем во многих областях пермской лингвистики, но с особым трепетом относился к трём направлениям удмуртской лингвистики.

1. Прежде всего диалектологии, с которой начались научные изыскания будущего профессора: в 1970 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Кукморский диалект удмуртского языка» [Кельмаков 1969] под руководством известного финно-угроведа В. И. Лыткина. В своей работе автор подробно проанализировал фонетико-морфологические особенности языка исследуемого ареала; выявил интра- и экстралингвистические факторы в развитии кукморского диалекта удмуртского языка.

Благодаря инициативе В. К. Кельмакова в 1980-е гг. в Удмуртском государственном университете была заложена традиция проведения ежегодных диалектологических экспедиций. Учёный сам активно участвовал в сборе диалектного материала из разных регионов Удмуртии и мест компактного проживания удмуртского народа. В результате обследовались говоры отдельных населённых пунктов, проводились систематизация и классификация собранного материала. На основе этих исследований В. К. Кельмаков предложил современную классификацию удмуртских диалектов и разработал авторские методики сбора и фиксации собранного материала, которыми до сих пор пользуются студенты [Кельмаков 2010]. Таким образом, на базе Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики собран архив удмуртских диалектов начиная с 1980-х гг. Уже сегодня эти материалы не только имеют особое значение для понимания динамики языковых процессов в современном удмуртском языке, но и дают возможность выявить тенденции происходивших в прошлом языковых движений. Оцифровка рукописей, а также создание на их основе единой базы данных удмуртских диалектов, позволяющей проводить расчет расстояний между диалектами, применяя алгоритмы кластеризации, — важная задача современной науки.

Живая история функционирования удмуртского языка 1980—2010-х гг. отражена в серии публикаций фольклорно-диалектологических материалов: «Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры» [Кельмаков 1981a], «Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры» [Кельмаков

1990], «Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры I» [Кельмаков 2015a]. Их главная задача — сохранить и передать для следующих поколений красоту и богатство удмуртского языка, проиллюстрировать для исследователей трансформационные процессы в языковой системе. К сожалению, второй том образцов удмуртской речи южных говоров, планируемый учёным, остался неопубликованным.

Результатом кропотливого труда В. К. Кельмакова являются также учебные пособия «Краткий курс удмуртской диалектологии» ([Кельмаков 1998], претерпел три переиздания), «Udmurtin murteet» [Kel'makov, Saarinen 1994] и целый ряд статей, описывающих фонетико-морфологические и лексические особенности отдельных диалектов удмуртского языка. В частности, внимания заслуживают такие работы, как «Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия» [Кельмаков 1977; 1978б; 1981б], «Образцы удмуртской речи I: Татышлинский диалект» [Кельмаков 1978в], «О некоторых общих особенностях срединных говоров удмуртского языка» [Кельмаков 1992а] и др., в которых автор системно подходит к описанию специфических черт изучаемых говоров/диалектов, а также убедительно доказывает роль интра- и экстралингвистических факторов в их становлении. В исследованиях по диалектологии, в том числе в статье «Язык бесермян в системе удмуртских диалектов» [Кельмаков 1987], учёный также обращается к одной из нерешённых проблем — к происхождению этнической группы бесермян и их языка. В своих трудах он убедительно доказал, что язык бесермян содержит весьма разнообразные черты, которые нельзя однозначно интерпретировать как удмуртские или тюркские. В частности, если Т. И. Тепляшина отсутствие звука *ó* в бесермянском наречии объясняет влиянием «какого-то» «тюркского» («древнебулгарского») ~ «древнечувашского») субстрата, в вокалической системе которого не было указанного гласного [Тепляшина 1970], то В. К. Кельмаков данное явление рассматривает как удмуртское, т. к. «тенденция к падению праудмуртских огубленных гласных (передне-) среднего ряда **ó* и **í*, в зародышевом виде содержащаяся уже в недрах праудмуртской системы гласных, в случае с **ó* в разных диалектах нашла различное проявление» [Кельмаков 1992б: 201—202]. Таким образом, даже среди лингвистов этногенез бесермянского народа вызывает споры.

2. Изучение удмуртских диалектов пробудило в учёном интерес к исследованию исторической фонетики удмуртского языка. Анализ основных путей развития удмуртских диалектов лёг в основу его докторской диссертации «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов» (1993), в которой восстановлены парадигматические и синтагматические характеристики праудмуртского вокализма и константизма, что позволяет определить, как изменилась система гласных и согласных от прапермского состояния до наших дней.

В диссертации также представлено диахроническое описание удмуртской акцентуации как результата развития финно-угорской и прапермской акцентуационных систем. Так, В. К. Кельмаков придерживается точки зрения относительно фиксированного ударения на начальном слоге в финно-угорском языке и прапермском языке-основе. По мнению учёного, в поздний прапермский период вследствие массового отпадения конечных гласных основы и появления большого количества односложных слов были разрушены прежние акцентуационные отношения: единственный слог основы перестал быть ударным ввиду отсутствия в ней других слогов. В итоге в конце прапермского периода сложилось такое акцентуационное состояние, когда ударение, утратив свои функциональные позиции в основе слова, в её производных могло быть абсолютно свободным. В дальнейшем в каждом из пермских языков, в зависимости от конкретных интра- и/или экстралингвистических факторов, он выработал собственную систему ударения [Кельмаков 1993].

Детальное изучение различных диалектов удмуртского языка, особенно периферийно-южных, ключевых в силу сохранности в их фонетике ряда архаичных явлений, позволило В. К. Кельмакову предложить новую периодизацию развития пермских языков. В частности, отдельное внимание учёный уделил функционированию аффрикат в удмуртских диалектах. На основе проведённого исследования В. К. Кельмаков выявил, что в одних диалектах — а именно в ряде срединных говоров — не только сохранились древняя парадигматика (все четыре аффрикаты) и праудмуртские особенности дистрибуции аффрикат, но и развился определённый гиперизм в их употреблении за счет фрикативных звуков.

В других диалектах наблюдается постепенное сужение сферы употребления аффрикат вплоть до полного вытеснения их другими согласными. С точки зрения учёного, этот процесс проходил в три этапа, оставив три группы диалектов [там же]:

а) I группа диалектов, представленная северными, южными и частью срединных говоров, характеризуется сохранением всех аффрикат, но в то же время отмечается сужение их дистрибуции (например, праудм. **кещ* > отд. южн. *кэс* 'заяц; коза');

б) II группу составляют отдельные говоры периферийно-южных и бесермянского диалектов, где, помимо вышеперечисленных случаев синтагматической утраты аффрикат, процесс вытеснения последних охватил и другие позиции: так, полностью вышли из употребления веллярные аффрикаты;

в) в III группу вошли кукморские говоры удмуртского языка, для которых характерен дальнейший процесс дезаффрикации палатальных *з* и *ч*.

Отдельные аспекты развития удмуртского вокализма и консонантизма отражены в серии статей учёного: «Рефлексы древнеудмуртских гласных верхнего подъема в современных диалектах» [Кельмаков 1974], «Судьба праудмуртского огубленного *ö* в современных диалектах» [Кельмаков 1975а], «Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и её следы в пермских языках» [Кельмаков 1975б], «К вопросу о “двух *о*” в праудмуртском языке» [Кельмаков 1978а], «Праудмуртская система гласных» [Кельмаков 1981в], «К вопросу о праудмуртской системе согласных» [Кельмаков 1985], «Вопросы исторической фонетики удмуртского языка в свете современных диалектных данных» [Кельмаков 1988] и др. В указанных работах В. К. Кельмаков подробно исследует типологическую эволюцию структуры прафинно-угорского корня в пермских языках, реконструирует праудмуртскую систему вокализма и консонантизма, объясняет и уточняет причины изменения акцентуации в пермских языках, тенденции развития новых фонем и возникновения отдельных фонетических явлений в диалектах удмуртского языка под влиянием контактирующих языков. Полученные результаты позволили предложить новую периодизацию истории развития удмуртского языка, с учётом данных исторической фонетики. Так, согласно гипотезе В. К. Кельмакова, можно выделить три периода:

1) прапермский (середина II тыс. до н. э. — IX—X вв.), который характеризуется общими для пермских языков трансформационными процессами (отпадение конечных гласных, преобразование системы вокализма, сужение и спорадическая лабиализация гласных первого слога, деназализация);

2) праудмуртский, состоящий из двух этапов: а) ранний праудмуртский (X—XIV вв.), представленный сходными результатами в современных диалектах (сужение прапермских гласных **a/*ä* и **o* в *у*, трансформационные процессы в системе аффрикат, изменение акцентуации); б) поздний праудмуртский период (XV—XVII вв.), характеризующийся формированием диалектных различий в системе вокализма и консонантизма;

3) современный удмуртский язык (с XVIII в. до наших дней), когда фонетические изменения носят спорадический и периферийный характер [Кельмаков 2003: 190—200].

Результаты работы по описанной тематике отражены в учебном пособии в двух частях «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка», которое активно используется преподавателями и студентами финно-угорских направлений при изучении диахронических аспектов развития пермских языков (см. [Кельмаков 2003; 2004]).

3. Руководствуясь принципом «без прошлого нет будущего», В. К. Кельмаков пристальное внимание уделял изучению истории возникновения, развития и современного состояния удмуртского языкознания. Среди важнейших работ в этом направлении можно отметить следующие: «Удмурт кылосбурлэн кылдэмез (XVIII даур)» [Кельмаков 1999], «Очерки истории удмуртского языкознания» [Кельмаков 2001б], «Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние» [Кельмаков 2001а], «К истории удмуртского и пермского языкознания: хрестоматия по курсу “История изучения удмуртского языка”. Ч. 1. Удмуртские говоры» [Кельмаков 2002], «Вехи истории удмуртского языковедения» [Кельмаков 2011] и др., в которых предлагается периодизация истории развития удмуртского языкознания, включены яркие очерки о жизни и творческой деятельности российских и зарубежных исследователей удмуртского языка (и филологии) — Г. Е. Верещагина, Б. Г. Гаврилова, Т. Г. Аминоффа, Берната Мункачи, Юрьё Вихманна, В. А. Ислентьева, Д. В. Бубриха, Т. К. Борисова, В. И. Лыткина, Т. И. Тепляшиной, И. В. Тараканова, Шандора Чуча и др. Особый интерес у учёного вызывало также современное состояние удмуртской лингвистики и те задачи, которые стоят перед ней и требуют безотлагательного решения.

Согласно В. К. Кельмакову, в истории развития удмуртской лингвистики можно выделить пять периодов с собственными характерными особенностями каждый: 1-й период — эпоха «великих путешествий» и зарождения удмуртской филологии (XVIII в.); 2-й — время обретения новых источников (начало и середина XIX в.); 3-й — «героическая эпоха», или «эпоха энтузиастов» (последняя четверть XIX в. — начало XX в. (до середины 1930-х гг.)); 4-й — время «утраченных иллюзий» (середина 30-х — конец 60-х гг. XX в.); 5-й — время поисков собственного лица (с 1970-х гг. по настоящее время) [Кельмаков 2001б: 12—13]. Данная классификация составлена с учётом культурно-исторического контекста развития удмуртской лингвистики, в связи с чем представляет интерес для широкого круга исследователей.

Три ведущих направления — диалектология, историческая фонетика, история развития удмуртской лингвистики — стали тем прочным фундаментом, который позволил В. К. Кельмакову постичь глубинные тайны удмуртского языка. В библиографическом указателе, опубликованном к 80-летию со дня рождения учёного, представлено 527 наименований его научных трудов (см. [Кельмаков 2022]). Среди них монографии, учебники, сборники, статьи, рецензии, методические разработки, посвящённые вопросам морфологии, синтаксиса, словообразования, лексикологии, лексикографии, этимологии, ономастики.

В последние годы в творческой деятельности учёного зарождалось ещё одно научное направление — текстология и изучение языка и стиля удмуртских писателей. Так, В. К. Кельмаков впервые в истории удмуртской филологии обратил в своих публикациях самое серьёзное внимание на существенные недостатки и просчёты в текстологической подготовке к изданию рукописных и раннепечатных произведений классиков удмуртской литературы — Г. Е. Верещагина, К. Герда, Н. С. Байтерякова и др. [Кельмаков 2017; 2020; 2023]. Стоит упомянуть также серию статей, в которых раскрываются лингвостилистические особенности удмуртских писателей и поэтов Кедра Митрея, М. П. Петрова, Г. С. Сабитова [Кельмаков 2015б] и др.

В планах исследователя было и издание лексикографических трудов. В той или иной степени подготовлены рукописи синонимического и фразеологического словарей удмуртского языка. Небольшая часть материалов синонимического словаря (780 синонимических рядов) была издана как справочное издание для школьников [Кельмаков 2009]. Однако львиная доля собранных материалов ждёт своего часа для научной обработки и последующего издания.

К сожалению, среди незавершённых трудов В. К. Кельмакова осталась и рукопись по разработке пунктуационных правил современного удмуртского языка. В настоящее время на основе этих материалов группой исследователей Института истории, языка и литературы Удмуртского федерального центра Уральского отделения РАН и заведующей кафедрой лингвистической типологии и лингводидактики Удмуртского государственного университета Н. Н. Тимерхановой проводится работа по усовершенствованию правил пунктуации. Важно подчеркнуть, что вопросы нормирования родного языка отражены и в других публикациях учёного (см. [Кельмаков 2008]).

Вклад Валея Кельмаковича Кельмакова в развитие удмуртской филологии невозможно переоценить. Он являлся вдохновителем и организатором многих мероприятий. В частности, по его инициативе и при деятельном участии организован регулярно проводимый зональный симпозиум «Пермистика: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». К сожалению, XX, юбилейная, «Пермистика», организуемая на базе Института истории, языка и литературы Удм ФИЦ УрО РАН и Удмуртского государственного университета в октябре 2024 г., будет проходить уже без своего инициатора, но будет посвящена его светлой памяти.

Валей Кельмакович успел подготовить целую плеяду специалистов в области пермского языкознания. Под его руководством защищены две докторские (Н. В. Кондратьева, Л. Л. Карпова) и 12 кандидатских диссертаций (А. В. Егоров, Д. А. Ефремов, Л. М. Ившин, Н. В. Кондратьева, Н. М. Люкина, Л. Г. Пономарева, М. А. Самарова, О. Б. Стрелкова, Е. А. Сундукова, О. В. Титова, Л. В. Утева, С. Н. Широкова). Сохранение преемственности поколений как механизма создания и распространения знаний было его важным жизненным кредо. Знание как ценность, знание как ресурс, знание как сила: *Scientia potentia est!*

Научные работы Валея Кельмаковича представляют собой ценный вклад в развитие не только удмуртского, но и финно-угорского языкознания в целом. Им основана научная школа «Удмуртский язык в системе пермских и финно-угорских языков: сравнительно-исторические и типолого-контактологические исследования», занимающаяся изучением удмуртской и коми-пермяцкой диалектологии, грамматики и ономастики. Ученики В. К. Кельмакова продолжают его славное дело по всему финно-угорскому миру, работают в настоящее время в учебных заведениях и научных центрах не только Ижевска, но и Глазова, Перми, Эстонии, Финляндии, Венгрии...

Светлая память о Валее Кельмаковиче навсегда останется в сердцах его учеников и последователей.

Л и т е р а т у р а

Кельмаков 1969 — В. К. Кельмаков. Кукморский диалект удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.

Кельмаков 1974 — В. К. Кельмаков. Рефлексы древнеудмуртских гласных верхнего подъема в современных диалектах // Вопросы советского финно-угроведения. Петрозаводск, 1974. С. 29—31.

Кельмаков 1975а — В. К. Кельмаков. Судьба праудмуртского огубленного *ö* в современных диалектах // Советское финно-угроведение. 1975. Т. 11, № 4. С. 259—270.

Кельмаков 1975б — В. К. Кельмаков. Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в пермских языках // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1975. С. 65—89.

Кельмаков 1977 — В. К. Кельмаков. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26—61.

- Кельмаков 1978а — В. К. Кельмаков. К вопросу о «двух о» в праудмуртском языке // Советское финно-угроведение. 1978. Т. 14, № 1. С. 20—40.
- Кельмаков 1978б — В. К. Кельмаков. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия II // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 65—85.
- Кельмаков 1978в — В. К. Кельмаков. Образцы удмуртской речи I: Татышлинский диалект // *Fenno-Ugristica*. Tartu, 1978. № 5. С. 101—122.
- Кельмаков 1981а — В. К. Кельмаков. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры = Удмуртъёслэн вераськон сямьёссы: Уйпал кылвыл но шор вераськетъёс. Ижевск, 1981.
- Кельмаков 1981б — В. К. Кельмаков. Кырыкмасские говоры III // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 137—148.
- Кельмаков 1981в — В. К. Кельмаков. Праудмуртская система гласных // *Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapestini habitus, 9—15 Septembris 1975*. Budapest, 1981. P. 3: *Acta sectionaris linguisticae*. С. 202—207.
- Кельмаков 1985 — В. К. Кельмаков. К вопросу о праудмуртской системе согласных // Советское финно-угроведение. 1985. Т. 21, № 4. С. 272—280.
- Кельмаков 1987 — В. К. Кельмаков. Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тезисы докладов. Устинов, 1987. С. 113—115.
- Кельмаков 1988 — В. К. Кельмаков. Вопросы исторической фонетики удмуртского языка в свете современных диалектных данных // Историческое развитие языков и методы его изучения. Свердловск, 1988. Ч. 2. С. 159—160.
- Кельмаков 1990 — В. К. Кельмаков. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры = Удмуртъёслэн вераськон сямьёссы 2: Шор вераськетъёс. Ижевск, 1990.
- Кельмаков 1992а — В. К. Кельмаков. О некоторых общих особенностях срединных говоров удмуртского языка // *Festschrift für Károly Rédei zum 60. Geburtstag = Emlékkönyv Rédei Károly 60. Születésnapjára*. Wien; Budapest, 1992. S. 251—254.
- Кельмаков 1992б — В. К. Кельмаков. Об одном «утраченном» гласном в бесермянском диалекте удмуртского языка // *LU*. 1992. Т. 28, № 3. С. 189—203.
- Кельмаков 1993 — В. К. Кельмаков. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993.
- Кельмаков 1998 — В. К. Кельмаков. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск, 1998.
- Кельмаков 1999 — В. К. Кельмаков. Удмурт кылосбурлэн кылдэмез (XVIII даур). Ижкар, 1999.
- Кельмаков 2001а — В. К. Кельмаков. Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние. Ижевск, 2001.
- Кельмаков 2001б — В. К. Кельмаков. Очерки истории удмуртского языкознания. Ижевск, 2001.
- Кельмаков 2002 — В. К. Кельмаков. К истории удмуртского и пермского языкознания. Ижевск, 2002.
- Кельмаков 2003 — В. К. Кельмаков. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1. Ижевск, 2003.
- Кельмаков 2004 — В. К. Кельмаков. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2. Ижевск, 2004.
- Кельмаков 2008 — В. К. Кельмаков. Шонересь-а гождяськоньсытымы шонертэтьёс? Ижкар, 2008.
- Кельмаков 2009 — В. К. Кельмаков. Удмурт синоним кыллюкам. Ижевск, 2009.
- Кельмаков 2010 — В. К. Кельмаков. Удмурт диалектология. Ижкар, 2010.
- Кельмаков 2011 — В. К. Кельмаков. Вехи истории удмуртского языковедения. Ижевск, 2011.
- Кельмаков 2013 — В. К. Кельмаков. К текстологии Герда. I: «Слова, слова, слова...» в современных воспроизведениях стихотворения Кузубая Герда // *Вестник Удмуртского университета*. 2013. Вып. 2. С. 71—79.
- Кельмаков 2015а — В. К. Кельмаков. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры I. Ижевск, 2015.
- Кельмаков 2015б — В. К. Кельмаков. Литературное и диалектное в языке стихотворений Гая Сабитова // *Океан поэзии и музыки Гая Сабитова: Воспоминания, посвящения, письма, документальные материалы, статьи, стихи. К 100-летию со дня рождения поэта-песенника, радиожурналиста, редактора, переводчика Гая Сабитовича Сабитова*. Ижевск, 2015. С. 225—252.
- Кельмаков 2017 — В. К. Кельмаков. Удмурт кылосбурлэн йылсо сэрегъёсыз = Острые углы удмуртской филологии. Ижевск, 2017.
- Кельмаков 2020 — В. К. Кельмаков. «Песни и сказы твои останутся...» I: Удмуртские фольклорные тексты, изданные Б. Гавриловым. Ижевск, 2020.
- Кельмаков 2022 — В. К. Кельмаков. Биобиблиографический указатель: к 80-летию со дня рождения / Сост. В. В. Данилова, А. Н. Банкеева; авт. вступ. ст. Н. В. Кондратьева, Г. А. Некрасова, А. Г. Шкляев, А. С. Лобанова. Ижевск, 2022.
- Кельмаков 2023 — В. К. Кельмаков. Проблемы текстологии удмуртского фольклора // *Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образования народов России*. Ижевск, 2023. С. 152—170.
- Kel'makov, Saarinen 1994 — V. Kel'makov, S. Saarinen. Udmurtin murteet. Turku; Iževsk, 1994.
- Kel'makov, Hännikäinen 1999 — V. Kel'makov, S. Hännikäinen. Udmurtin kielioppia ja harjoituksia. Helsinki, 1999.

References

- Kel'makov 1969 — V. K. Kel'makov. Kukmorskii dialekt udmurtskogo yazyka: Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1969. {V. K. Kel'makov. Kukmor dialect of the Udmurt language. PhD thesis. Moscow, 1969.}
- Kel'makov 1974 — V. K. Kel'makov. Refleksy drevneudmurtsskikh glasnykh verkhnego podyema v sovremennykh dialektakh. In: Voprosy sovetskogo finno-ugrovedeniya. Petrozavodsk, 1974. S. 29—31. {V. K. Kel'makov. Reflexes of ancient Udmurt upper-rise vowels in modern dialects. In: Questions of Soviet Finno-Ugric studies. Petrozavodsk, 1974. P. 29—31.}
- Kel'makov 1975a — V. K. Kel'makov. Sud'ba praudmurtsskogo ogublennoogo *ö* v sovremennykh dialektakh. In: Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1975. T. 11, № 4. S. 259—270. {V. K. Kel'makov. The fate of the Proto-Udmurt ruined *ö* in modern dialects. In: Soviet Finno-Ugric studies. 1975. Vol. 11, No. 4. P. 259—270.}
- Kel'makov 1975b — V. K. Kel'makov. Finno-ugorskaya prayazykovaya osobennost' vokalizma nepervogo sloga i ee sledy v permskikh yazykakh. In: Voprosy udmurtskogo yazykoznaniiya. Izhevsk, 1975. S. 65—89. {V. K. Kel'makov. The Finno-Ugric proto-linguistic feature of the vocalism of the non-first syllable and its traces in the Permian languages. In: Questions of Udmurt linguistics. Izhevsk, 1975. P. 65—89.}
- Kel'makov 1977 — V. K. Kel'makov. Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurtsskogo narechiya I. In: Voprosy udmurtsskoi dialektologii. Izhevsk, 1977. S. 26—61. {V. K. Kel'makov. A brief description of the Kyrykmas dialects of the Southmurt dialect I. In: Questions of Udmurt dialectology. Izhevsk, 1977. P. 26—61.}
- Kel'makov 1978a — V. K. Kel'makov. K voprosu o "dvukh o" v praudmurtsskom yazyke. In: Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1978. T. 14, № 1. S. 20—40. {V. K. Kel'makov. On the question of the "two o's" in the Proudmoore language. In: Soviet Finno-Ugric studies. 1978. Vol. 14, No. 1. P. 20—40.}
- Kel'makov 1978b — V. K. Kel'makov. Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurtsskogo narechiya II. In: O dialektakh i govorakh yuzhnoudmurtsskogo narechiya. Izhevsk, 1978. S. 65—85. {V. K. Kel'makov. A brief description of the Kyrykmas dialects of the South Udmurt dialect II. In: About dialects and dialects of the South Udmurt dialect. Izhevsk, 1978. P. 65—85.}
- Kel'makov 1978v — V. K. Kel'makov. Obraztsy udmurtsskoi rechi I: Tatyshlinskii dialekt. In: Fenno-Ugristica. Tartu, 1978. № 5. S. 101—122. {V. K. Kel'makov. Samples of Udmurt speech I: Tatyshlinsky dialect. In: Fenno-Ugristica. Tartu, 1978. No. 5. P. 101—122.}
- Kel'makov 1981a — V. K. Kel'makov. Obraztsy udmurtsskoi rechi: Severnoe narechie i sredinnye govory = Udmurtssyelen veras'kon syamyessy: Uipal kylvyl no shor veras'ketyes. Izhevsk, 1981. {V. K. Kel'makov. Samples of Udmurt speech: The Northern dialect and the middle dialects. Izhevsk, 1981.}
- Kel'makov 1981b — V. K. Kel'makov. Kyrykmasskie govory III. In: Materialy po udmurtsskoi dialektologii: obraztsy rechi. Izhevsk, 1981. S. 137—148. {V. K. Kel'makov. Kyrykmas dialects III. In: Materials on Udmurt dialectology: speech samples. Izhevsk, 1981. P. 137—148.}
- Kel'makov 1981v — V. K. Kel'makov. Praudmurtsskaya sistema glasnykh. In: Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapestini habitus. Budapest, 1981. S. 202—207. {V. K. Kel'makov. Pra-Udmurt vowel system. In: Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapestini habitus. Budapest, 1981. P. 202—207.}
- Kel'makov 1985 — V. K. Kel'makov. K voprosu o praudmurtsskoi sisteme soglasnykh. In: Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1985. T. 21, № 4. S. 272—280. {V. K. Kel'makov. On the question of the Proudmoore consonant system. In: Soviet Finno-Ugric studies. 1985. Vol. 21, No. 4. P. 272—280.}
- Kel'makov 1987 — V. K. Kel'makov. Yazyk besermyan v sisteme udmurtsskikh dialektov. In: XVII Vsesoyuznaya finno-ugorskaya konferentsiya: Tezisy dokladov. Ustinov, 1987. S. 113—115. {V. K. Kel'makov. The Besermyan language in the system of Udmurt dialects. In: XVII All-Union Finno-Ugric Conference: Abstracts of reports. Ustinov, 1987. P. 113—115.}
- Kel'makov 1988 — V. K. Kel'makov. Voprosy istoricheskoi fonetiki udmurtsskogo yazyka v svete sovremennykh dialektnykh dannykh. In: Istoricheskoe razvitie yazykov i metody ego izucheniya. Sverdlovsk, 1988. Ch. 2. S. 159—160. {V. K. Kel'makov. Questions of historical phonetics of the Udmurt language in the light of modern dialect data. In: Historical development of languages and methods of its study. Sverdlovsk, 1988. Part 2. P. 159—160.}
- Kel'makov 1990 — V. K. Kel'makov. Obraztsy udmurtsskoi rechi 2: Sredinnye govory = Udmurtssyelen veras'kon syamyessy 2: Shor veras'ketyes. Izhevsk, 1990. {V. K. Kel'makov. Samples of Udmurt speech 2: Middle dialects. Izhevsk, 1990.}
- Kel'makov 1992a — V. K. Kel'makov. O nekotorykh obshchikh osobennostyakh sredinnykh govorov udmurtsskogo yazyka. In: Festschrift für Károly Rédei zum 60. Geburtstag = Emlékkönyv Rédei Károly 60. születésnapjára. Wien; Budapest, 1992. S. 251—254. {V. K. Kel'makov. About some common features of the middle dialects of the Udmurt language. In: Festschrift für Károly Rédei zum 60. Geburtstag = Emlékkönyv Rédei Károly 60. születésnapjára. Wien; Budapest, 1992. P. 251—254.}
- Kel'makov 1992b — V. K. Kel'makov. Ob odnom "utrachennom" glasnom v besermyanskom dialekte udmurtsskogo yazyka. In: LU. 1992. T. 28, № 3. S. 189—203. {V. K. Kel'makov. About one "lost" vowel in the Besermyan dialect of the Udmurt language. In: LU. 1992. Vol. 28, No. 3. P. 189—203.}

- Kel'makov 1993 — V. K. Kel'makov. Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskih dialektov. Izhevsk, 1993. {V. K. Kel'makov. Formation and development of Udmurt dialects. Izhevsk, 1993.}
- Kel'makov 1998 — V. K. Kel'makov. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii. Izhevsk, 1998. {V. K. Kel'makov. A short course in Udmurt dialectology. Izhevsk, 1998.}
- Kel'makov 1999 — V. K. Kel'makov. Udmurt kylosburlehn kyldehmez (XVIII daur). Izhkar, 1999. {V. K. Kel'makov. The emergence of Udmurt linguistics (XVIII century). Izhevsk, 1999.}
- Kel'makov 2001a — V. K. Kel'makov. Udmurtskoe yazykoznanie: Zarozhdenie. Etapy istorii. Sovremennoe sostoyanie. Izhevsk, 2001. {V. K. Kel'makov. Udmurt linguistics: The Origin. Stages of history. The modern state. Izhevsk, 2001.}
- Kel'makov 2001b — V. K. Kel'makov. Ocherki istorii udmurtskogo yazykoznanija. Izhevsk, 2001. {V. K. Kel'makov. Essays on the history of Udmurt linguistics. Izhevsk, 2001.}
- Kel'makov 2002 — V. K. Kel'makov. K istorii udmurtskogo i permskogo yazykoznanija. Izhevsk, 2002. {V. K. Kel'makov. On the history of Udmurt and Permian linguistics. Izhevsk, 2002.}
- Kel'makov 2003 — V. K. Kel'makov. Dialektnaya i istoricheskaya fonetika udmurtskogo yazyka. Ch. 1. Izhevsk, 2003. {V. K. Kel'makov. On the history of Udmurt and Permian linguistics. Izhevsk, 2002.}
- Kel'makov 2004 — V. K. Kel'makov. Dialektnaya i istoricheskaya fonetika udmurtskogo yazyka. Ch. 2. Izhevsk, 2004. {V. K. Kel'makov. Dialect and historical phonetics of the Udmurt language. Part 2. Izhevsk, 2004.}
- Kel'makov 2008 — V. K. Kel'makov. Shoner'es'-a gozhyas'konys'tymy shonertetyes? Izhkar, 2008. {V. K. Kel'makov. Are the corrections in our spelling correct? Izhevsk, 2008.}
- Kel'makov 2009 — V. K. Kel'makov. Udmurt sinonim kylllyukam. Izhevsk, 2009. {V. K. Kel'makov. Dictionary of synonyms of the Udmurt language. Izhevsk, 2009.}
- Kel'makov 2010 — V. K. Kel'makov. Udmurt dialektologiya. Izhkar, 2010. {V. K. Kel'makov. Dialectology of the Udmurt language. Izhevsk, 2010.}
- Kel'makov 2011 — V. K. Kel'makov. Vekhi istorii udmurtskogo yazykovedeniya. Izhevsk, 2011. {V. K. Kel'makov. Milestones in the history of Udmurt linguistics. Izhevsk, 2011.}
- Kel'makov 2013 — V. K. Kel'makov. K tekstologii Gerda. I: "Slova, slova, slova..." v sovremennykh vosproizvedenyakh stikhotvoreniya Kuzebaya Gerda. In: Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2013. Vyp. 2. S. 71—79. {V. K. Kel'makov. Towards Gerd's textual theory. I: "Words, words, words..." in modern reproductions of Kuzebai Gerd's poem. In: Bulletin of the Udmurt University. 2013. Issue. 2. P. 71—79.}
- Kel'makov 2015a — V. K. Kel'makov. Obraztsy udmurtskoi rechi 3: Yuzhnye govory I. Izhevsk, 2015. {V. K. Kel'makov. Samples of Udmurt speech 3: Southern dialects I. Izhevsk, 2015.}
- Kel'makov 2015b — V. K. Kel'makov. Literaturnoe i dialektnoe v yazyke stikhotvorenii Gaya Sabitova. In: Okean poezii i muzyki Gaya Sabitova: Vospominaniya, posvyashcheniya, pis'ma, dokumental'nye materialy, stat'i, stikhi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya poeta-pesennika, radiozhurnalista, redaktora, perevodchika Gaya Sabitovicha Sabitova. Izhevsk, 2015. S. 225—252. {V. K. Kel'makov. Literary and dialectal in the language of Guy Sabitov's poems. In: The ocean of poetry and music by Guy Sabitov: Memoirs, dedications, letters, documentary materials, articles, poems. On the 100th anniversary of the birth of the songwriter, radio journalist, editor, translator Guy Sabitovich Sabitov. Izhevsk, 2015. P. 225—252.}
- Kel'makov 2017 — V. K. Kel'makov. Udmurt kylosburlehn iylyso sehregyesy = Ostrye ugly udmurtskoi filologii. Izhevsk, 2017. {V. K. Kel'makov. The sharp corners of Udmurt philology. Izhevsk, 2017.}
- Kel'makov 2020 — V. K. Kel'makov. "Pesni i skazy tvoi ostanutsya..." I: Udmurtskie fol'klornye teksty, izdannye B. Gavrilovym. Izhevsk, 2020. {V. K. Kel'makov. "Your songs and tales will remain..." I: Udmurt folklore texts published by B. Gavrilov. Izhevsk, 2020.}
- Kel'makov 2022 — V. K. Kel'makov. Biobibliograficheskii ukazatel': k 80-letiyu so dnya rozhdeniya / Sost. V. V. Danilova, A. N. Bankeeva; avt. vstup. st. N. V. Kondrat'eva, G. A. Nekrasova, A. G. Shklyayev, A. S. Lobanova. Izhevsk, 2022. {V. K. Kel'makov. Biobibliographic index: to the 80th anniversary of his birth / Comp. V. V. Danilova, A. N. Bankeeva; Introduction by N. V. Kondratieva, G. A. Nekrasova, A. G. Shklyayev, A. S. Lobanova. Izhevsk, 2022.}
- Kel'makov 2023 — V. K. Kel'makov. Problemy tekstologii udmurtskogo fol'klora. In: Prosvetitel'stvo v istorii i sovremennom razvitiu literatury, kul'tury i obrazovaniya narodov Rossii. Izhevsk, 2023. S. 152—170. {V. K. Kel'makov. Problems of textology of Udmurt folklore. In: Enlightenment in the history and modern development of literature, culture and education of the peoples of Russia. Izhevsk, 2023. P. 152—170.}
- Kel'makov, Saarinen 1994 — V. Kel'makov, S. Saarinen. Udmurtin murteet. Turku; Iževsk, 1994.
- Kel'makov, Hännikäinen 1999 — V. Kel'makov, S. Hännikäinen. Udmurtin kielioppia ja harjoituksia. Helsinki, 1999.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Э. А. Грунина. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Г. Дёрфер. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — F. Kiefer, B. Gyuris. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. F. Kiefer. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. J. Fernandez-Vest. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — L. V. Clark. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — E. Helimski. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluraltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
01.10.2024

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

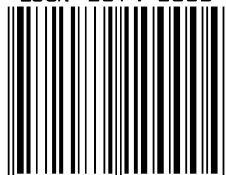
Editor
Maria Maksimova

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages
jurnaluraltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
01.10.2024

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >